м 900/432

Suum cuique
Всякому свое
ИЗ КНИГ А.М.МАКАРОВА.

Матеріалъ къ
исторіи Лб. Уланскаго
Ея Величества полка
1877–1878 г.

1371

ВОСПОМИНАНІЯ

ВАСИЛЬЯ ВАСИЛЬЕВИЧА

ВОЕЙКОВА.

М 900/432

В.О Кн. М

1877—1878.

Отъ Дуная и до Царьграда.

Записки участника,

В. В. Воейкова.

МОСКВА
Университетская типографія на Страстномъ бульварѣ.
1900.

Государственная
БИБЛИОТ...А
СССР
им. В. И. Ленина
12597-65
1500218721

Отъ автора.

Выпуская мои записки, прошу читателей не судить ихъ строго, какъ литературный трудъ, а смотрѣть какъ на желаніе пополнить и разъяснить этимъ посильнымъ трудомъ подробности знаменательнаго историческаго событія, освобожденія братьевъ Славянъ. Въ эти записки занесено только то, чему я, какъ участникъ, былъ свидѣтель.

ОТЪ ДУНАЯ ДО ЦАРЬГРАДА.

1877—1878.

Воспоминанія участника.

I часть.

КАВКАЗСКАЯ КАЗАЧЬЯ БРИГАДА.

Казачья пѣсня. *)

ЗАПѢВАЛО:

Полно вамъ снѣжо́чкамъ
На талой землѣ лежать;
Полно намъ каза́ченькамъ
Горе горевать.

*

ХОРЪ:

Полно намъ казаченькамъ
Горе горевать.
Оставимъ тоску печаль
Во темныхъ во лѣсахъ.

*

Будемъ привыкать
Къ чужой дальней сторонѣ,
Будемъ уважать
Чужой молодой женѣ.

*

Съ дѣвками, съ молодками
Полно намъ гулять,
Перины, подушечьки
Пора намъ забывать.

*

Чекменикъ, бешметикъ
Намъ не надобно скидать;
Вспомнимъ про военные
Кинжалъ, шашку и ружье.

*

*) Пѣсня Кубанскихъ казаковъ.

Еще не забыть
Намъ про коней вороныхъ.
Есть у насъ, ребята,
Крупа и мука.

*

Кашицы наваримъ,
Мягкихъ хлѣбовъ напекемъ,
Сложимся по денежкѣ,
Пошлемъ за винцомъ.

*

Выпьемъ мы по чарочкѣ,
Позавтракаемъ;
Выпьемъ по другой,
Разговоры заведемъ.

*

Выпьемъ мы по третьей,
Съ горя пѣсни запоемъ,
Пѣсни запоемъ,
Сами во походъ пойдемъ.

I. Сборы.

1877 г. 12 Апрѣля была объявлена война Турціи. Давно уже всѣ были возбуждены противъ Турокъ, мучившихъ Балканскихъ христіанъ; газеты были полны извѣстій о Турецкихъ звѣрствахъ. Сербія и Черногорія давно дрались за свою независимость, и болѣе пылкія натуры изъ нашихъ уѣхали въ Сербію волонтёрами и тамъ подъ командою генерала Черняева отстаивали свободу Славянъ. Это, конечно, было начало, какъ бы аванпостная перестрѣлка; всѣ ждали наступленія главныхъ силъ, т. е. высочайшаго манифеста о войнѣ Россіи съ Турціей.

Войска наши уже стояли въ Кишиневѣ, и много ходило разнорѣчивыхъ слуховъ. Главнокомандующимъ назначенъ былъ великій князь Николай Николаевичъ Старшій, пользовавшійся общей любовію войска и довѣріемъ народа, ждавшаго отъ него побѣдъ. Гвардію еще не трогали, хотя слухи носились, что скоро и ее потребуютъ на театръ военныхъ дѣйствій. Про нашъ л.-гв. Уланскій полкъ, въ которомъ я служилъ въ то время, упорно говорили, что Государь разрѣшилъ, по просьбѣ великаго князя, взять его себѣ какъ свой гусарскій полкъ въ конвой. *)

И вотъ, наконецъ раздался Царскій голосъ, война была объявлена, и войска двинулись на Дунай.

*) Кое-кто изъ нашего полка былъ уже вызванъ въ главную квартиру дѣйствующей арміи, а другіе ожидали назначенія.

Надо было видѣть всеобщую радость: знакомые и незнакомые поздравляли на улицахъ другъ друга съ объявленіемъ войны. Манифестъ и газеты раскупались на расхватъ. Воинственная горячка охватила всѣхъ; всѣ старались быть причастниками къ дѣлу. Кто хлопоталъ поступить въ дѣйствующія войска, кто въ «Красный Крестъ», кто жертвовалъ, кто пилъ за успѣхъ Русскаго оружія; однимъ словомъ, всякій старался, какъ могъ, выразить свою готовность быть хочь чѣмъ-нибудь полезнымъ въ эти важныя минуты и способствовать побѣдѣ Креста надъ Луною.

Многіе, не стѣсняясь своимъ положеніемъ по гражданской службѣ, поступали рядовыми въ дѣйствующіе полки. Не помню фамиліи, но помню молодцевато-разъѣзжавшаго по улицамъ Петербурга съ прощальными визитами сенатора, лѣтъ 70-ти, поступившаго корнетомъ въ одинъ изъ гусарскихъ полковъ. По улицамъ появились бѣлыя фуражки, т. е. на обыкновенныя фуражки были надѣты бѣлые чехлы, присвоенные назначеннымъ въ дѣйствующую армію. Эти фуражки возбуждали въ насъ зависть и еще болѣе разжигали страсти.

Отъѣзжавшіе, конечно, гордились своимъ положеніемъ и къ намъ относились съ высока, покровительственно, а нѣкоторые съ серіознымъ видомъ, воображая себя уже бывалыми, давали намъ совѣты на случай, если насъ потребуютъ на Дунай, чѣмъ намъ запастись и какъ себя вести въ походѣ. Были и такіе, которые рѣшали на глазòкъ, по какимъ-то имъ однимъ извѣстнымъ соображеніямъ, кто годится въ походъ и кто нѣтъ.

Магазины всякихъ патентованныхъ походныхъ вещей торговали на славу; но многое потомъ пришлось бросить за негодностью этихъ походныхъ вещей въ походѣ.

Съ Кавказскаго театра военныхъ дѣйствій въ полку получилась телеграмма, гласившая, что нашъ товарищъ поручикъ Ханъ Нахичеванскій, уѣхавшій еще до начала кампаніи въ Кавказскую армію, былъ въ дѣлѣ, велъ себя молодцемъ и раненъ въ руку пулей. Телеграмму прочли во всѣхъ эскадронахъ, а ему послали поздравленіе.

Многіе изъ назначенныхъ жаловались, что долго задерживаютъ переводы въ дѣйствующіе полки, хотя это только казалось; слышались опасенія опоздать къ военнымъ дѣйствіямъ. Въ то время всѣ предполагали, что Турки—чурки и мы ихъ шапками закидаемъ, что и оружія-то у нихъ нѣтъ, и запасовъ нѣтъ, и войска не устроены; ну, словомъ, отъ Дуная и до Царьграда это будетъ не война, а торжествен-

ный маршъ, въ чемъ впослѣдствіи пришлось разочароваться, и войны хватило на всѣхъ. Я сильно рвался въ дѣйствующую армію; что-то заманчивое слышалось въ словахъ: «дѣйствующая армія». Просился я въ Кавказскую казачью бригаду за Дунай, и мнѣ это было обѣщано.

Всѣмъ намъ не сидѣлось на мѣстѣ; мы бѣгали изъ дома въ домъ, по штабамъ и канцеляріямъ, справляясь, скоро ли и до насъ дойдетъ чередъ. Хотѣлось узнать повѣрнѣе, но слухи были разнорѣчивы и не опредѣленны. Въ одну изъ такихъ развѣдокъ я былъ въ Петербургѣ и, не узнавъ ничего новаго, пошелъ къ одному моему пріятелю ночевать. Только-что улеглись, какъ является мой камердинеръ Тимоѳей и сіяющій подаетъ мнѣ телеграмму говоря: извольте читать; я читаю: «Вы назначаетесь въ Кавказскую бригаду. Тутолминъ». (Полковникъ Тутолминъ командовалъ Кавказскою казачьей бригадой). Радость была неописанная. «Ѣду на войну!» кричу я пріятелю, не менѣе моего желавшему того же. «Быть не можетъ», кричитъ онъ, подбѣгая ко мнѣ. «Смотри самъ», говорю я, протягивая телеграмму. «Ну поздравляю!» Радуется и онъ, прочтя ее.

Сонъ какъ рукой сняло; начались разсужденія, что̀ теперь дѣлать: ѣхать ли сейчасъ въ полкъ, или дождаться утра? Но нетерпѣніе брало свое; я послалъ за тройкой и неизвѣстно зачѣмъ поскакалъ въ Петергофъ, гдѣ стоялъ нашъ полкъ. Въ полку, конечно, всѣ спали, и мы съ Тимоѳеемъ поговорили о предстоящихъ сборахъ, «посмотрѣли на карту, опредѣлили гдѣ въ настоящее время наши войска и, воткнувъ булавку въ то мѣсто, куда мнѣ надо было ѣхать, я улегся спать.

Утромъ пошелъ я къ адъютанту, который сказалъ, что приказа въ полку еще нѣтъ, а что это частное извѣстіе. Сейчасъ же я отыскалъ товарища моего корнета Ѳедорова. Онъ тоже ждалъ перевода въ Кубанскій полкъ, той же бригады, и вмѣстѣ съ нимъ мы покатили въ Петербургъ заказывать черкески и закупать оружіе.

Много времени проходило у насъ въ разговорахъ со встрѣчавшимися знакомыми. Мы каждаго останавливали, объявляя ему, что ѣдемъ въ дѣйствующую армію. Всѣ намъ сочувствовали и поздравляли. Предлагаемые намъ шашки и кинжалы мы долго испытывали: гнули и махали ими, пробуя упругость стали.

Въ числѣ походныхъ покупокъ я пріобрѣлъ себѣ складную деревянную постель, подъ названіемъ «сомель», а корнетъ Ѳедоровъ купилъ непромокаемую гуттаперчевую постель. Въ полкъ мы больше не являлись, а поселились въ Петербургѣ, на квартирѣ нашего товарища, ротм. А. П. Сафонова, подъ Смольнымъ монастыремъ; онъ тоже ждалъ на-

значенія въ главную квартиру дѣйствующей арміи. Когда мы обзавелись походными кроватями, то, конечно, сейчасъ же присцособили ихъ къ дѣлу. Ѳедоровъ въ своей непромокаемой укладывался прямо на полъ, но послѣ нѣсколькихъ испытаній нашелъ, что на кровати лучше и сдалъ ее въ складъ. Моя хотя была несравненно мягче, но послѣ нѣсколькихъ дней опыта не выдержала и разрушилась. Сдавать въ складъ было нечего: остались только щепки, да кусокъ холста, изъ котораго сшили торбы лошадямъ для желѣзной дороги. Сафоновъ надъ нами посмѣивался и изображалъ насъ въ каррикатурахъ. «Вы бы, говорилъ онъ, попробовали на плацу въ лужѣ поспать на своихъ патентованныхъ кроватяхъ; это было бы по походному».

Вскорѣ наша компанія увеличилась однимъ новымъ членомъ: это былъ морякъ, лейтенантъ; онъ командовалъ какой-то лодкой въ Кронштадтѣ, бросилъ ее и болтался по Петербургу. Мы гдѣ-то на гуляньѣ встрѣтили его, пригласили къ себѣ, и онъ зажилъ у насъ, позабывъ свою лодку; но, кажется, за эту самовольную отлучку ему впослѣдствіи досталось.

Для этого компаніона была вытребована изъ склада непромокаемая постель и раскинута на сдвинутыхъ стульяхъ посреди комнаты. Часто ночью насъ будилъ трескъ и стукъ падающаго тѣла: это морякъ, неосторожно поворачивавшійся во снѣ, проваливался сквозь раздвигавшіеся стулья; мы просыпались, смѣялись и говорили: «морякъ потерпѣлъ крушеніе!» и спрашивали: «на какой рифъ онъ наткнулся?» Потерпѣвшій подымался изъ груды стульевъ, ругался, устраивалъ свою животрепещущую постель и снова укладывался спать: эти крушенія нисколько его не смущали. Такъ шли дни за днями въ ожиданіи приказа. Ежедневно утромъ, напившись чаю, мы выходили изъ дому въ полномъ составѣ, шли къ Смольному, садились въ двадцати-двухъ мѣстную карету, какъ мы называли конку, и ѣхали на Михайловскую улицу; тамъ мы вылѣзали и продолжали путь пѣшкомъ въ ресторанъ Доминика, куда насъ привлекала масса газетъ и иллюстрацій, въ которыхъ мы почерпали извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій.

Прежде всего мы завтракали, а затѣмъ, взявъ по кружкѣ пива, углублялись въ литературу. Иллюстраціи изъ военнаго быта мы разсматривали сообща, при чемъ Сафоновъ и тутъ не пропускалъ случая подтрунить надъ нами и, указывая на Турецкія звѣрства, увѣрялъ, что меня Турки посадятъ на колъ, а Ѳедорову отрѣжутъ носъ и уши.

Окончивъ свои литературныя занятія, мы выходили изъ ресторана и шли каждый по своимъ дѣламъ, согласившись предварительно гдѣ встрѣтиться къ обѣду или вечеромъ.

Мы съ Ѳедоровымъ шли обыкновенно въ Главный Штабъ, гдѣ у насъ завелся пріятель-писарь, у котораго мы справлялись, не вышелъ ли приказъ о нашемъ назначеніи, но получали каждый разъ отрицательный отвѣтъ.

На прощанье побывали мы въ Ливадіи, гдѣ пѣлъ въ то время Иванъ Калистратовичъ Молчановъ со своимъ хоромъ. Попили съ нимъ чайку; онъ намъ спѣлъ и пожелалъ всего хорошаго и благополучно возвратиться. Мы ему на это замѣтили: «Почемъ знать? Можетъ быть и не вернемся», но Молчановъ сказалъ: «Это вѣрно я говорю, что вернетесь, вотъ увидете!» Слова его оправдались, и не разъ потомъ онъ припоминалъ мнѣ это.

Наконецъ, пришелъ приказъ о моемъ назначеніи. Я не медля поѣхалъ въ полкъ за полученіемъ билета на проѣздъ, денегъ и вообще для общаго расчета съ полкомъ. Затѣмъ я отправился въ Красное Село представиться начальству и проститься съ товарищами. Прощаніе было шумное, при чемъ было немало выпито, чему способствовали полковые пѣсенники. Одинъ изъ товарищей, пор. В. А. Левстрёмъ, любившій подъ веселую руку сочинять, какъ говорится, небылицы въ лицахъ, и уѣзжавшій въ это время въ отпускъ, разсказывалъ, что ѣдетъ въ Америку, тоже на войну. Насъ вынесли на рукахъ и посадили въ коляску при крикахъ «ура». Мы говорили какія-то прочувствованныя рѣчи и, махая фуражками, поѣхали на вокзалъ.

Мнѣ пришлось подождать немного перевода корнета Ѳедорова, чтобы ѣхать вмѣстѣ. Вскорѣ переводъ его въ Кубанскій полкъ пришелъ, и мы начали укладываться, назначивъ день отъѣзда; но тутъ случился казусъ, остановившій насъ на нѣсколько дней. Дѣло было въ томъ, что деньги, полученныя нами на проѣздъ, мы уже всѣ растратили и ѣхать намъ было не съ чѣмъ. Послали телеграммы роднымъ о высылкѣ денегъ. Деньги скоро получили, вторично назначили день отъѣзда и, боясь какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ задержекъ, распорядились съ вечера, чтобы деньщикъ завтра рано утромъ съ лошадьми и вещами отправился на вокзалъ, сдавалъ бы вещи въ багажъ и ставилъ бы лошадей въ вагонъ.

Просыпаемся утромъ, идетъ дождь: по Русскимъ примѣтамъ, предзнаменованіе хорошее; а между тѣмъ вставать лѣнь, да вдобавокъ вечеръ провели бурно. Но дѣлать нечего, надо торопиться, чтобы не опоздать на поѣздъ.

Когда совсѣмъ собрались, Ѳедоровъ опять вспомнилъ, что-то такое забылъ; но откладывать было нельзя, и мы въ сопровожденіи

Сафонова поѣхали на Николаевскій вокзалъ, гдѣ насъ ожидалъ деньщикъ, получившій уже по нашимъ предложеніямъ билеты. Все было готово, оставалось сѣсть и ѣхать; мы не вытерпѣли и забѣжали въ буфетъ выпить, какъ говорится, «посошокъ». Сафоновъ пожелалъ намъ всего хорошаго, а мы ему пожелали скорѣе присоединиться къ намъ. Обнявшись, расцѣловались и, напутствуемые добрыми пожеланіями даже незнакомыхъ, мы вошли въ вагонъ. Раздался свистокъ, и поѣздъ тронулся. Сафоновъ снялъ фуражку и, поднявъ ее кверху, разинулъ ротъ, изображая, что кричитъ ура. Мы тоже сняли фуражки, перекрестились и кланялись. Долго мы еще смотрѣли изъ окна, прощаясь съ Петербургомъ и оставшимися на платформѣ.

Это было 25 Іюня 1877 года. Въ Колпинѣ были еще прощанія: Ѳедорова встрѣтили какія-то знакомыя дамы, мужчины и, кажется, младенцы. Они выѣхали проводить его, и должно быть близкіе, потому что цѣловались, крестили, желая всего хорошаго и, кажется, собирались плакать, но не успѣли; поѣздъ свиснулъ, и мы покатили дальше, не предвидя никакихъ задержекъ и рѣшивъ всякія къ тому препятствія нергично отклонять. «Ну», говорили мы съ Ѳедоровымъ «поѣхали воевать съ Турками, наконецъ-то выбрались!

II. Въ вагонѣ до г. Журжева и по берегу Дуная въ г. Зимницу.

Ѣхали мы на скорыхъ поѣздахъ, на которыхъ везли и нашихъ верховыхъ лошадей: это было преимущество ѣхавшихъ въ дѣйствующую армію.

Чѣмъ дальше мы удалялись, тѣмъ воинственнѣе становились. Всѣ насъ окружавшіе и встрѣчавшіеся относились къ намъ сочувственно, разспрашивая, куда мы ѣдемъ, гдѣ стоитъ такой-то полкъ, въ которомъ непремѣнно у нихъ находился родственникъ или знакомый. Въ общемъ наше путешествіе ничѣмъ особеннымъ не отличалось. Мы безъ остановокъ катили къ берегамъ Дуная. Навстрѣчу намъ часто попадались поѣзда Краснаго Креста, переполненные ранеными *); мы ихъ разспрашивали, какъ и что̀ и не знаютъ ли они, гдѣ наша Кавказская бригада. По дорогѣ начали подсаживаться ѣдущіе въ дѣйствующію армію; тутъ попадались и молодые офицеры, раньше обыкновеннаго произведенные по случаю войны, и статскіе, желавшіе опредѣлиться куда нибудь въ

*) Это производили „эвакуацію“ или просто по-русски сказать перевозку; также попадались поѣзда съ плѣнными Турками, у которыхъ, не смотря на все ухаживаніе нашихъ дамъ-благотворительницъ, видъ былъ очень печальный.

полкъ охотникомъ или вольноопредѣляющимся; ѣхали и отставные хлопотать о томъ же.

Только и разговору было, что о войнѣ и Туркахъ; всѣмъ остальнымъ мало интересовались. За Кіевомъ насъ поразила масса Жидовъ, толпившихся на станціяхъ. Эти Жиды не такіе, какъ въ средней Россіи, а настоящіе, въ длинныхъ лапсердакахъ съ пейсами, въ бархатныхъ ермолкахъ, въ башмакахъ и чулкахъ. Они, оглашая воздухъ своимъ говоромъ и крикомъ, шныряли по платформѣ и вагонамъ. Тутъ были и подростки, и маленькіе, тоже принимавшіе живое участіе въ общей дѣятельности. Въ вагонахъ также ѣхали Жиды, но это уже были крупные; тѣ и другіе занимались сообща торговлей. Это вѣроятно были все сподвижники знаменитыхъ Грейера, Горвица, Когана и комп., ловкихъ поставщиковъ арміи. Одинъ изъ этихъ крупчыхъ, вѣроятно подрядчикъ или агентъ, ѣхалъ въ нашемъ вагонѣ. При каждой остановкѣ поѣзда къ его окну съ гвалтомъ бросалась толпа станціонныхъ Жидовъ; почти у каждаго былъ мѣшочекъ съ образцами зерна, которыя ѣхавшій съ нами бралъ, высыпалъ зерна себѣ на руку, разсматривалъ, взвѣшивалъ, пробовалъ на зубъ и отдавалъ обратно, а нѣкоторыя оставлялъ или обмѣнивалъ на бывшія съ нимъ. Гвалтъ стоялъ невообразимый. Все это насъ забавляло. Нѣкоторые изъ Шмулекъ ѣхали отъ станціи до станціи и, кажется, безъ билетовъ. Эта общая ихъ дѣятельность была поразительна по всему пути. Тутъ встрѣчались всякіе Жиды: и оборванные, и худые, и жирные, и наконецъ, одѣтые по европейски, съ толстой золотой цѣпью и болтающимся медальономъ на животѣ и съ перстнями чуть не на всѣхъ пальцахъ. Всѣ они заняты были однимъ ханделемъ. Польскій элементъ хотя тоже изобиловалъ, но это были все помѣщики.

Такимъ образомъ, сопутствуемые Жидами всѣхъ видовъ, мы добрались благополучно до Кишенева. Сидя день въ вагонѣ въ обществѣ пассажировъ, мы на ночь переселялись въ вагонъ къ лошадямъ, гдѣ преспокойно спали на сѣнѣ; случалось иногда и днемъ сходить туда отдохнуть. Изъ Кишенева поѣхали мы дальше до Унгенъ, пограничной съ Румыніей станціи.

При проѣздѣ пограничной линіи, поѣздъ былъ остановленъ, и пасажиры приглашены показать багажъ таможеннымъ чиновникамъ. Насъ, ѣхавшихъ въ дѣйствующую армію, не осматривали. По окончаніи быстраго таможеннаго обзора, поѣздъ пошелъ дальше и остановился уже на Румынской станціи.

При выходѣ на эту пограничную станцію, насъ поразила сразу измѣнившаяся декорація Россіи на Румынію. Мы вообще были въ пер-

вый разъ за границей. Форма одежды жандармовъ напоминала намъ старинныя гравюры двѣнадцатаго года.

Служащіе, публика и все было ново, все не по нашему, и Русскій говоръ смѣнился на какой-то намъ непонятный. Теперь намъ приходилось продолжать путь въ Румынскихъ вагонахъ. Вообще Румынскія желѣзныя дороги прескверныя, узкоколейныя; вагоны маленькіе и безъ удобствъ. Все это казалось намъ весьма страннымъ. Иногда приходилось намъ дожидаться поѣздовъ, и плохо бы было сидѣть съ людьми не понимающими по-русски; но, благодаря тому, что на каждой станціи комендантами были наши Русскіе офицеры, мы могли сколько нибудь пріятно проводить время. Только на одной изъ нихъ попался намъ начальникъ станціи, не знаю какой національности, но говорвшій коекакъ по-французски. Стоять намъ пришлось тутъ цѣлый день, и мы съ нимъ провели бо̀льшую часть времени. Онъ высказалъ намъ съ сожалѣніемъ, что мы по отъѣздѣ забудемъ о нашей встрѣчѣ и пріятно проведенномъ времени, но что онъ будетъ помнить, питая почему-то къ намъ большое расположеніе. Мы въ свою очередь увѣряли его въ своемъ сочувствіи. По всѣмъ линіямъ Румынскихъ желѣзныхъ дорогъ были расположены наши желѣзнодорожные баталіоны, несшіе службу наравнѣ съ Румынами, такъ что всегда можно было видѣть рядомъ съ Румыномъ-стрѣлочникомъ нашего солдатика.

На одной изъ станцій мы встрѣтили плѣннаго капитана Египетской кавалеріи. Онъ разсказалъ, что его взяли въ плѣнъ подъ Шумлой Донскіе казаки и чрезвычайно удивлялся той быстротѣ, съ которой онъ былъ схваченъ, и ихъ внезапному появленію. Онъ говорилъ хорошо по-французски и былъ, повидимому, неособенно огорченъ своимъ положеніемъ.

Наконецъ добрались мы до Бухареста. Поѣздъ шелъ далѣе только на другой день, и мы рѣшили воспользоваться этимъ временемъ для осмотра города.

Остановились въ гостиницѣ, куда не замедлилъ явиться факторъ, предлагая свои услуги, но мы отказались и пошли пѣшкомъ. Зашли въ какой-то трактиръ, гдѣ обѣдало нѣсколько нашихъ офицеровъ; спросили пообѣдать и мы; насъ накормили своеобразными кушаньями, приправленными не въ мѣру краснымъ перцомъ. Къ перцу мы скоро привыкли, потому что въ Болгаріи и Турціи его ѣдятъ даже съ хлѣбомъ. Въ большомъ ходу тутъ была «омлетъ», яичница, запеченая и завернутая пирожкомъ.

Въ особенности насъ удивило, что при разсчетѣ требовали съ насъ платы за хлѣбъ, какъ за особое блюдо; какъ мы ни старались

ихъ убѣдить, что у насъ въ Россіи за хлѣбъ ничего не берутъ, но они все-таки настаивали на своемъ. Наѣвшись всякой всячины, мы взяли извозчика, чистенькую, парой въ дышло, коляску, въ Англійской упряжи.

Въ Бухарестѣ множество Русскихъ извозчиковъ, и сначала насъ удивило, откуда могли они взяться, но разговорившись съ ними, мы узнали, что это скопцы, ушедшіе въ Румынію во избѣжаніи кары. Намъ же попался извозчикъ Румынъ, который, выслушавъ хладнокровно наше приказаніе, отданное по-русски, ѣхать по лучшимъ улицамъ города и показать всѣ его достопримѣчательности, мотнулъ головой и покатилъ. Вполнѣ увѣренные, что онъ насъ понялъ, мы удивлялись, что видѣнное нами не представляло ровно ничего замѣчательнаго: улицы узкія, дома некрасивые, и повсюду грязь. Наконецъ извозчикъ подъѣхалъ къ тротуару, остановился, подозвалъ какого-то прохожаго и заговорилъ съ нимъ. Мы удивились такой безцеремонности. Прохожій, переговоривъ съ извозчикомъ, сказалъ намъ по-французски, что извозчикъ проситъ узнать, куда намъ нужно ѣхать. Мы сказали случайному посреднику, что мы приказывали извозчику везти насъ и показывать достопримѣчательности города и спросили въ свою очередь, гдѣ извозчикъ насъ возилъ. Оказалось, что онъ возилъ насъ по какимъ-то закоулкамъ. Тогда мы, разсердившись, велѣли ѣхать обратно въ гостинницу.

Съ утреннимъ поѣздомъ мы отправились дальше къ Дунаю. Въ вагонѣ сидѣли Румыны и нѣсколько нашихъ офицеровъ. Разговоры, конечно, шли о событіяхъ дня. Всѣ мы, какъ умѣли, объяснялись по-французски. Румыны выставляли достоинства своей арміи, возлагая на нее большія надежды, и одинъ изъ нихъ, завравшись не въ мѣру, обратился къ намъ и спросилъ: «Ну, хорошо, что вы теперь, въ союзѣ съ нами, безпрепятственно прошли до береговъ Дуная и бьете Турокъ; а что̀ бы вы сдѣлали, если бы мы васъ не пропустили?» Сказавъ это, Румынъ, самодовольно улыбнулся, окинулъ всѣхъ гордымъ взглядомъ и ждалъ отвѣта, предполагая, вѣроятно, что озадачилъ насъ.

Отвѣтъ не заставилъ себя ждать; одинъ изъ нашихъ офицеровъ сказалъ ему: «Ну, это была бы еще не особенная бѣда; мы сначала побили бы васъ, а потомъ били бы Турокъ!» Румыны, какъ ошпаренные, въ одинъ голосъ закричали: «помилуйте, у насъ шестьдесятъ тысячь войска». «Что же значатъ ваши шестьдесятъ тысячь войска, когда Россія во всякое время можетъ выставить въ десять разъ больше, а прибавлять можетъ сколько угодно». Румыны остались очень недо-

вольны, что не понимали мы той любезности, которую они намъ оказывали, пропуская наши войска, а что мы считали это за должное.

Поѣздъ нашъ катилъ на столько быстро, на сколько позволялъ весь изрытый путь желѣзной дороги, прямо къ Журжеву.

На одной изъ станцій произошло маленькое столкновеніе поѣздовъ, окончившееся безъ несчастій съ людьми, но съ непріятностью для Румынской администраціи, которую мы заставили, съ начальникомъ станціи во главѣ, поднять и поставить на рельсы соскочившій вагонъ, не давъ въ наказаніе за ихъ нерадѣніе ни одного нашего солдата въ помощь. Дальнѣйшее путешествіе совершилось благополучно, и поѣздъ остановился не доѣзжая станціи Журжево. Намъ объяснили, что Турки всегда открываютъ огонь съ того берега Дуная изъ крѣпости Рущука по станціи и по поѣзду, если подойти близко.

Городъ Журжево, расположенный на берегу Дуная, какъ разъ противъ Рущука, былъ пустъ; жители всѣ разбѣжались, осталась полиція, да и то мы видѣли одного только комиссара: цѣлый день ходилъ онъ съ нами по городу, показывая съ грустью разрушительное дѣйствіе Турецкихъ дальнобойныхъ орудій.

Масса домовъ была разрушена, остальные съ громадными брешами въ стѣнахъ и крышахъ. Турки громили городъ не только гранатами, но и старинными круглыми бомбами. Среди этого общаго разрушенія уцѣлѣла какими-то судьбами башня, на которую водилъ насъ любезный комиссаръ и показывалъ въ бинокль Рущукскіе укрѣпленія и городъ. Особенно онъ обращалъ наше вниманіе на батарею (Арабъ-Табія), которую считалъ сильнѣйшею и очень вредившею городу.

Осмотрѣвъ бренные остатки Журжева, мы пошли на берегъ Дуная, на нашу батарею съ осадными орудіями, защищавшую городъ. Въ первый разъ намъ пришлось видѣть этотъ величественный Дунай. Берега его въ этомъ мѣстѣ высоки и обрывисты. На противуположной сторонѣ высились минареты Рущука и кое-гдѣ бѣлѣлись коническія палатки Турокъ.

Все было тихо. День былъ жаркій, и на зеркальной поверхности Дуная не было видно ни одной лодочки. Только подъ самымъ берегомъ у Рущука стоялъ Турецкій пароходъ. Онъ, какъ намъ сказали наши артиллеристы, давно уже не разводилъ паровъ и не тревожилъ водъ рѣки изъ опасенія взлетѣть вслѣдъ за своими предшественниками, взорванными лейтенантами Дубасовымъ и Шестаковымъ.

На Румынскомъ берегу кое-гдѣ расположились бѣжавшіе изъ Рущука Болгары и спокойно ловили рыбу для своего пропитанія. Мы ждали бомбардировки, желая испытать, какое она на насъ произведетъ впечатлѣніе, но Турки не догадались потѣшить насъ.

Озабоченные дальнѣйшимъ нашимъ путешествіемъ, неоднократно обращались мы съ просьбой къ комиссару достать намъ гдѣ-нибудь подводу до Зимницы, куда намъ нужно было добраться для переправы черезъ Дунай. Только къ вечеру намъ кое-какъ удалось добыть телѣгу, запряженную парой лошадокъ въ дышлс. Переночевавъ, мы выѣхали изъ Журжева въ этой телѣгѣ, а деньщикъ слѣдовалъ за нами верхомъ, ведя въ поводу другую лошадь.

Видъ и одежда Румына - подводчика показались намъ немного странными. Длинные волосы по плечамъ, борода бритая, высокая соломенная шляпа съ широкими полями, бѣлые узкіе штаны на выпускъ, изъ которыхъ торчали босыя ступни, длинная бабья рубашка, чѣмъ-то подпоясанная, и длиннѣйшій бичъ дополняли его нарядъ. Мы съ нимъ пробовали завести разговоръ, но другъ друга не поняли и отложили дальнѣйшее попеченіе. Протащившись по жарѣ немалое время вдоль берега, то удаляясь, то приближаясь къ Дунаю, мы, наконецъ, достигли Зимницы, расположенной тоже на берегу. Мы до сихъ поръ, не успѣвъ еще освоиться со всѣми неудобствами походной жизни, предполагали, что куда ни пріѣдемъ, вездѣ найдемъ и гостинницы, и трактиры, а потому и не думали запастись даже съѣстными припасами, увѣренные, что чай, яйца и хлѣбъ вездѣ найдутся; но намъ приходилось на каждомъ шагу разочаровываться.

Подъѣзжая къ Зимницѣ, мы наткнулись на цѣлую вереницу повозокъ, лазаретныхъ фургоновъ Краснаго Креста, отдѣльныя части войскъ, и все это непрерывной кишкой тянулось къ Зимницѣ. Дорога была изрыта движеніемъ, и намъ очень трудно было обогнать эти обозы.

Самый городъ Зимница походитъ на большую деревню, съ мощеной улицей, камни которой отъ движенія колесъ были вывернуты изъ своихъ мѣстъ и громоздились кучами; черезъ нихъ лазили чуть не опрокидываясь съ повозки. Мы очутились въ какомъ-то хаосѣ и не знали что̀ дѣлать. Улица кишѣла народомъ. Интенданты, Жиды, агенты всякаго сорта, солдаты, офицеры, погоньщики, все это кричало, махало плетьми и кнутами, двигаясь между стѣснившихся повозокъ. Мы спрашивали, гдѣ гостинница или постоялый дворъ. Намъ никто не отвѣчалъ, занятый каждый своимъ дѣломъ, а кто снисходилъ отвѣтить намъ, то тыкалъ пальцемъ неопредѣленно въ пространство.

Среди этого шума и гама, мы добрались до берега Дуная у какой-то избушки, оказавшейся потомъ нашей почтовой конторой, остановились, разостлали бурки и улеглись отдохнуть, любуясь величественнымъ видомъ Дуная. Извощикъ нашъ дальше дороги не зналъ, а можетъ быть просто не хотѣлъ подвергать себя какимъ-нибудь непріятностямъ, но только везти насъ дальше не брался, и мы, расплатившись съ нимъ, отпустили его, въ надеждѣ на Русское «авось да небось» добраться какъ-нибудь куда нужно.

Захотѣлось ѣсть, а съ собой ничего нѣтъ; отправились на розыскъ, и ходить пришлось недалеко: тутъ же на берегу почти у самаго обрыва пріютился баракъ иностранца-афериста, съ тесовыми столами, такими же скамейками и холстиннымъ верхомъ. Спросили обѣдъ, и намъ дали просто помои подъ названіемъ щей и еще какой-то гадости, подъ названіемъ консервовъ. Въ добавокъ пошелъ дождь, полотно крыши промочило, и струйки грязной воды потекли въ наши тарелки: приправа не особенно пикантная.

Кое-какъ утоливъ голодъ, пошли мы искать, нѣтъ ли чего получше. Попался ресторанъ, заходимъ. Въ первой комнатѣ по срединѣ билліардъ, кругомъ по стѣнамъ скамейки и нѣсколько столовъ. Въ разныхъ мѣстахъ расположились торгаши всякой мелочи. Дальше еще комната съ такой же обстановкой, но безъ билліарда. Оба эти помѣщенія были переполнены нашими офицерами и, какъ говорится, негдѣ было яблоку упасть. На билліардѣ спало нѣсколько человѣкъ, спали и на скамейкахъ и даже на полу. Табачный дымъ густымъ туманомъ застилалъ все. Пристроившись кое-какъ за столами, офицеры пили, ѣли и громко разговаривали; если кто-нибудь обращался съ вопросомъ вообще ко всѣмъ, то откуда-нибудь изъ дальнаго угла слышался отвѣтъ. Были и подъ хмѣлькомъ. Грязь и вонь повсюду непомѣрныя, а безцеремонное отношеніе прислуги къ публикѣ, которой тутъ же дѣлали по-русски внушеніе о вѣжливости, насъ поражало.

Послѣ того какъ мы убѣдились, что мѣста въ этомъ столпотвореніи не найдешь, мы пошли дальше. Наискосокъ черезъ улицу было такое же заведеніе, двухъэтажное; направились туда. Публика таже, но нѣсколько почище и поприличнѣе, да и самый трактиръ поблагообразнѣе. Мы сѣли на балкончикѣ и спросили закусить, чтобы дополнить скудное меню нашего обѣда. Разговоръ шелъ общій, рѣчь шла болѣе о дѣлѣ 18 Іюля, подъ Плевной. Обсуждали этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, критикуя дѣйствія и отыскивая виновныхъ, и нѣкоторые видѣли въ этомъ пораженіи поворотъ къ худшему всей кампаніи.

Однимъ словомъ, всякій судилъ съ своей точки зрѣнія. Мы слушали, не вступая въ разговоръ; для насъ все это было ново, мы только справлялись, не знаетъ ли кто, гдѣ Кавказская бригада въ настоящее время, но никто не могъ намъ на это отвѣтить.

Солдатики, Жидки изъ Евреевъ, и тутъ успѣли заняться гешефтомъ, и одинъ изъ нихъ шнырялъ между сидѣвшими, предлагая табакъ разныхъ сортовъ. Офицеры у него покупали и давали заказы. Никому и въ голову не приходило, почему и зачѣмъ онъ тутъ вертится, занимаясь ханделемъ, тогда какъ долженъ былъ бы находиться при своей части; но всѣ относились къ этому какъ къ обыкновенному явленію. Онъ торговалъ на какія-то «оки» и велъ счетъ на Румынскія деньги «галоганы». Всѣ ихъ уже знали, но мы къ нимъ еще не примѣнились, хотя тоже купили табаку на эти галоганы.

Воинственнѣе другихъ во всѣхъ трактирахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ были пресловутые «опекуны арміи», какъ военные, такъ и гражданскіе. Они, съ ногъ до головы увѣшанные всякимъ оружіемъ и непремѣнно со шпорами, будто опытные рубаки, давали совѣты и, разсказывая всякія страсти про Турецкія звѣрства, но сильнѣе всего критиковали дѣйствія отрядовъ. Однимъ словомъ, удали ихъ не было конца; можно было только удивляться и преклоняться передъ ними. Строевые, видавшіе уже виды, смирно попивали вино, «вйнце» Румынскаго приготовленія, не хвастались своими подвигами и слушали разсказы этихъ храбрыхъ кормильцевъ арміи, у которыхъ Шампанское лилось рѣкой, воодушевляя ихъ на новые подвиги, конечно, не военнаго характера.

Вечеръ провели мы на берегу, любуясь закатомъ солнца, гдѣ и заснули порядочно утомленные. Утромъ долго совѣщались о дальнѣйшемъ путешествіи, но ни къ какому рѣшенію не могли прійти. Перевозочныхъ средствъ негдѣ было взять, и никто не зналъ, гдѣ стоитъ Кавказская бригада. Думали, думали и рѣшили обратиться за свѣдѣніями на почту, но и тамъ намъ ничего не могли сказать; узнали мы только, что главная квартира находится въ Тырновѣ; но на чемъ туда добраться, тоже никто не зналъ. Сидимъ мы на чемоданахъ, смотримъ на рѣку и ждемъ золотой рыбки, чтобы она насъ утѣшила. Вдругъ вмѣсто золотой рыбки явился почтовый чиновникъ; разспросилъ онъ насъ относительно поѣздки и, ничего не сказавъ, ушелъ; мы опять сидимъ и ждемъ, что̀ будетъ дальше. Ѳедоровъ пошелъ поискать попутчика въ ту сторону и, вернувшись черезъ нѣсколько времени, сказалъ, что почтовый чиновникъ предлагаетъ намъ пару лошадей съ

телѣжкой, конечно, за плату. Мы обрадовались, начали торговаться; долго ломался чиновникъ, говоря, чтобы мы сами назначили цѣну, а мы ему говорили, что его товаръ, ему и цѣну назначать. Наконецъ, чиновникъ выпалилъ цѣну, восемнадцать золотыхъ; мы такъ и ахнули, это 90 рублей золотомъ, а по 8 рублей по курсу 144 р.; думали, не сумашедшій ли онъ, но нѣтъ, по виду здравомыслящій человѣкъ. Насилу мы его уломали взять съ насъ 15 золотыхъ. Дѣлать было нечего, надо было соглашаться, а иначе приходилось безъ конца любоваться Дунаемъ. Давай скорѣе собираться, а то говоримъ, пожалуй набавитъ. Подали намъ телѣжку, уложили мы вещи, уплатили всѣ 15 золотыхъ сполна впередъ, и прощаясь послали мысленно ко всѣмъ чертямъ любезнаго чиновника, напутствовавшаго насъ всякими добрыми пожеланіями.

Въ томъ же порядкѣ, какъ изъ Журжева въ Зимницу, такъ и изъ Зимницы двинулись мы къ мосту, куда уже тянулась масса повозокъ и пѣшаго и коннаго люда.

III. Переправа черезъ Дунай и до селенія Парадима.

У въѣзда на мостъ мы остановились. Тутъ по правую сторону въ землянкѣ жили морскіе офицеры, наблюдавшіе за переправой и мостомъ, ширина котораго была достаточна для прохода одной повозки, и потому соблюдалась очередь движенія въ ту и другую сторону въ назначенные часы.

Намъ пришлось поджидать пока переправится послѣдняя повозка и съ того берега фонаремъ покажутъ (это было уже подъ вечеръ), что путь свободенъ. Наконецъ, путь очистился, и мы еще за свѣтло начали переправу. При вступленіи на мостъ моряки осмотрѣли наши проѣздные билеты, безъ которыхъ никого не пропускали, и сказали намъ, что ѣхать въ повозкахъ и верхами не позволяется, а надо идти пѣшкомъ. Понтонный мостъ былъ великолѣпно устроенъ; онъ, пересѣкая Дунай, состоялъ изъ трехъ колѣнъ, звеньями которыхъ были два островка; теченіе рѣки сильное, и понтоны держались на якоряхъ съ толстыми цѣпями. Мы шли какъ по клавишамъ: каждая половица издавала особенный звукъ. Дойдя до острова и пройдя его, мы вступили на среднее колѣно, съ котораго открывалась вся ширь могучей рѣки. Много воспоминаній роилось въ головѣ при видѣ этого Дуная-Ивановича, какъ именуетъ его Русскій народъ. Мы теперь ѣхали въ то войско, которое когда-то давно называлось «славнымъ войскомъ Запорожскимъ-Низовымъ» и которое много надѣлало «шкоды» въ свое время Османамъ. Каждый вновь поступающій въ это войско долженъ

былъ участвовать въ набѣгѣ на Турокъ черезъ Дунай, и тогда только его считали настоящимъ Запорожцемъ, и Потемкинъ, славный князь Тавриды, записанный въ Запорожское войско, «Грицко Нечёса», переправился черезъ Дунай во время Турецкой войны съ Запорожцами на ихъ челнѣ, чтобы посвященіе въ казачество было полное. Мы считали, что и мы исполняемъ завѣтъ старины. Перейдя третье колѣно моста, мы, наконецъ, очутились на Турецкомъ берегу. Снявши шапки, мы перекрестились и стали взбираться на крутой обрывистый берегъ.

Совсѣмъ стемнѣло, когда мы выбрались на верхъ и, налюбовавшись закатомъ, сѣли въ телѣжку и поѣхали къ Тырнову. Темнота наступила быстро, какъ вообще на Югѣ, и жара смѣнилась прохладой. Дорога была хорошая, и возница нашъ припустилъ лошадей. Вдругъ неожиданно телѣга опрокинулась на бокъ, и мы изъ нея кубаремъ со всѣми пожитками вылетѣли вонъ. Такое быстрое перемѣщеніе изъ телѣжки на землю чрезвычайно насъ озадачило; но по изслѣдованію оказалось, что мы попали въ канаву. Разговаривать было некогда: подобрали вещи и себя, вложили все это въ телѣжку и опять тронулись въ путь, но уже съ большей осмотрительностью. Доѣхали до деревни Царевище и въ ней на площади у колодца расположились ночевать. Тутъ же еще раньше насъ расположились Жидъ-маркитантъ и солдаты какого-то уланскаго полка. Рано утромъ поѣхали мы дальше. Чаю у насъ своего не было, а попить по привычкѣ хотѣлось. Мы расчитывали найти этотъ Китайскій напитокъ, потому что казалось намъ всѣ должны питать къ нему такое же уваженіе, которымъ онъ пользуется у насъ въ Россіи, и въ первой же попавшейся деревнѣ мы спросили, нѣтъ ли чаю и чего-нибудь закусить. Оказалось, что жители частью разбѣжались, а оставшіеся были разорены и боялись всякихъ вопросовъ о съѣдобномъ. «Сичко Турка зѐмалъ, ничь нема», говорили они, цѣпляя при этомъ большимъ пальцемъ правой руки за верхніе передніе зубы и производя такимъ образомъ какое-то щелканіе, означающее, вѣроятно, ихъ полное отчаяніе, а въ тоже время они кивали утвердительно головой. Мы этого понять не могли; но оказалось, что это у нихъ знаки отрицанія, а наши знаки отрицанія у нихъ утвердительные. Получалась какая-то ерунда, въ которой мы только впослѣдствіи разобрались.

Нашлась тутъ корчма, и мы, войдя въ нее, опять повели рѣчь о чаѣ. Болгаринъ встрѣтившій насъ, качая отрицательно головой, сказалъ: «има, братушка, има». Это «братушка» намъ очень понравилось, мы слышали это названіе въ первый разъ. Подали чай, и я съ жадностью хлебнулъ, но о ужасъ, что это была за гадость: чай не чай, а какая-

то мутная бурда; я плюнулъ, братушка удивленно смотритъ; «ну, говорю, братушка, спасибо, угостилъ чаемъ, нечего сказать!» Братушка объяснилъ мнѣ, что это чай съ корицей, что это очень хорошо, но я ему не повѣрилъ, чтобы это было хорошо, и пить больше не сталъ. Такъ мы и уѣхали не солоно хлѣбавши. При выѣздѣ изъ деревни встрѣтился намъ громадный транспортъ раненыхъ. Это все были, какъ оказалось, изъ-подъ Плевны послѣ 18 Іюля. Мы ихъ разспрашивали, и раненые намъ расказывали о бывшемъ сраженіи, возмущаясь неудачею и утверждая, что тутъ была измѣна такого-то, что пораженія не могло быть, что Плевна совсѣмъ была въ нашихъ рукахъ.

Какъ мыши мокрыя отъ жары и духоты, сидѣли мы въ своей таратайкѣ; солнце палило немилосердно, а вѣтру ни дуновенія, и уже сотнику Ѳедорову обожгло носъ, и онъ у него лупился.

Проѣхали нѣсколько верстъ; дорога раздваивалась; главная шла на Тырново, а вправо на Булгарены.

На перекресткѣ стояла корчма. Ну, думаемъ, авось здѣсь чего нибудь закусимъ. Былъ уже адмиральскій часъ, а у насъ въ желудкѣ было пусто. Заходимъ и застаемъ тамъ нѣсколько нашихъ офицеровъ. Они, какъ и мы, пробирались къ своимъ отрядамъ. Не успѣли мы проглотить по куску засохшей ржавой колбасы и выпить вонючей «ракіи» (кукурузная водка), какъ показалась пыль по дорогѣ отъ Тырнова. Мы вышли на дорогу; видимъ, впереди скачутъ нѣсколько лейбъ-казаковъ, за ними коляска четверкой, и на козлахъ рядомъ съ кучеромъ сидитъ штабъ-ротмистръ нашего полка Еврейновъ, ординарецъ главнокомандующаго, а сзади опять лейбъ-казаки съ офицеромъ. Подъѣзжаютъ ближе; видимъ: сидитъ въ коляскѣ великій князь Николай Николаевичъ Старшій съ начальникомъ штаба дѣйствующій арміи Непокойчицкимъ; мы стали во фронтъ. Великій князь узналъ насъ, приказалъ остановиться и подозвавъ спросилъ: «что̀ вы тутъ дѣлаете?» «Ѣдемъ въ Кавказскую бригаду, ваше императорское высочество», отвѣтили мы и что насъ направили въ Тырново. Поговоривъ еще немного, его высочество сказалъ: «Сзади меня ѣдетъ командиръ 4-го корпуса генералъ Зотовъ; вы ступайте за нимъ и съ 4-мъ корпусомъ дойдете до Кавказской бригады; она стоитъ у Булгаренскаго моста». Великій князь поѣхалъ дальше, а мы остались поджидать генерала Зотова. Немного погодя, подъѣхалъ генералъ Зотовъ съ своимъ начальникомъ штаба; мы подошли и передали приказаніе главнокомандующаго. Ген. Зотовъ сказалъ, чтобы мы ѣхали за нимъ. Мы вскочили въ тележку и поскакали слѣдомъ за генераломъ, радуясь, что скоро увидимъ бригаду.

Пріѣхавъ на бивуакъ 4-го корпуса, мы не знали куда намъ приткнуться, а начальство объ насъ забыло. Мы пошли искать себѣ ночлега, да и ржавая колбаса давно переварилась, и желудокъ требовалъ новой провизіи, а намъ никто ея не предлагалъ. На счастье, неподалеку отъ бивуака, нашли садъ, сложили подъ дерево чемоданы, дали на чай возницѣ и отпустили его, а сами задумали крѣпкую думу, гдѣ бы и чего бы намъ поѣсть. Рѣшили пойти узнать, какіе тутъ стоятъ полки и нѣтъ ли знакомыхъ. Къ общей радости узнали, что есть одинъ знакомый эскадронный командиръ въ Стародубскомъ драгунскомъ полку. Разыскиваемъ, и онъ приглашаетъ насъ къ себѣ въ палатку.

Ну, думаемъ, теперь-то поѣдимъ. Но не тутъ то было, вѣроятно и у нихъ было плохо по части ѣды. Угостилъ онъ насъ чаемъ и колбасой, и то слава Богу. Разбудилъ насъ утромъ денщикъ и говоритъ, что всѣ уже собираются и укладываются. «Куда же», говоритъ, «вещи будемъ класть?» «Развѣ никто не приходилъ,» спрашиваемъ; оказывается «нѣтъ». Пошли мы на опушку сада и ждемъ, что теперь вѣроятно за нами пришлютъ; но никто насъ никуда не звалъ, а всѣ укладывались и готовились выступать. Вотъ, думаемъ, исторія! Лошадей своихъ отпустили, какъ же мы теперь-то чемоданы свои повеземъ и деньщика? Вдругъ видимъ—идетъ ординарецъ главнокомандующаго, нашего полка шт.-ротм., графъ Штакельбергъ; мы къ нему, вотъ, говоримъ, исторія какая съ нами. «Да откуда вы взялись»? удивился онъ. «Воевать пріѣхали» и разсказываемъ, какъ сюда попали. «Ну такъ вы велите скорѣе нести ваши чемоданы въ обозъ, а то онъ уйдетъ, и вы останетесь не при чемъ».

Деньщика и чемоданы мы спровадили, а сами пристроились къ свитѣ генерала Зотова. Около полудни отряду сдѣлали привалъ, а насъ опять таки никуда не позвали, а мы уже вовсе оголодали. Ну, говоримъ, совсѣмъ дѣло дрянь; пойдемъ хоть воды попьемъ. Пошли къ колодцу-фонтану, у котораго солдатики набирали воду въ манерки, выпили по нѣскольку этихъ манерокъ и какъ будто бы стало легче. Бродя между полковъ и обозами, видимъ, интендантъ знакомый, мы къ нему: онъ насъ узналъ, пригласилъ чаю выпить. Думаемъ теперь-то у интенданта закусимъ, но не тутъ то было: вмѣсто закуски интендантъ предложилъ намъ лимонной кислоты въ чай, увѣряя, что это чрезвычайно полезно въ жаркомъ климатѣ. Ну ужъ не знаю, полезна кислота или нѣтъ, только для насъ было бы гораздо полезнѣе что нибудь посущественнѣе. Такъ мы и поѣхали дальше съ привала съ кислотой въ желудкѣ.

На дорогѣ узнаёмъ, что шт.-ротм. графъ Штакельбергъ ѣдетъ сегодня же въ Кавказскую бригаду; мы рѣшили ѣхать съ нимъ. Часа въ четыре мы подошли къ Турецкой деревнѣ, гдѣ долженъ былъ расположиться на ночлегъ 4-й корпусъ.

Жители этой деревни, Турки, оставшіеся здѣсь, не покидая своихъ домовъ, вышли съ котелками холодной воды, по восточному обычаю, встрѣтить войска. Всѣ пили воду съ удовольствіемъ, а Турки любезно улыбались, въ душѣ же вѣроятно желали намъ провалиться и отправится въ общество къ шайтанамъ. Не теряя времени, мы съ графомъ Штакельбергомъ отправились дальше и уже въ сумеркахъ пріѣхали къ Булгаренскому мосту, гдѣ стоялъ 2-ой Кубанскій полкъ подъ командой полковника Степана Яковлевича Кухаренка; Терскій же полкъ былъ съ командиромъ бригады въ Парадимѣ. Полковникъ Кухаренко, когда мы ему представились, встрѣтилъ насъ радушно и сейчасъ же приказалъ жарить шашлыки и подавать вина, чтобы выпить, «по чарцѣ», какъ онъ говорилъ. Вѣроятно онъ замѣтилъ, что пора насъ кормить. Послѣ первыхъ объясненій: откуда, какъ, отчего и почему, мы почувствовали себя дома и, выйдя изъ палатки, смотрѣли, какъ апетитно казаки жарили у костра шашлыки.

Наконецъ шашлыки были готовы, полковникъ Кухаренко пригласилъ насъ выпить по чарцѣ и ѣсть шашлыкъ; повторять приглашеніе не пришлось, мы принялись за то и другое, злоупотребляя любезностью хлѣбосольнаго хозяина. Степанъ Яковлевичъ не переставалъ подкладывать и подливать, а мы добросовѣстно все уничтожали. Уже поздно разошлись мы и легли спать подъ буркой, на сѣнѣ, среди бивуака. Какъ хорошо заснули мы съ сытыми желудками, просто прелесть! Утромъ солнышко уже припекало, когда мы проснувшись увидали, что лежимъ около чьей-то палатки. Офицеръ, въ красномъ бешметѣ, сидѣвшій у входа, подошелъ и пригласилъ насъ пить чай. Это былъ сотникъ Мѣняевъ. Тутъ мы еще познакомились съ нѣсколькими офицерами, а затѣмъ обошли всѣ палатки и представились всѣмъ офицерамъ полка. Все это оказалось народъ простой, любезный, и мы сразу почувствовали себя хорошо среди нихъ. Потомъ пошли къ полковнику Кухаренку, который присылалъ уже за нами казака. Какъ и вчера, усѣлись мы на землѣ, поджавши ноги по-турецки, а полковникъ Кухаренко насъ принялся угощать опять по «чарцѣ» и великолѣпнымъ шашлыкомъ, снимая его кинжаломъ съ «шампуры» еще шипящимъ.

Здѣсь мы наслушались разсказовъ про бывшія дѣла, а въ особенности про ночное дѣло подъ Никополемъ и 18 Іюля подъ Плевной.

Около полудня подошелъ 4-й корпусъ, и генералъ Зотовъ, къ которому въ отрядъ поступала теперь бригада, приказалъ Кубанскому полку, оставивъ здѣсь одну сотню, идти въ Парадимъ.

Мы съ сотникомъ Ѳедоровымъ, поискавъ въ обозѣ свои вещи и не найдя ихъ, пошли съ полкомъ и, сдѣлавъ одинъ привалъ, присоединились къ Владикавказскому полку въ Парадимѣ. Сейчасъ же представились мы бригадному командиру полковнику Ивану Ѳедоровичу Тутолмину, встрѣтившему полкъ. Онъ пригласилъ насъ къ себѣ въ палатку и угостилъ «чѣмъ Богъ послалъ», какъ онъ сказалъ.

Сотникъ Ѳедоровъ былъ назначенъ во 2-ю сотню Кубанскаго полка, а я ординарцемъ къ полковнику Тутолмину. Поселился я въ палаткѣ адъютанта бригады Индриса Дударича Шанаева, сотника Владикавказскаго полка, гдѣ также помѣщался и начальникъ штаба бригады, капитанъ ген. штаба Николай Николаевичъ Стромиловъ.

Къ намъ къ каждому были назначены казаки для ухода за конемъ и офицеромъ; это положительно были няньки, которые всегда и всюду слѣдовали за нами, хотя бы мы ѣхали и по своимъ дѣламъ. Въ дѣлѣ они тоже слѣдовали за нами, а на бивуакѣ заботились о всемъ несложномъ офицерскомъ хозяйствѣ, включая и мытье бѣлья.

Такимъ образомъ мы доѣхали до мѣста своего назначенія и попали наконецъ въ то войско, которое влекло насъ многовѣковой своей славой и, какъ оно называлось съ незапамятныхъ временъ «славнымъ войскомъ», такъ осталось и понынѣ тѣмъ же «славнымъ», не смотря на многократныя переименованія и передряги отъ «Низоваго» до «Кубанскаго».

Мытарства наши окончились, и мы вступили въ новую жизнь, полную тревогъ. Это было 21 Іюля 1877 года.

IV. Омаркіойская долина. Рекогносцировка г. Ловчи. По горамъ къ г. Сельви.

Кавказская казачья бригада состояла изъ 2-го Кубанскаго коннаго полка, изъ 6-ти сотенъ Кубанскаго казачьяго войска и Владикавказскаго полковъ изъ 4-хъ сотенъ Терскаго казачьяго войска, при которомъ находился дивизіонъ Осетинъ (каждый рядовой его назывался «всадникъ»). Въ составъ бригады входили 8-я Донская батарея полковника Власова и горная Донская батарея полковника Костина; эту скоро взяли въ главную квартиру и перевооружили въ дальнобойную, составивъ ее изъ отбитыхъ у Турокъ орудій.

Бригада составляла самостоятельную боевую единицу, дѣйствовавшую по указаніямъ изъ главной квартиры или направляемая по обстоятельствамъ своимъ бригаднымъ командиромъ полковникомъ Тутолминымъ, почему къ ней былъ прикомандированъ и офицеръ генеральнаго штаба.

Иногда она входила на короткое время въ составъ какого-нибудь корпуса или отряда, чаще же всего ходили мы съ Мих. Дм. Скобелевымъ 2-мъ. Онъ очень любилъ бригаду и часто пріѣзжалъ къ намъ въ гости, какъ говорилъ: «посмотрѣть на Турокъ», которыхъ мы съ глазъ не спускали; а какъ только онъ получалъ назначеніе, то непремѣнно бралъ въ свой отрядъ нашу бригаду. Да и бригада любила ходить съ Михаиломъ Дмитріевичемъ: у него всегда толково и спокойно были объяснены цѣль и назначеніе отряда, и каждый зналъ, зачѣмъ идетъ и что̀ отъ него требуютъ. Не у многихъ командировъ былъ такой порядокъ.

И вотъ черезъ нѣсколько дней по нашемъ вступленіи въ ряды бригады намъ пришлось выступать въ отрядѣ ген. Скобелева 2-го подъ городъ Ловчу.

При походныхъ движеніяхъ соблюдалась очередь полковъ: то Кубанцы шли впередъ, то Терцы.

Впереди бригады ѣхалъ полк. Тутолминъ, сопутствуемый «всадникомъ». Осетиномъ Кайтовымъ, со значкомъ бригаднаго командира; на черномъ древкѣ развивался малиновый трехугольный съ чернымъ восьмиконечнымъ крестомъ флагъ (такіе значки были присвоены всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ частей). На этотъ разъ во главѣ нашей бригады ѣхалъ на бѣломъ конѣ, въ бѣломъ кителѣ и бѣлой фуражкѣ, Мих. Дм. Скобелевъ 2-й; за нимъ ѣхалъ вывезенный имъ изъ Хивы Калмыкъ «Нурбайка», въ своемъ національномъ костюмѣ, съ краснымъ шелковымъ значкомъ отряднаго начальника, съ буквами М. Д. С.: это былъ значекъ Скобелева. Начальникомъ штаба у Скобелева былъ капитанъ генеральнаго штаба Куропаткинъ*), который только-что передъ этимъ прибылъ въ армію. Про Нурбайку сложилось убѣжденіе въ войскахъ, что онъ заговаривалъ Скобелева отъ пуль, и потому они попасть въ М. Д. не могутъ; но въ концѣ-концовъ Нурбайку подъ Плевной убили.

Часу въ третьемъ мы взошли на возвышенность, съ которой открывался глазамъ видъ на равнину съ г. Ловчей. Скобелевъ спросилъ,

*) Нынѣ военный министръ.

кто можетъ набросать кроки́ мѣстности; всѣ молчали. Тутолминъ подозвалъ меня, далъ бумагу и карандашъ, и съ видомъ, не допускающимъ возраженій, сказалъ: «рисуйте».—Ну, что же, думаю, начальство велитъ рисовать; значитъ, надо рисовать. Я, не видя никакихъ укрѣпленій, сливавшихся на солнцѣ, я изобразилъ, какъ умѣлъ, расположеніе города, рѣки Осьмы и окружающихъ возвышенностей, и отдалъ Тутолмину. Этотъ чертежъ, какъ видно, не понравился ему, потому что онъ самъ началъ на немъ что-то чертить.

Въ тоже время горная батарея ввезла свои орудія на возвышенность и снялась съ передковъ. Эти маленькія пушечки казались игрушками въ рукахъ рослыхъ Донцевъ. Мы, смѣясь, просили полковника Костина не стрѣлять изъ нихъ, чтобы своихъ не побить, увѣряя его, что не граната полетитъ въ Турокъ, а соскочатъ пушки и полетятъ въ насъ.

Послѣ этого бѣглаго взгляда на Ловчу, мы расположились въ Омаркіойской долинѣ, близъ р. Осьмы, на ночлегъ, попавъ на какое-то сырое мѣсто съ милліонами лягушекъ разныхъ величинъ. Спали мы завернувшись съ головой въ бурки, а по насъ скакали, шлепаясь, эти лягушки. Утромъ мы разошлись; ген. Скобелевъ съ пѣхотой ушелъ на Сельви-Ловчинское шоссе, а мы перешли на болѣе сухой бивуакъ, гдѣ намъ пришлось стоять довольно долго, находясь въ ежедневныхъ перестрѣлкахъ съ Черкесами, которымъ не нравилось, что мы занимаемъ гребни горъ, въ виду г. Ловчи и Плевненскаго шоссе, и слѣдя за каждымъ шагомъ Турокъ.

На другое утро, 26-го Іюля, на разсвѣтѣ, бригада выступила на рекогносцировку г. Ловчи со стороны Плевно-Ловчинскаго шоссе, а ген. Скобелевъ долженъ былъ наступать со стороны Сельви-Ловчинскаго шоссе.

Это было первое дѣло, въ которомъ я долженъ былъ участвовать.

На походѣ полк. Тутолминъ далъ мнѣ нѣсколько наставленій, какъ вести себя въ дѣлѣ, гранатамъ и пулямъ не кланяться и т. д. Я слушалъ со вниманіемъ, ожидая съ нетерпѣніемъ, что̀ такое «дѣло». Въ такой обстановкѣ я находился въ первый разъ: приближался моментъ, когда я воочію увижу войну и буду въ ней ближайшій участникъ.

Все это роилось въ головѣ, и я по разсѣянности заѣхалъ впередъ полк. Тутолмина и командира Терскаго полка, полковника Левиса-офъ-Менара, ѣхавшихъ рядомъ во главѣ бригады. Полк. Тутолминъ окликнулъ меня и сказалъ: «когда вы получите Георгіевскій крестъ, тогда можете ѣздить впереди, а пока извольте ѣхать на своемъ мѣстѣ».

Мы взъѣхали на гору, гдѣ стоялъ нашъ крайній постъ. Два орудія 8-й Донской батареи, снявшись съ передковъ, открыли огонь и, къ нашему удивленію, гранаты упали на полдорогѣ. Турки не замедлили намъ отвѣтить, и гранаты ихъ разорвались между нами, не причинивъ, впрочемъ, никому вреда, и видя, что мы, при всемъ желаніи, вредить имъ не можемъ, повернули огонь на Скобелева, уже начавшаго рекогносцировку. Мы сейчасъ же пошли впередъ и поставили два орудія сотника Савченка на курганъ; кажется, на то мѣсто, гдѣ разорвались наши первыя гранаты.

Въ рощѣ, справа, завязалась перестрѣлка Кубанцевъ съ Черкесами. Орудія наши, управляемыя опытными наводчиками, сразу начали вредить Туркамъ, которые, желая отдѣлаться отъ насъ, направили свой огонь теперь уже противъ насъ. Гранаты ихъ давали то перелетъ, то недолетъ, и большинство ихъ, благодаря мягкой почвѣ кукурузнаго поля, не рвались. Тогда мы говорили: «граната захлебнулась».

Ген. Скобелевъ, выяснивъ себѣ достаточно силы Турокъ, началъ отступать, и весь огонь сосредоточился теперь на нашей бригадѣ. Насъ, стоявшихъ на батареѣ съ бригаднымъ командиромъ, осыпало землей; но осколки, распѣвая на разные голоса, миновали благополучно; лишь одна граната чуть было не надѣлала бѣдъ, упавъ между орудіями, какъ разъ передъ сотникомъ Савченкою. Всѣ замерли въ ожиданіи, разорветъ ее, или она захлебнется. Гранату разорвало, обдавъ всѣхъ землей, а Савченко волчкомъ завертѣлся на мѣстѣ, схватившись за голову. Думаемъ—готовъ; но дымъ разсѣялся, и Савченко стоялъ и посмѣивался, говоря, что сильно его оглушило и запорошило глаза. Всѣ присутствовавшіе при этомъ поздравили Савченка.—Ну, думалъ я, вспоминая наставленія Тутолмина, если это всегда такъ, когда же тутъ поспѣешь кланяться гранатамъ?

Орудія взяли въ передки, и мы начали отступать, считая рекогносцировку оконченною, такъ какъ со стороны Скобелева перестрѣлка смолкла.

Турки еще далеко провожали насъ изъ своихъ дальнобойныхъ орудій гранатами, которыя ложились то справа, то слѣва нашего движенія. Это была та самая знаменитая рекогносцировка Ловчи Скобелевымъ 26 Іюля, о которой всѣ военные писатели отзывались потомъ, какъ объ одномъ изъ блистательныхъ проявленій военнаго таланта Михаила Дмитріевича.

Мы возвратились на прежній бивуакъ и стали на старыя мѣста. Въ слѣдующіе дни пошелъ дождь, и до сихъ поръ мелкая, хотя быстрая,

но проходимая въ бродъ, рѣка Осьма вдругъ разбушевалась, выступя изъ береговъ и разрушая все встрѣчающееся на пути. Сообщеніе съ ген. Скобелевымъ, оставшимся по ту сторону рѣки, прекратилось; а нашъ постъ, стоявшій за рѣкой, нѣсколько дней не смѣнялся.

Размокшая земля плохо держала колышки отъ палатокъ, и при этомъ поднявшійся ночью вѣтеръ сорвалъ нашу палатку. Мы, не понимая съ просонья въ чемъ дѣло, барахтались въ мокрой парусинѣ, пока насилу вылѣзли и увидали, что жилище наше разрушено. Подошедшіе казаки, конечно, привели палатку въ порядокъ. Николай Николаевичъ Стромиловъ, заботившійся о своемъ здоровьѣ, былъ въ негодованіи. Только что мы успѣли уснуть, какъ снова такая же исторія. и въ третій разъ тоже, но только послѣдствія были хуже: вода подтекла подъ насъ, и Николай Николаевичъ, выражая громко свое неудовольствіе, что не заботятся о сохраненіи его здоровья, свернулъ свою непромокаемую постель и, сѣвъ на нее, продолжалъ кипятиться; а мы, завернувшись въ бурки, заснули. Немного погодя, и компаніонъ нашъ, наворчавшійся вдоволь и, видя, что слушать его некому, счелъ за благо послѣдовать нашему примѣру. Утромъ отъ Скобелева пріѣхалъ казакъ и, не будучи въ состояніи переправиться, держалъ надъ головой записку и что-то кричалъ; но за шумомъ воды нельзя было разслышать его голоса.

Стали устраивать плотъ; но какъ перекинуть веревку на тотъ берегъ, всѣ призадумались. Вызвался Осетинъ-всадникъ и говоритъ: «переплыву».—«Смотри», говоримъ ему, «теченіе слишкомъ быстро»; но онъ настоялъ на своемъ и, усѣвшись на плотъ съ концемъ веревки, поплылъ. Нѣсколько разъ его кувыркало; но, благодаря умѣнью плавать, онъ добрался до противоположнаго берега и привезъ оттуда записку. Скобелевъ писалъ, что онъ идетъ съ отрядомъ и чтобы приготовили ему переправу.

Дождь уже прекратился, и вода мало-по-малу сбывала. Меня и сотн. Шанаева послали устроить переправу. Мы разобрали кое-какія постройки расположенной на берегу брошенной деревни, пытаясь устроить какую-нибудь переправу. Смотримъ, а уже Скобелевъ подошелъ къ берегу, раздѣлся и верхомъ, въ одной рубашкѣ, съ Георгіемъ на шеѣ, переплылъ на нашъ берегъ со своей свитой.

Генералъ Скобелевъ, окончивъ свою миссію, уѣхалъ, а мы остались наблюдать за Турками, проводя время въ ежедневныхъ аванпостныхъ стычкахъ съ Черкесами, желавшими сбить нашу сторожевую цѣпь съ занимаемыхъ ею возвышенностей и не допускавшей ихъ за-

глянуть въ наше расположеніе, чтобы узнать наши силы. Должно быть, имъ надоѣли эти пустыя перестрѣлки и нашъ постоянный надзоръ за ними. 27 Іюля они собрались большой партіей, желая хорошенько потормошить насъ, но имъ это не удалось. Хотя кряжъ, занимаемый нами, переходилъ неоднократно изъ рукъ въ руки, и въ дали виднѣлась приближавшаяся Турецкая пѣхота, но Черкесы въ концѣ концовъ потерпѣли пораженіе ранѣе прибытія своихъ подкрѣпленій и отступили, потерявъ нѣсколько убитыхъ и раненыхъ. Съ нашей стороны раненыхъ было немного. Осетины, очередь которыхъ была въ этотъ день стоять на аванпостахъ, подкрѣпленные Владикавказцами и Кубанцами, дѣйствовали молодцами и отняли у Черкесовъ хорошій клинокъ, который по ихъ просьбѣ былъ посланъ съ двумя выбранными изъ ихъ дивизіона въ главную квартиру для поднесенія его Великому Князю Николаю Николаевичу Младшему. Вернулись они оттуда украшенные Георгіевскими крестами и съ сіяющими лицами. Товарищи встрѣтили ихъ съ восторгомъ. и долго вечеромъ гудѣла зурна и слышалась заунывная Осетинская пѣсня съ ударами въ ладоши: плясали лезгинку.

Генералъ Скобелевъ не забывалъ насъ, пріѣзжая изрѣдка провѣдать. Онъ останавливался обыкновенно въ палаткѣ полковника Тутолмина, куда собирались командиры полковъ и желавшіе повидаться съ нимъ. Со всѣми онъ былъ ровенъ и любезенъ. Одинъ разъ онъ пріѣхалъ, привезя съ собой какого-то толстаго иностранца-корреспондента, ничего не понимавшаго по-русски и, указывая на него, сказалъ: «надо его обстрѣлять». Ему отвѣтили, что уже опоздали, перестрѣлка была, и Черкесы ушли въ городъ; но Скобелевъ, желая все-таки прокатиться по цѣпи и посмотрѣть, что тамъ дѣлается, пригласилъ съ собой желающихъ. Мы конечно сейчасъ же посѣдлали и поѣхали за Скобелевымъ, который остался недоволенъ, что не нашлось бѣлой лошади подъ него. Подъѣзжаемъ къ аванпостамъ, все спокойно. Гдѣ же, спрашиваетъ Скобелевъ, Черкесы? Ему отвѣчаютъ шутя: «отдыхать ушли». Тутъ кстати сказать, что аванпосты и вмѣстѣ сторожевая служба содержатся у казаковъ своеобразно; тутъ не придерживаются буквально уставу, а примѣняются сообразно обстоятельствъ: вы идете съ непріятельской стороны и не замѣчаете сторожевой цѣпи, ея нѣтъ; но на самомъ дѣлѣ она есть и видитъ васъ отлично и своевременно выростетъ какъ изъ земли. Невольно спросите «да откуда взялися?» Это не больше, не меньше какъ умѣнье примѣняться къ мѣстности, пользуясь всякими особенностями даннаго мѣстоположенія. Такой способъ можетъ выработаться только у людей, съ малолѣтства перенимающихъ всѣ уловки опытнаго бывалаго воина.

Скобелевъ взялъ сотню изъ главнаго караула съ собой и поѣхалъ за цѣпь, къ рыжей горѣ, чтобы подразнить Турокъ; но они не показывались; подъѣхавъ къ горѣ, остановились, поджидаемъ, но напрасно; солнце палитъ, а Турокъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Вдругъ по дорогѣ у города показалась пыль. «Въѣзжайте скорѣе на гору», говоритъ мнѣ генералъ Скобелевъ, «посмотрите, не Черкесы ли выѣхали».

Я вскарабкался, смотрю Черкесовъ нѣтъ, а это стадо барановъ паслось между укрѣпленій и, переходя дорогу, подняло пыль. Генералъ Скобелевъ разсердился, но общее веселье охватило всѣхъ, когда я указалъ съ горы на корреспондента, о которомъ всѣ забыли, занятые Черкесами. Онъ ничего не понималъ, но соображая, что показались вѣроятно Турки, и вѣроятно неособенный любитель сильныхъ ощущеній, повернулъ коня назадъ и пригнувшись, оглядываясь назадъ, ждалъ появленія Черкесовъ, чтобы немедленно ускакать. Всѣ расхохотались отъ души надъ такой предусмотрительностью корреспондента, и онъ тоже не отставалъ отъ насъ, объясняя намъ, что же бы онъ написалъ, если бы его убили. Мы конечно согласились съ нимъ. Генералъ Скобелевъ непремѣнно хотѣлъ переправиться черезъ рѣку и захватить барановъ; но кое-какъ удалось отговорить его, доказывая, что врядъ ли изъ укрѣпленій удастся взять барановъ, а только потеряемъ даромъ нѣсколько человѣкъ.

Объѣхавъ гору, мы вернулись на бивуакъ, гдѣ пѣсенники закончили день. На этотъ бивуакъ прибылъ присланный отъ Государя сотникъ Козловъ благодарить бригаду за ночное дѣло подъ Никополемъ. Бригада была выстроена, и посланный объявилъ высочайшую благодарность; казаки отвѣтили могучимъ «ура». Поставили аналой, и монахъ, состоявшій при бригадѣ, отслужилъ благодарственный молебенъ съ многолѣтіемъ Государю. На другой день раздавали Георгіевскіе кресты; это была первая награда, полученная бригадой съ начала кампаніи. Было прислано на сотню по четыре креста. Сотенные командиры собрали сотни и объявили имъ, чтобы они сами выбрали достойныхъ. По голосамъ выбрали достойныхъ больше, чѣмъ крестовъ. Тогда выбранныхъ поставили въ рядъ, а сотня пошла съ права по одному сзади ихъ, и каждый бросалъ свою папаху тому, котораго находилъ достойнымъ. Это, была такъ сказать, закрытая балотировка. Потомъ сочли у каждаго папахи, и у кого ихъ оказалось больше, тѣмъ и выдали кресты. Казаки качали счастливыхъ товарищей и долго не могли угомониться.

На этой же стоянкѣ случилось еще маленькое происшествіе. При нашей бригадѣ состоялъ проводникомъ болгаринъ Бельчикъ, атаманъ

разбойничьей шайки, много надѣлавшій непріятностей Туркамъ, но съ появленіемъ нашихъ войскъ, онъ, зная всѣ тропинки, предложилъ свои услуги намъ.

Его шайка мало-по-малу собралась къ нему и была хорошими лазутчиками. Но, какъ говорится, «повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сложить», такъ и этимъ головорѣзамъ не сидѣлось спокойно. Постоянно они шныряли гдѣ-то, принося какіе-то узелки со всякой всячиной и всякія извѣстія: мы полагали, что это они брали въ брошенныхъ Турками деревняхъ, но какъ-то разъ ихъ засталъ на мѣстѣ преступленія прапорщикъ милиціи Цамай: они грабили домъ въ какой-то Болгарской деревнѣ. Онъ донесъ объ этомъ бригадному командиру, и какъ только они возвратились, сейчасъ награбленное отобрали, а ихъ разложивъ наказали нагайками. Бельчика, какъ не участвовавшаго, призвали только присутствовать, сказавъ, что если еще будутъ грабежи, то его также накажутъ, а ихъ повѣсятъ. Назиданіе было внушительное и сразу положило конецъ ихъ шалостямъ. Они участвовали съ нами въ дѣлахъ, а Бельчикъ подъ огнемъ разъѣзжалъ верхомъ, и подъ Плевной былъ раненъ подъ нимъ конь.

10 Августа пріѣхалъ къ намъ снова генералъ Скобелевъ и объявилъ, что онъ получилъ отрядъ съ приказаніемъ идти къ г. Сельви, и въ случаѣ надобности на выручку Шипки. Въ составъ отряда входила конечно и наша бригада.

Подъ вечеръ того же дня пришелъ къ намъ капитанъ Куропаткинъ и передалъ, что генералъ Скобелевъ желаетъ, чтобы я у него былъ ординарцемъ, а сотникъ Верещагинъ адъютантомъ. Я сказалъ, что очень радъ, но долженъ спросить согласія полковника Тутолмина, такъ какъ я нахожусь при немъ ординарцемъ. Полковникъ Тутолминъ разрѣшилъ, и я такимъ образомъ поступилъ ординарцемъ къ одному изъ героевъ Турецкой войны.

Когда я явился къ генералу Скобелеву, то онъ вмѣнилъ мнѣ въ обязанность слѣдить за его краснымъ значкомъ, сказавъ: «вы должны всегда слѣдить, чтобы значокъ не отставалъ отъ меня, и если убьютъ одного казака, то чтобы сейчасъ бралъ его другой».

На слѣдующій день рано утромъ выступилъ нашъ отрядъ, во главѣ котораго пошла наша Кавказская бригада, сдавъ свои посты Донской бригадѣ. Скобелевъ остался для послѣднихъ распоряженій по пѣхотѣ и обозу, окончивъ которыя поѣхалъ впередъ, обгоняя войска, здоровался съ ними и разговаривалъ съ офицерами и солдатами, объ-

яснялъ имъ цѣль нашего движенія, что это фланговое движеніе около Ловчи довольно опасно, почему двигаться надо скорѣй. Всѣ его весело встрѣчали и провожали.

Охрана движенія была возложена на Кавказскую бригаду. Въ этомъ случаѣ казаки незамѣнимы: когда высланы разъѣзды ихъ, передовые и боковые, имъ не нужно указывать носомъ, осмотри тамъ, пошарь вонъ въ тѣхъ кустахъ, загляни за возвышенность и т. д. Все это у нихъ дѣлается само собой безъ всякаго напоминанія, и о малѣйшемъ подозрительномъ обстоятельствѣ, замѣченномъ ими, казакъ сейчасъ же доноситъ начальнику подробно и толково съ прибавленіемъ своихъ соображеній.

День былъ чрезвычайно жаркій, такъ что было нѣсколько случаевъ солнечныхъ ударовъ; дорога извивалась по горамъ, узкая, окаймленная колючимъ кустарникомъ, по которой карабкаться было трудно, въ особенности обозу. Мнѣ, посылаемому то въ голову, то въ хвостъ колоны съ разными приказаніями, приходилось лазить около дороги по камнямъ и пробираться сквозь колючки. Черкеска была въ лохмотьяхъ, солнце палило, лошадь выбилась изъ силъ.

При такихъ обстоятельствахъ понятна моя радость, когда я увидалъ, что генералъ Скобелевъ остановился на небольшой площадкѣ, покрытой кустарникомъ и деревцами. Онъ легъ въ тѣни, и вся остальная свита послѣдовала его примѣру. Достали изъ ближайшаго ручейка воды, и генералъ Скобелевъ окатился ею въ кустахъ. Прошли мимо насъ войска; потянулись обозы. Генералъ Скобелевъ говоритъ: «Подождемъ полковника Власова: онъ всегда съ собой везетъ превкусные пирожки». Я конечно отнесся сочувственно къ этому, но какъ нарочно пирожки были эти гдѣ-то въ хвостѣ, а передъ нами на дорогѣ уступъ, на который съ трудомъ взбирались повозки. Насталъ конецъ моему блаженству: я былъ посланъ гонять эти повозки, чтобы онѣ скорѣе проходили этотъ уступъ, но дѣло отъ этого не подвинулось; лошади отъ жары и дороги совсѣмъ стали. Тогда меня послали привести взводъ пѣхоты, чтобы помогать лошадямъ. Я поѣхалъ и вскорѣ встрѣтилъ на дорогѣ какой-то взводъ, которому сказалъ, чтобы шелъ за мной помогать повозкамъ. «Слушаю», отвѣтили старшіе, и я поѣхалъ впереди.

Подъѣзжаю къ уступу, на которомъ уже стоялъ генералъ Скобелевъ, подгоняя самъ повозки и крича мнѣ издали: «гдѣ же взводъ?» Я оборачиваюсь назадъ и вижу только двухъ шагающихъ солдатъ, а остальные куда-то исчезли; да и понятно: въ такую жару, да при такомъ трудномъ подъемѣ, всякій старался скрыться куда нибудь въ

тѣнь. Ни слова не говоря, я повернулъ коня и ускакалъ за новымъ взводомъ пѣхоты. Жара на меня такъ повліяла, что меня начала трясти лихорадка; голова была какъ свинцомъ налита, а лошадь, вся взмыленная, едва волочила ноги. Отыскалъ я какого-то маіора и передалъ ему приказаніе генерала Скобелева послать взводъ на помощь обозу.

Тутъ же увидалъ я капитана Куропаткина, наблюдавшаго за движеніемъ; я ему сказалъ, что больше не могу двигаться и конь отказывается. Капитанъ Куропаткинъ, увидавъ меня, сказалъ: «ложитесь скорѣе въ тѣнь; у васъ лицо слишкомъ красное, можетъ сдѣлаться солнечный ударъ». Я тутъ же у дороги легъ и, несмотря на страшный шумъ отъ понуканій повозокъ, заснулъ, какъ убитый. Проснулся я подъ вечеръ; вижу: въ такомъ же положеніи лежитъ неподалеку отъ меня сотникъ Верещагинъ. «Что̀, говорю, усталъ?» «И я, и конь», отвѣчаетъ онъ, «выбились изъ силъ: всѣхъ загоняли сегодня».

Отрядъ уже весь прошелъ. Мы, подкрѣпленные сномъ, пустились догонять генерала Скобелева и только что догнали, какъ онъ опять меня отправилъ впередъ съ приказаніемъ предупредить отдыхавшія войска, чтобы они при его пріѣздѣ не вставали, а сидѣли и лежали; однимъ словомъ, чтобы не безпокоить ихъ. Только что я это исполнилъ, опять послали меня, теперь уже въ хвостъ колоны, передать какому-то пѣхотному полку, чтобы онъ тамъ и заночевалъ на площадкѣ въ виду трудности перехода. Когда я вернулся, генерала Скобелева уже не было; онъ уѣхалъ дальше, но по какому направленію, я не зналъ. Передо мной разстилалась долина и вдали виднѣлся лѣсъ. Уже темнѣло, думать долго было нечего, и я поѣхалъ наугадъ, спрашивая на дорогѣ попадавшихся братушекъ; каждый изъ нихъ указывалъ все разныя направленія.

Ночь была лунная; подъѣзжаю къ перекрестку, направо или налѣво ѣхать—не знаю. Поѣхалъ къ лѣсу. Немного проѣхавъ, вижу, какая-то фигура обрисовывается отъ лѣса; останавливаюсь и всматриваюсь, свой или чужой, но, конечно, ничего не разберу. Вижу только, фигура двигается на меня; я тоже двинулся впередъ, заѣзжая ей съ боку. Слышу, щелкаетъ затворъ винтовки и фигура тоже старается заѣхать меня съ боку; я вытащилъ револьверъ, и мы, крутясь одинъ около другого, мало-по-малу съѣзжались, разглядывая другъ друга. Наконецъ я окликнулъ, и оказалось, что это мой вѣстовой Дехтеревъ; онъ тоже былъ посланъ куда-то и тоже заблудился.

Оба мы, не зная дороги, плутали, пока не наткнулись на какую-то деревню, гдѣ нашли двухъ Осетинъ-всадниковъ, тоже заблудившихся.

Мы рѣшили ночевать въ этой деревнѣ, а утромъ разыскивать бригаду. Только что стали засыпать, лошадей не разсѣдлали, слышимъ конскій топотъ и голоса. Вскакиваемъ на коней и ждемъ, кого Богъ дастъ. Вышло что-то въ родѣ засады съ нашей стороны. Оказалось, что это капитанъ Куропаткинъ съ нѣсколькими казаками возвращался къ генералъ Скобелеву на бивуакъ.

Я разсказалъ ему, какъ мы всѣ сюда попали и поѣхалъ съ нимъ. Въ эту ночь было лунное затменіе, и многіе говорили, что это плохое предзнаменованіе для Турокъ. На другое утро ген. Скобелевъ, со мной въ бричкѣ и съ Абадціевымъ, своимъ ординарцемъ, всадникомъ Осетинскаго дивизіона, на козлахъ, поѣхалъ въ г. Сельви узнать о дѣлахъ на Шипкѣ, чтобы выяснить образъ дѣйствій нашего отряда. Въ разговорѣ со мной ген. Скобелевъ сказалъ, что онъ замѣтилъ у многихъ солдатъ черезъ-чуръ рваныя рубашки, и чтобы по возвращеніи я напомнилъ ему объ этомъ, а онъ позаботится достать имъ рубашекъ.

По дорогѣ мы встрѣтили полковника Энгельгарда. Ген. Скобелевъ его пригласилъ къ себѣ въ бричку; я пересѣлъ на козлы, а Абадціевъ сѣлъ на лошадь полковника Энгельгарда.

Ген. Скобелевъ поручилъ намъ съ полк. Энгельгардомъ купить хорошаго вина въ г. Сельви. По пріѣздѣ въ городъ, ген. Скобелевъ отъ насъ ушелъ, а мы пошли поискать гдѣ бы намъ пообѣдать, и найдя что-то подъ названіемъ гостинницы, наѣлись чего попалось подъ руку, а затѣмъ отправились осматривать городъ, не представлявшій ничего замѣчательнаго. Его администрація была уже изъ Болгаръ, и въ лавкахъ кое-чѣмъ начали торговать; мы купили себѣ очень порядочной матеріи на черкески и ситцу на рубашки. По шоссе, проходившемъ черезъ городъ, намъ попались артельныя повозки, въ которыхъ подвозили на Шипку стрѣлковъ, чтобы подкрѣпить тамъ наши войска. Потомъ попалась намъ табачная фабрика, гдѣ въ папушникахъ лежалъ табакъ на разныя цѣны. Мы купили «око», это около трехъ нашихъ фунтовъ; при насъ же его накрошили, и табакъ оказался очень хорошимъ, а заплатили за око одинъ рубль. Наткнулись на кузницу, гдѣ ковали Терскіе казаки своихъ лошадей; они сказали, что недалеко въ домѣ стояли офицеры; мы зашли туда, спрашиваемъ, гдѣ достать намъ хорошаго вина ген. Скобелеву? Они послали за Болгариномъ, изображавшимъ въ городѣ блюстителя порядка. Братушка былъ весь увѣшенъ оружіемъ. Онъ очень быстро исполнилъ наше порученіе, принесъ два кувшина прекраснаго, недорогого вина. Одинъ кувшинъ

мы послали на пробу ген. Скобелеву, который одобрилъ нашу находку, а другой кувшинъ оставили себѣ на пробу.

Собрались ребятишки, мы имъ купили корзину винограду и сливъ, усадили ихъ кругомъ и сказали, чтобы они все уничтожили. Ребятишки остались очень довольны нашимъ угощеніемъ, кричали ура и плясали. Кончивъ кувшинъ, мы прилегли отдохнуть, а когда проснулись, то оказалось, что ген. Скобелевъ уже уѣхалъ. Мы прожили тутъ дня два, пока прислали мнѣ изъ бригады лошадь, и мы поѣхали обратно всѣ вмѣстѣ. Съ шоссе изъ г. Сельви въ г. Ловчу, по которому мы ѣхали къ себѣ на бивуакъ, виднѣлись Турецкія деревни, жители которыхъ обладали большимъ количествомъ рогатаго скота, который тутъ же пасся. Вдоль шоссе бивуакировали въ палаткахъ разогнанные Турками братушки, изъявляя при нашемъ проѣздѣ всевозможными способами радость. Они намъ сказали, что скотъ, который мы видимъ, принадлежитъ Турецкимъ войскамъ изъ г. Ловчи, и Турки этихъ деревень гоняютъ его по ночамъ сколько нужно въ городъ.

Услыхавъ это, мы рѣшили за благо лишить городъ продовольствія и, обскакавъ скотъ, погнали его къ себѣ въ лагерь. Жители-Турки хотя и выбѣжали, но догнать не успѣли, а пастуха, который было хотѣлъ оказать сопротивленіе, мы забрали съ собой.

Шоссе проходило лѣсомъ, и тутъ-то у насъ скотъ разбѣжался, и пастухи бѣжали, когда мы, занятые сборомъ скота, забыли объ нихъ; изъ чащи лѣса они дали по насъ нѣсколько выстрѣловъ. Стемнѣло, и мы послали въ бригаду за подкрѣпленіемъ; вскорѣ были присланы казаки, съ помощью которыхъ мы собрали сколько можно было скота, благодаря наступившей темнотѣ, и пригнали въ бригаду, гдѣ скотъ былъ раздѣленъ по сотнямъ, и пошелъ пиръ горой: и борщи, и шашлыки, и студни, и всякая всячина готовилась на кострахъ, а остальной угнали на пастбище. Черезъ нѣсколько дней явились Турки, депутаты тѣхъ деревень, гдѣ былъ взятъ скотъ, съ бумагой изъ главной квартиры, въ которой приказывалось отдать скотъ. Скота оказалось что-то очень незначительное количество, который и былъ отданъ Туркамъ, да и этотъ-то собрали съ трудомъ, а Турки въ туже ночь угнали его въ городъ, да и сами убѣжали туда же, о чемъ мы немедленно донесли въ главную квартиру.

Дѣла на Шипкѣ, какъ мы узнали отъ своихъ, поправлялись: войска подвозились и подходили, а намъ приказано было ждать исхода на мѣстѣ.

Ген. Скобелевъ, ѣздившій въ г. Сельви и вернувшіяся оттуда, приказалъ выстроить всю нашу бригаду и поздравилъ насъ съ побѣдой на Шипкѣ, а затѣмъ разсказалъ всей бригадѣ своимъ звучнымъ голосомъ въ краткихъ словахъ, какъ наши подоспѣвшія войска отбили стремительный натискъ 30-тысячнаго отряда Сулеймана-паши, и объявилъ намъ, что теперь мы пойдемъ брать г. Ловчу.

Извѣстіе это было встрѣчено радостными криками «ура», да въ добавокъ въ этотъ же день были имянины сотеннаго командира Владикавказскаго полка Астахова, и праздникъ вышелъ на славу. У палатки Астахова горѣли костры, на которыхъ жарили шашлыки. Кувшины съ краснымъ виномъ стояли чуть не передъ каждымъ. Хоръ пѣсенниковъ его сотни дополнялъ картину, а въ кругу ихъ танцовали лезгинку. Тосты смѣнялись одинъ за другимъ, а радушный хозяинъ успѣвалъ только потчивать. О Туркахъ никто и не думалъ.

Вскорѣ послѣ этого наша бригада возвратилась подъ г. Ловчу старой дорогой, а ген. Скобелевъ со всѣмъ отрядомъ остался на мѣстѣ. Только что стали мы спускаться въ долину, какъ видимъ, на нашихъ высотахъ стоитъ сторожевая цѣпь, и внизу въ равнинѣ другая конная цѣпь, а вдали бивуакъ Донцевъ. Понять не можемъ, чтò это значитъ. Послали разъѣздъ узнать, въ чемъ дѣло; оказалось, что Черкесы такъ надоѣли Донцамъ, что тѣ отошли съ гребня и стали внизу, а Черкесы по гребню. Полковникъ Тутолминъ приказалъ намъ немедленно сбить Черкесовъ и стать на прежнія мѣста, чтò и было нами тотчасъ же, безъ особеннаго затрудненія, исполнено, а Донцы пошли присоединиться къ своему отряду.

V. Штурмъ г. Ловчи.

Расположились мы на мѣстѣ прежняго нашего бивуака, гдѣ простояли нѣсколько дней въ ожиданіи общаго наступленія на г. Ловчу, по старому, т. е. въ ежедневныхъ перестрѣлкахъ съ Черкесами.

Наканунѣ взятія Ловчи, Черкесы, предчувствуя вѣроятно надвигавшуюся грозу, съ большимъ азартомъ нападали на наши высоты, но были отбиты попрежнему.

Сотникъ Шанаевъ и я были посланы въ цѣпь узнать, въ чемъ дѣло и что если что-нибудь серіозное, то донести, а если это только Черкесы, то, дождавшись конца, вызвать изъ Осетинъ охотниковъ и идти съ ними осмотрѣть весь незанятый нашими аванпостами прогалокъ между нашей бригадой и отрядомъ г. Скобелева. Этотъ прогалокъ

долженъ былъ занять своими постами конвой Его Величества, выставившій посты противъ г. Ловчи со стороны ген. Скобелева, т. е. отъ Сельви-Ловчинскаго шоссе, но почему-то не соединившійся съ нашими. Велѣно намъ также узнать судьбу нашихъ разъѣздовъ, посланныхъ къ ген. Скобелеву и не вернувшихся до сихъ поръ обратно: могло случиться, что Турки, занявъ пустой прогалокъ, перехватываютъ наши разъѣзды.

Перестрѣлка кончилась. Сотникъ Шанаевъ вызвалъ охотниковъ, но ихъ оказалась чуть не цѣлая сотня, такъ что пришлось отобрать человѣкъ пятнадцать, съ которыми поѣхалъ сотникъ Исеновъ.

Всю мѣстность тщательно осмотрѣли и никакихъ Турокъ не нашли, хотя были видны ихъ слѣды.

Въ покинутыхъ деревняхъ мы нашли гусей и медъ. Все это собрали въ одно мѣсто, чтобы на возвратномъ пути захватить съ собой.

Наконецъ, увидѣли мы посты конвоя, которые, принявъ насъ за Турецкихъ Черкесъ, такъ какъ мы подходили съ Турецкой стороны, стали готовиться принять насъ съ честью и, усиливъ цѣпь, поджидали. Чтобы прекратить это недоразумѣніе, мы съ сотн. Шанаевымъ поѣхали впередъ, оставивъ Осетинъ съ сотн. Исеновымъ дожидаться. Махали имъ папахами, чтобы дать знать, что мы свои. Конвойцы ждали все еще, не довѣряя нашимъ успокоительнымъ сигналамъ, пока мы не подъѣхали къ цѣпи и не заговорили съ ними, показывая свои погоны, которыхъ Турецкіе Черкесы не имѣли.

Посмѣявшись надъ тревогой, которую устроили, мы узнали, что разъѣзды наши цѣлы и находятся у ген. Скобелева, что мѣстность, не занятая нами, посѣщается Черкесами, но что конвой за ней наблюдаетъ. Кромѣ того они намъ сказали, что возвышенности вокругъ г. Ловчи вчера съ боя заняты нашими войсками и всю ночь укрѣплялись подъ руководствомъ капитана Куропаткина, а въ настоящее время мы сами видѣли, какъ кипѣла работа по всей линіи, которой Турки старались мѣшать гранатами.

Только-что мы поѣхали обратно, смотримъ: изъ-за кустовъ показался красный значекъ ген. Скобелева, а минуту спустя и самъ онъ, сопровождаемый сотней Пшеленскаго Владикавказскаго полка, подъѣхалъ къ намъ.

Авангардъ его составляли четыре Донца. Увидавъ насъ, онъ спросилъ, зачѣмъ мы пріѣхали; мы сказали, что посланы узнать, куда дѣлись наши разъѣзды посланные къ нему.

— «Разъѣзды», сказалъ онъ, «я задержалъ у себя; они цѣлы», и, поговоривъ еще немного, велѣлъ, чтобы мы ѣхали съ нимъ осматривать завтрашнія позиціи. Мы поскакали за ген. Скобелевымъ по кустамъ къ г. Ловчѣ. На опушкѣ перелѣска ген. Скобелевъ остановился, а четыре Донца выѣхали на поляну передъ Турецкими ложементами. Но не успѣли они показаться, какъ Турки, не скупившіеся на патроны, открыли по нимъ убійственный ружейный огонь. Донцы, не ожидавшіе такой встрѣчи, конечно попятились къ опушкѣ. Ген. Скобелеву это не понравилось, и онъ, выругавъ ихъ, крикнулъ: «впередъ!», пришпорилъ коня и самъ выскакалъ на поляну. Мы за нимъ.

Передъ нами открылись ряды ложементовъ съ засѣвшими въ нихъ Турками, красныя фески которыхъ обозначали линію огня. Такое неожиданное появленіе «Акъ-паши», какъ называли Турки ген. Скобелева, т. е. «Бѣлый Генералъ», и на такомъ близкомъ разстояніи, ошеломило Турокъ. На минуту все стихло, а затѣмъ сразу поднялась трескотня по всѣмъ ложементамъ, и градъ пуль посыпался на насъ. Турки окончательно ошалѣли. Мы стояли, какъ вкопаные; четыре Донца отстрѣливались отъ цѣлаго дымившагося фронта Турокъ, а ген. Скобелевъ, не обращая вниманія на этотъ бѣшеный огонь, указывалъ, гдѣ должны завтра стать батареи для обстрѣливанія укрѣпленій и города. Онъ объяснялъ общее наступленіе на завтрашній день. На нѣкоторыхъ возвышенностяхъ уже начались земляныя работы, и Турки гранатами старались мѣшать имъ.

Всѣ эти объясненія долженъ былъ слушать прибывшій съ ген. Скобелевымъ генералъ, у котораго на душѣ было повидимому не особенно спокойно. Онъ неоднократно заявлялъ, что все понялъ и что все будетъ исполнено; но ген. Скобелевъ, не замѣчая безпокойства генерала, продолжалъ свои указанія. Да и всѣ, я думаю, были не особенно покойны. Всѣ стояли и ждали конца объясненій, а кругомъ, какъ рой пчелъ, жужжали на разные голоса пули. Вдругъ мнѣ что-то горячее ударило въ лѣвую ногу, около стремени, и съ такой силой, что ногу закинуло за заднюю луку.

Первая мысль была, конечно, что раздробили ступню, и эта мысль до того меня испугала, что я сразу забылъ о Туркахъ и ихъ жужжащемъ роѣ, схватилъ обѣими руками ступню и ощупывалъ, все еще не вѣря, что она цѣла.

Кто-то спросилъ: «Чтò ранили?» — «Нѣтъ», говорю, обрадованный: «слава Богу, нога цѣла, а только подлецы напугали.» Думалъ, раздробили; но оказалось, что пуля, попавъ мнѣ въ стремя, скользнула и оцарапала заднюю ногу лошади.

Такимъ образомъ мы простояли минутъ десять и шагомъ стали отходить въ кустарники. Тогда Турки открыли огонь изъ орудій и провожали насъ гранатами, но все обошлось благополучно: ранили только еще лошадь въ сотнѣ.

Ген. Скобелевъ, отпуская насъ, сказалъ: «Передайте полк. Тутолмину, кромѣ посланнаго приказанія на словахъ, чтобы завтра, какъ только наша пѣхота начнетъ выбивать Турокъ изъ города, бригада съ другой стороны рубилась бы въ шашки въ городъ, гнала и рубила бы ихъ, пока будетъ возможно.» Вернувшись, мы донесли все какъ было. Разсказывали, что на одну изъ батарей, которую возводили къ завтрему, ложилась такая масса гранатъ, что рабочіе не разъ разбѣгались и что будто бы ген. Скобелевъ, чтобы ободрить ихъ, приказалъ на этой батареѣ разбить свою палатку для ночлега. Много будто бы стоило труда отговорить его не дѣлать этого.

Утромъ 22-го Августа, не успѣло солнце взойти, какъ Кавказская бригада, уже подсѣдланная, стояла готовая къ выступленію. Раздалась команда «садись»! и затѣмъ по командѣ «справа по три шагомъ маршъ!» бригада спокойно двинулась брать г. Ловчу.

Лица у всѣхъ были серіозныя, всѣ какъ одинъ сняли папахи и крестились; это производило глубокое впечатлѣніе. Пройдя немного, послышались разговоры, и все пошло по старому.

День былъ прекрасный, но чрезвычайно жаркій. Выйдя на Плевно-Ловчинское шоссе и выславъ разъѣздъ на Плевну, бригада пошла къ г. Ловчѣ и остановилась у спуска въ долину.

Цѣль наша была не допустить изъ Плевны подкрѣпленій Туркамъ, а также преградить туда путь отступленія Ловчинскому гарнизону.

Передъ нами разстилалась долина рѣки Осьмы, съ раскинувшимся въ ней городомъ Ловчей, окруженнымъ ложементами и редутами. Слѣва извивалась голубой лентой рѣка, за которой съ высотъ, покрытыхъ кустарниками, наши батареи громили Ловчинское укрѣпленіе, а спускавшаяся съ нихъ наша пѣхота изъ виноградниковъ завязала уже перестрѣлку съ ближайшими къ рѣкѣ ложементами. За городомъ и вправо, за рощей, высились Малые Балканы, куда былъ единственный путь отступленія Туркамъ.

Бригада наша еще не принимала участія въ дѣлѣ; мы были пока простыми зрителями. Теперь гудѣли орудія, подготовляя атаку, а мало-по-малу разросталась и ружейная трескотня.

Но вотъ наша пѣхота усилила огонь и начала подвигаться къ рѣкѣ; Турки покинули ложементы и бѣжали въ ближайшій редутъ. Изъ редута началась лихорадочная стрѣльба, и какое-то безпокойство охватило его защитниковъ, возраставшее по мѣрѣ приближенія нашей пѣхоты, среди которой начали ложиться Турецкія гранаты. Надо было отвлечь огонь, да вдобавокъ и Турки ни съ того ни съ сего послали по насъ нѣсколько гранатъ. Мы спустились въ равнину, и наша батарея открыла огонь во флангъ Туркамъ; теперь имъ приходилось отвѣчать намъ, а слѣдовательно пѣхотѣ нашей меньше доставалось. Цѣпь ея вошла уже въ рѣку и, не прекращая огня, двигалась къ противуположному берегу. Турки въ редутѣ пришли въ крайнее замѣшательство; отдѣльные люди выскакивали и бѣжали къ ближайшимъ къ городу ложементамъ. Командиръ, защищавшій редутъ, сидя на бѣломъ конѣ, съ обнаженной саблей, удерживалъ ихъ у горжи редута; а самъ, не надѣясь, вѣроятно, отстоять редутъ, нѣсколько разъ порывался ускакать въ городъ, но каждый разъ толпа Турокъ выбѣгала за нимъ; онъ поворачивалъ коня, вгонялъ ихъ обратно, а самъ опять скакалъ къ городу. Такъ повторилось нѣсколько разъ. Все это происходило передъ нами какъ на сценѣ театра, и мы даже не нуждались въ биноклях, чтобы слѣдить за ходомъ дѣла; мы хохотали и хлопали въ ладоши. Наконецъ, пѣхота наша выбралась изъ рѣки и съ крикомъ «ура» бросилась къ редуту, командиръ котораго, безнадежно махнувъ саблей, безъ оглядки поскакалъ къ городу, а Турки, прекративъ огонь, побѣжали по его слѣдамъ, и редутъ былъ взятъ. Наши немного пріостановились, какъ бы переводя духъ, и вслѣдъ затѣмъ началось наступленіе на самый городъ.

Мы тоже мало-по-малу подвигались впередъ; батарея наша подбила у нихъ одно орудіе, другая батарея взорвала зарядный ящикъ. Суматоха у Турокъ поднялась и въ городѣ; пѣхота наша подвигалась все ближе къ городу; въ разныхъ мѣстахъ слышалось «ура».

Мы, завязавъ перестрѣлку, охватывали лѣвый флангъ непріятеля. Небольшія конныя партіи Турокъ быстро удалялись изъ города. Сотн. Шанаевъ приставалъ къ полк. Тутолмину. «Пора рубиться въ шашки», говорилъ онъ, «вѣдь Скобелевъ приказалъ». Но Иванъ Ѳедоровичъ, внимательно слѣдившій за ходомъ сраженія, говорилъ: «рано». Пули летѣли уже въ насъ; это всегда случалось, когда наша пѣхота подходила подъ самыя укрѣпленія Турокъ, которые, не желая высовывать изъ-за бруствера головы для прицѣла, конечно, при стрѣльбѣ поднимали дуло ружей вверхъ, и потому пули летѣли въ пространство и доставалось дальнимъ. Рядомъ со мной стоявшій всадникъ Кайтовъ го-

ворилъ: «нужно будетъ сегодня достать себѣ феску». А я отвѣчалъ ему шутя: «мнѣ надо будетъ достать себѣ трубку, а то свою раскололъ». Не успѣлъ я это сказать, какъ Кайтовъ охнулъ и схватился за лѣвый бокъ. «Убили», говоритъ. Я его подхватилъ подъ руку и повернулъ коня назадъ; увидѣвшіе Осетины подскакали и приняли у меня своего товарища, чтобы доставить его на перевязочный пунктъ.

Часа въ четыре дня «ура» раздалось по всей линіи, орудія смолкли, и масса красныхъ фесокъ показалась бѣгущею изъ главнаго редута; пѣхота наша штыками выбивала ихъ изъ города. Терцы и Осетины по очереди понеслись въ атаку. Кубанцевъ велъ самъ Тутолминъ и, немного погодя, пустилъ ихъ правѣе Терцевъ. Изъ-за города отъ Сельви-Ловченскаго шоссе вынесся эскадронъ Терцевъ конвоя Его Величества. Турки, охваченные съ трехъ сторонъ, отстрѣливаясь, бѣжали къ горамъ и устилали, подъ ударами казачьихъ шашекъ, своими трупами равнину. Батарея Донцевъ не отставала отъ насъ. Ген. Скобелевъ стоялъ на главномъ редутѣ и любовался атакой, о которой онъ съ удовольствіемъ вспоминалъ и впослѣдствіи.

Меня охватила общая горячка, и я просился у полк. Тутолмина къ Терцамъ; онъ мнѣ далъ какое-то порученіе къ полк. Левису, командиру Владикавказскаго полка, и я, съ моимъ вѣстовымъ Дехтеревымъ, очутился въ рукопашной.

Громадное поле представляло мѣсто атаки, въ концѣ котораго высились горы—цѣль Турецкаго бѣгства.

Уже порядочно Турокъ валялось во всѣхъ направленіяхъ; пѣхота смѣшалась съ казаками и, не смотря на призывы своихъ рожковъ, вошедшіе въ азартъ солдатики работали штыками и прикладами, шныряя межъ лошадей казаковъ. Пули свистали со всѣхъ сторонъ, стоялъ какой-то общій гулъ. Полк. Левиса я нашелъ посреди всей этой кутерьмы. Онъ спокойно разъѣзжалъ съ нагайкой въ рукѣ, любуясь молодецкою работою своихъ Терцевъ. Немного дальше вижу, ѣдетъ сотн. Шанаевъ, въ рукахъ ружье, черезъ плечо Турецкій рожокъ: «вотъ говоритъ, смѣясь, отобралъ трофеи!»

Мнѣ тоже хотѣлось кого-нибудь рубнуть; выбралъ рослаго Турка, съ окладистой русой бородой, который отстрѣливаясь спокойно отступалъ. Я пустилъ на него коня и уже занесъ надъ нимъ шашку, какъ Турокъ бросаетъ ружье, падаетъ на колѣни и, поднимая вверху руки, кричитъ: «аманъ! аманъ!» Рука у меня опустилась. Что же, думаю, безоружнаго рубить? Вижу, за поясомъ у него торчитъ трубка, какъ разъ что мнѣ нужно. Отличный трофей, думаю. «Бана чубукъ веръ», гово-

рю Туркѣ. Онъ подалъ мнѣ трубку, и я, сунувъ ее за голенище, спокойно поѣхалъ дальше. Трубка и до сихъ поръ у меня цѣла, напоминая этотъ случай. Не успѣлъ я отъѣхать нѣсколько шаговъ, какъ сзади раздался выстрѣлъ, и пуля просвистѣла около уха. Обертываюсь и вижу: тотъ же Турка, поднявъ свое ружье и еще съ колѣнъ, пустилъ въ меня пулю. Не успѣлъ я повернуть коня къ нему, какъ наскакавшій на него казакъ махнулъ шашкой, и полчерепа у Турки слетѣло долой. Дальше встрѣчаю сотн. Ѳедорова. «Ну, что говорю, теперь это уже на самую войну попали.» Въ это время слышимъ грохотъ колесъ: это наша батарея выѣзжаетъ на позицію и открываетъ картечный огонь черезъ оврагъ по убѣгавшимъ въ горы. Оврагъ съ обрывистыми берегами, встрѣченный нами на пути преслѣдованія, въ первый моментъ для конныхъ представлялъ препятствіе, которое однако вскорѣ миновали, найдя удобные спуски, и погнали дальше бѣглецовъ въ горы. Горная дорога, извиваясь между утесовъ съ одной стороны и обрывовъ съ другой, была загромождена повозками съ разной кладью и зарядными ящиками; ихъ поставили поперекъ бѣжавшіе Турки, чтобы этимъ задержать сколько-нибудь наше преслѣдованіе.

Уже стемнѣло; стрѣльба повсюду смолкла, мы продолжали идти въ горы, сталкивая въ кручу мѣшавшія намъ повозки. Полк. Тутолминъ шелъ во главѣ Кубанской сотни и, дойдя до площадки, рѣшилъ было уже повернуть назадъ, какъ изъ кустовъ раздался выстрѣлъ; бывшіе впереди казаки, быстро обшаривъ кусты, покончили съ этимъ послѣднимъ Туркомъ. Осмотрѣвъ тщательно все кругомъ и не видя болѣе врага, мы повернули обратно. Наступила полная темнота, и мы кое-какъ добрались до города; лошади поминутно спотыкались на трупы. Насилу выбрали мѣсто для бивуака и усталые порядкомъ расположились на ночлегъ.

Тутъ мы узнали, что Астаховъ, командиръ сотни Владикавказскаго полка, раненъ въ руку и что ее отняли. Всѣ горячо сожалѣли раненаго. Я и теперь живо представляю себѣ, какъ онъ лихо повелъ въ атаку свою сотню на стлавшемся подъ нимъ красавцѣ свѣтлосѣромъ Джамалѣ.

Въ городѣ стоялъ шумъ; оставшіеся въ живыхъ радовались, празднуя по Русскому обычаю побѣду; въ городѣ было найдено вино и довольно порядочное.

Поздно все угомонилось и заснуло мертвецки. Сторожевая цѣпь наша стояла къ сторонѣ Плевны, тамъ, откуда мы начали сегодня наступать.

На другое утро, 23 Августа, слышу, меня кто-то будитъ; открываю глаза, вижу сотн. Шанаевъ старается меня растолкать: «Турки пришли, вставай!» Я думалъ, что онъ шутитъ. «Отстань, какіе тамъ Турки? Вчера всѣхъ переколотили, я спать хочу», и опять завертываюсь въ бурку. «Да слышишь, изъ орудій бьютъ», продолжалъ приставать сотн. Шанаевъ; «бригада уже посѣдлала». Прислушался, и въ самомъ дѣлѣ слышу: гудятъ орудія и на бивуакѣ возня. Я вскочилъ, одѣваться не приходилось (спали одѣтые), только умылся.

Въ это время черезъ нашъ бивуакъ проскакалъ какой-то юный пѣхотный адъютантъ, крича: «Турки наступаютъ, казацкая цѣпь сбита». Мы его ругнули вслѣдъ, потому что цѣпь наша и не думала отступать, а только завязала перестрѣлку.

Ген. Скобелевъ уже былъ на конѣ и повелъ насъ на рысяхъ поддержать нашу цѣпь до прихода пѣхоты.

Нѣсколько нашихъ сотенъ спѣшенныхъ разсыпались въ виноградникахъ. Турки, уже начавшіе было спускаться въ равнину, немедленно подобрались на возвышенность. Ген. Скобелевъ подъѣхалъ къ цѣпи стрѣлковъ и сталъ неподалеку отъ стога сѣна, осматривая позицію и силу Турокъ. Полк. Тутолминъ и мы стояли тутъ же. Весь въ бѣломъ и на бѣломъ конѣ, ген. Скобелевъ представлялъ прекрасную цѣль. Турки сейчасъ же направили на насъ орудія и, не довольствуясь гранатами, начали пускать по насъ шрапнели, которыя довольно удачно рвались надъ нами, обдавая пространство массой пуль, производившихъ шумъ, похожій на шумъ поднявшейся стаи куропатокъ. Подъ этимъ огнемъ ген. Скобелевъ писалъ донесеніе начальнику нашего отряда князю Имеретинскому, смотрѣвшему изъ города съ кургана на перестрѣлку. Записка была отдана мнѣ, и я отвезъ ее князю Имеретинскому. По дорогѣ мнѣ попалась пѣхота съ артиллеріей, смѣнившая нашу спѣшенную цѣпь стрѣлковъ, и Турки не замедлили возвратиться въ Плевну.

Весь остальной день мы отдыхали, осматривая городъ, не представлявшій ничего замѣчательнаго, и поле сраженія. Цѣлая армія Болгаръ, всегда слѣдовавшая за нами по пятамъ, забирала въ городѣ все, что̀ ей попадалось подъ руку, говоря: «Турка сичко зималъ», а потому они Турецкое считали своимъ. Мы имъ не мѣшали возмѣщать свои убытки. На этихъ же братушекъ была возложена обязанность убрать тѣла Турокъ, которыхъ они безъ церемоніи волочили, какъ попало, и складывали въ ямы. Пришелъ къ намъ и всадникъ Кайтовъ, раненый вчера; оказалось, что пуля повредила только мякость; онъ сожалѣлъ,

что отстанетъ на время отъ бригады. Мы, конечно, уговаривали его залѣчить рану и тогда уже пріѣхать къ намъ.

VI. Бомбардировка и штурмъ Плевны 30-го Августа.

24-го Августа Кавказская бригада выступила съ генераломъ Скобелевымъ подъ Плевну. Очередь была идти впередъ Владикавказскому полку Терскаго войска, но къ намъ присоединился еще эскадронъ Терскаго войска конвоя Его Величества, который и пошелъ во главѣ Владикавказцевъ. Полковникъ Тутолминъ сказалъ имъ по этому случаю маленькую рѣчь.

Подойдя къ Плевнѣ, генералъ Скобелевъ сдѣлалъ бѣглую рекогносцировку, такъ сказать, представился Туркамъ, и затѣмъ мы стали на бивуакъ. У деревни Боготъ войска собралось уже порядочно. Плевну бомбардировали усиленно *), подготовляя ее къ штурму на 30-е Августа. По временамъ слышалась кое-гдѣ ружейная перестрѣлка, это были легкія аванпостныя стычки, наша пѣхота занимала выгодныя позиціи и окапывалась. Аванпосты мы выставили на лѣвомъ флангѣ расположенія нашихъ войскъ, со стороны Кришенскаго редута. Въ виноградникахъ, гдѣ стояла и Турецкая цѣпь, часовые относились совершенно хладнокровно другъ къ другу, иногда даже разговаривали. У Турокъ были умѣвшіе говорить по-русски, и они намъ кричали: «Счастливъ вашъ Богъ, что мы не знали, что восемнадцатаго Іюля васъ было мало; мы думали, что это только вашъ передовой отрядъ, а то бы мы васъ всѣхъ перетопили въ Дунаѣ». Иногда съ позиціи мимо насъ перевозили въ обозъ наше мѣдное девятифунтовое орудіе. «Куда везете? спрашивали мы», и артеллеристы смѣясь отвѣчали: «забеременѣла». Это значило, что отъ усиленной стрѣльбы орудіе раздуло и снарядъ соскальзывалъ съ нарѣзокъ.

28 числа вечеромъ генералъ Скобелевъ вызвалъ насъ по тревогѣ, чтобы отогнать насѣдавшую Турецкую конницу на нашъ батальонъ, который слишкомъ выдвинулся впередъ. Турецкая пѣхота, атаковавшая позиціи, занятыя Михаиломъ Дмитріевичемъ, отброшенная нашей пѣхотой, уже скрылась за укрѣпленія, и была выслана конница, которая, какъ только насъ увидала, скрылась за свои батареи; а мы, давъ устроиться нашей пѣхотѣ, вернулись назадъ.

*) Теперь Турки видѣли, что готовятся что-то серьезнѣе 18 Іюля. Уже начиная съ 26 Августа всѣ четыре дня гудѣли неумолкаемо орудія, происходилъ исключительно артиллерійскій бой подъ Плевной. Орудія изъ Плевны отвѣчали нашей артиллеріи; но сами Турки держались спокойно, какъ бы сберегая силы для рѣшительнаго момента.

Всѣ ждали рѣшительнаго штурма. Войска облетѣла радостная вѣсть, что Государь Императоръ прибылъ на позицію и будетъ присутствовать при штурмѣ. Это всѣхъ подбодрило, и никто не сомнѣвался въ побѣдѣ, а въ особенности мы, только что взявшіе г. Ловчу, увѣрены были въ успѣхѣ. Наканунѣ 30-го Августа, утромъ, подойдя подъ Кришенскій редутъ, Кавказская бригада расположилась въ глубокомъ оврагѣ. Турки не подозрѣвали такого близкаго нашего сосѣдства, и часто надъ нашими головами шумѣли гранаты, которыми они угощали вдали передвигавшіяся наши войска. Вообще Турки не стѣснялись расходывать гранаты, пускали ихъ не жалѣя по отдѣльнымъ всадникамъ. Мы въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій лежали и сидѣли по склону оврага, болтая и посмѣиваясь надъ невѣдѣніемъ Турокъ, готовые по первому сигналу вступить съ ними въ бой. Между нами находился почтенный докторъ Вороновъ; онъ былъ глухъ и все удивлялся, что Плевну еще не начали бомбардировать, и, какъ мы ни старались его увѣрить, что ее неустанно громятъ со всѣхъ сторонъ, онъ упорно отвергалъ это.

Немного погодя, нѣсколько любопытныхъ казаковъ, не смотря на запрещеніе, вылѣзли изъ оврага посмотрѣть, что̀ дѣлаютъ тамъ Турки. Тѣ сейчасъ пустили по нихъ гранату, упавшую какъ разъ сзади нашей кучки, шагахъ въ пяти. Гранату разорвало, а докторъ пресерьезно сказалъ: «вотъ теперь я слышу, что начали пострѣливать, а вы говорите, что давно стрѣляютъ; вѣдь я слышу»; мы всѣ покатились отъ хохоту и кричали ему: «повернитесь назадъ, да посмотрите.» Онъ обернулся и, видя яму, взрытую только что гранатой и валявшіеся осколки, удивленно спросилъ: «что̀ это такое?» Мы ему объяснили, какъ это случилось, и что этотъ-то выстрѣлъ онъ и слышалъ. Не знаю, повѣрилъ ли докторъ нашему объясненію, но только больше о стрѣльбѣ не справлялся, а мы долго не могли безъ смѣху вспомнить это происшествіе.

Наконецъ наступилъ давно жданный день штурма. Канонада, гудѣвшая всю ночь, утромъ еще съ большей яростью продолжалась съ обѣихъ сторонъ.

Мы до разсвѣта вышли изъ оврага, чтобы Турки не замѣтили мѣста нашей стоянки, и расположились на возвышенности противъ праваго фланга Кришенскаго редута, составлявшаго крайній лѣвый флангъ нашего расположенія. Къ намъ подошли бригада Донцевъ Чернозубова съ батареей и еще кавалерійская бригада тоже съ батареей. Всѣ три батареи, вытянувшись по гребню возвышенности, открыли

Государственная
БИБЛИОТ...А
СССР
им. В. И. Ленина

огонь по редуту, на который наступалъ генералъ Скобелевъ. Владикавказскій полкъ охранялъ правый флангъ расположенія нашего отряда, гдѣ находился и полковникъ Тутолминъ, а Кубанцы стерегли лѣвый флангъ. Были уже убитые и раненые въ тѣхъ двухъ батареяхъ, а въ нашей всѣ цѣлы.

Ларчикъ просто открывался. Полковникъ Власовъ, командиръ нашей 8-й Донской батареи, осадилъ нѣсколько свои орудія назадъ, поставивъ ихъ за гребнемъ, такъ что Турки видѣли только взвивавшіеся дымки отъ выстрѣла, а самихъ орудій не видѣли; цѣлить-то имъ и приходилось на угадъ, отчего получался то недолетъ, то перелетъ. Самъ Власовъ покуривалъ изъ своего длиннаго черешневаго мундштука самокрутки, ходилъ по батареѣ, хладнокровно распоряжаясь наводкой орудій, подтрунивая надъ неудачей Турокъ.

Сидѣвшимъ впереди редута въ ложементахъ Туркамъ, вѣроятно, стало скучно, или наша артиллерія надоѣла редуту; только они начали одинъ по одному пострѣливать въ насъ, и видя, что мы не отвѣчаемъ, стали выѣзжать на брустверъ, собираясь кучами и учащая огонь. Это намъ весьма не понравилось.

Выслали было спѣшенныхъ казаковъ; они, ползкомъ подкравшись по кукурузѣ, открыли огонь по ложементамъ; но Турки, какъ всегда, засыпали ихъ и насъ градомъ пуль.

Конечно, чтобы не терять напрасно людей, казаковъ отозвали, а полковникъ Власовъ обѣщался отвадить Турокъ, и правда, онъ навелъ орудіе и пустилъ по нимъ шрапнель, и Турокъ какъ не бывало: всѣ попрятались до одного. Такъ онъ продолжалъ каждый разъ, какъ только они вылѣзали на брустверъ. «Угости-ка ихъ горошкомъ», говорилъ полковникъ Власовъ, смѣясь наводчику, и наводчикъ угощалъ. Туркамъ этотъ горошекъ былъ не по вкусу, они кубаремъ летѣли съ бруствера и наконецъ перестали вылѣзать и насъ безпокоить.

Меня послали съ приказаніемъ въ Кубанскій полкъ. Надо было ѣхать вдоль трехъ батарей. Думаю, какъ ѣхать? Если проскакать, подумаютъ струсилъ; а шагомъ ѣхать долго, пріятнаго мало. Поѣду шагомъ, рѣшилъ и поѣхалъ, косясь вправо на летѣвшіе снаряды. Немного погодя, нагоняетъ меня сотникъ Шанаевъ, туда же посланный; стало веселѣе. Перекидываясь замѣчаніями, поѣхали мы рядомъ. Вдругъ насъ обоихъ что-то такъ толкнуло сзади, что мы чуть было лбами не ткнулись въ шеи лошадей. Сразу мы не поняли, что̀ случилось. Влѣво взорвало гранату, и все разъяснилось. Эта граната пронеслась сзади

Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина

насъ такъ близко, что воздухомъ отъ ея движенія насъ толкнуло, а граната, пролетѣвъ дальше, ударилась подъ корень дерева, у котораго разговаривали два казака; гранату разорвало, но благополучно: казаки остались невредимы.

Пріѣзжаемъ къ Кубанцамъ; тамъ въ бинокль показываютъ намъ, какъ Турки укладываютъ обозы и направляютъ ихъ на Софійское шоссе. Сейчасъ же мы поскакали назадъ донести объ этомъ, а тамъ уже пришло, оказывается, приказаніе генерала Скобелева идти намъ, всѣмъ тремъ бригадамъ, на Софійское шоссе, встрѣтить и преслѣдовать, какъ было подъ г. Ловчей, непріятеля.

Наша бригада пошла во главѣ отряда, и только что мы успѣли переправиться въ бродъ, черезъ рѣку Видъ, какъ прискакалъ ординарецъ отъ генерала Скобелева съ приказаніемъ скорѣе вернуться назадъ и прикрывать отступленіе его пѣхоты. Какъ громъ насъ всѣхъ поразила такая быстрая перемѣна. Съ минуту стояли мы молча, не вѣря своимъ ушамъ; но дѣлать было нечего, надо было вѣрить и торопиться на выручку.

На рысяхъ пошли мы назадъ. Уже темнѣло, когда, вернувшись на прежнюю позицію, наши батареи открыли огонь во флангъ Туркамъ.

Наступила ночь, а стрѣльба не ослабѣвала. Стоялъ какой-то общій гулъ, перерываемый по временамъ ревомъ орудій; это были залпы. Въ темнотѣ виднѣлось, какъ цѣлые снопы огня вырывались изъ жерлъ орудій, а ружейные огоньки, какъ звѣздочки, мелькали повсюду. Мы ждали своей очереди. То и дѣло на насъ натыкались отдѣльныя кучки солдатъ, отбившихся въ потьмахъ отъ своихъ частей. Мы спрашивали ихъ, какъ идетъ отступленіе; намъ отвѣчали: «вотъ насъ только и осталось изъ роты». Эти кучки проходили за насъ и тамъ устраивались, насколько было можно. Ночевали мы въ своемъ оврагѣ подъ редутомъ, гдѣ получили приказаніе генер. Скобелева быть готовыми чѣмъ свѣтъ и въ случаѣ если Турки выдутъ преслѣдовать отступающія наши войска, то чтобы мы ихъ атаковали и на ихъ плечахъ ворвались бы въ Плевну. «Отступленія не будетъ, я васъ поддержу пѣхотой», оканчивалось приказаніе. Войска оставались на позиціяхъ. Всю ночь не прекращался ревъ орудій съ той и другой стороны. Постоянно приходили донесенія съ аванпостовъ и разсылались приказанія по разнымъ направленіямъ. Спали урывками, готовые выступить по первому требованію. Съ разсвѣтомъ началось общее отступленіе. Мы все время держались на флангѣ нашей пѣхоты, но Турки и не думали преслѣдовать наши войска, спокойно отходившія за насъ. Не весело было на душѣ; мы не ожидали такого отпора, и послѣдняя надежда наша на атаку

ускользала отъ насъ. Турки сидѣли въ окопахъ, лѣниво пострѣливая; должно быть, и они устали за эти дни.

Такъ кончилось 30-е Августа, возбудившее много толковъ въ послѣдствіи, почему штурмъ былъ неудаченъ, кто правъ, кто виноватъ.

Разсказывали, какъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, огорченный неудачей штурма и отказомъ ему въ подкрѣпленіи, атаковалъ лично, Турокъ, подъ сѣнью своего краснаго значка съ сотней Терцевъ, выбилъ ихъ изъ ложементовъ и взялъ редутъ, на который вскорѣ прибылъ капитанъ Куропаткинъ, никогда и нигдѣ не отстававшій отъ Скобелева, съ пѣхотой; но удержать редутъ было невозможно, такъ какъ система ихъ расположенія была такова, что внутренность каждаго обстрѣливалась изъ остальныхъ редутовъ. Вскорѣ былъ взорванъ Турками зарядный ящикъ въ редутѣ близъ распоряжавшагося обороной его капитана Куропаткина, и очевидная невозможность держаться здѣсь безъ овладѣнія слѣдующими редутами (для чего не хватало силъ) заставила храбрецовъ отступить безъ особыхъ потерь.

Кончилось отступленіе, пѣхота окопалась, орудія еще продолжали гудѣть, а наша бригада отошла назадъ на отдыхъ; да и было отчего отдохнуть (всѣ эти дни почти не спали, пищу готовили тутъ же на позиціи, подъ пулями; въ оврагѣ ночью разводить костровъ нельзя было: открыли бы нашъ секретъ). За время штурма Государева ставка находилась въ Парадимѣ, куда я поѣхалъ повидаться съ братомъ *). Тамъ я узналъ, что гвардія выступила на театръ военныхъ дѣйствій, а черезъ нѣсколько дней я получилъ предписаніе отправиться въ л. г. уланскій полкъ, подходившій уже къ Дунаю.

Жаль было разставаться съ боевыми товарищами, съ которыми я сдружился за это время; но дѣлать было нечего. Распростившись со всѣми, уѣхалъ я въ сопровожденіи вольноопредѣляющагося Кубанскаго полка Милія Дмитріевича Киселева и вѣстового своего Колесникова, въ Горный Студень, куда уже перешла ставка Государя, а оттуда поѣхалъ въ городъ Систово. Пріѣхали мы въ Систово подъ вечеръ; тамъ уже была наша администрація, которая отвела намъ квартиру у Болгарина. Онъ оказалъ намъ радушный пріемъ и на другой день угощалъ насъ кофіемъ на балконѣ, съ котораго открывался прелестный видъ на Дунай и на Румынскій берегъ, съ нашей старой знакомой Зимницей. Хозяинъ нашъ разсказывалъ намъ, съ какимъ нетерпѣніемъ Болгары ожидали переправы Русскихъ войскъ черезъ Дунай и какъ

*) Недавно умершимъ ген.-адъютантомъ Николаемъ Васильевичемъ. П. Б.

Турки ихъ увѣряли, что никогда Русскимъ не удастся переправиться; а любопытныхъ Турки разгоняли съ берега и нерѣдко пускали пули въ наблюдавшихъ за движеніемъ нашихъ войскъ Болгаръ съ этого балкончика или съ другихъ возвышенныхъ мѣстъ. Разсказывалъ онъ еще, что помнитъ, когда приходилъ императоръ Николай I воевать съ Турками, и много еще кой-чего интереснаго узнали мы отъ него. Когда мы уѣзжали, онъ ни копѣйки не взялъ съ насъ за постой.

*

Съ Богомъ, Терцы, не робѣя,
Смѣло въ бой пойдемъ, друзья!
Бейте, рѣжьте, не жалѣя
Басурманина-врага.

*

Тамъ далеко за Балканы
Русскій много разъ шагалъ;
Покоряя вражьи станы,
Гордыхъ Турокъ побѣждалъ.

*

Такъ идемъ путемъ прадѣдовъ
Лавры славы добывать;
Смерть за Вѣру, за Россію
Можно съ радостью принять.

*

День двѣнадцата Апрѣля
Будемъ помнить мы всегда,
Какъ нашъ Царь, Отецъ державный,
Брата къ намъ подвелъ тогда.

*

Какъ онъ, полный Царской мочи,
Съ отуманеннымъ челомъ,
„Берегите, сказалъ, брата;
„Будьте каждый молодцомъ.

*

„Если нужно будетъ въ дѣло
„Николаю васъ пустить,
„То идите въ дѣло смѣло,
„Дѣдовъ славы не срамить!“

*

Съ Богомъ, Терцы, не робѣя
Смѣло въ бой пойдемъ, друзья!
Бейте, рѣжьте, не жалѣя
Басурманина-врага *).

*) Эта пѣснь сложена въ походъ 1877—1878 годовъ Терскимъ казакомъ собственнаго Его Величества конвоя.

II часть.

I. Прибытіе лейбъ-гвардіи уланскаго полка на Дунай.—Царскій смотръ.—Мокрая позиція.

11 Сентября 1877 г. вся гвардейская кавалерія пришла на Дунай. Въ тотъ же день подъ вечеръ мы съ Киселевымъ ѣздили въ г. Зимницу, около которой раскинулась бивуакомъ гвардейская кавалерія. Уже стемнѣло, когда мы переѣхали на Румынскій берегъ, и первый попавшійся солдатикъ указалъ намъ, гдѣ стоятъ полки. Сначала заѣхали въ лейбъ-гусарскій полкъ, а потомъ уже въ уланскій. Въ потьмахъ спрашиваю кого-то: «здѣсь стоитъ уланскій полкъ?» «Здѣсь», подходя ко мнѣ, отвѣчалъ кто-то. «Это вы, ваше благородіе, вы цѣлы?» радостно заговорилъ, узнавъ меня, унтеръ-офицеръ Гуйванъ. «Здравствуй, Гуйванъ; слава Богу, цѣлъ, какъ видишь; покажи-ка мнѣ палатку третьяго эскадрона». Онъ меня довелъ до палатки, въ которой я нашелъ весь составъ офицеровъ эскадрона, праздновавшихъ приходъ свой на Дунай. Всѣ удивились моему неожиданному появленію. Вопросы посыпались со всѣхъ сторонъ, гдѣ былъ, былъ ли въ сраженіяхъ, видѣлъ ли Турокъ, о томъ, въ какомъ положеніи дѣла, о знакомыхъ и т. д. Я насколько могъ удовлетворялъ ихъ любопытству, распрашивая въ свою очередь С.-Петербургскихъ знакомыхъ и, кажется, было больше вопросовъ, чѣмъ отвѣтовъ. Побывалъ я еще въ нѣсколькихъ палаткахъ, и вездѣ было такое же праздничное настроеніе: всѣ толковали о предстоящемъ завтра переходѣ Дуная. Одинъ, черезчуръ развеселившійся, все время твердилъ: «Завтра мы переходимъ Рубиконъ, завтра я посылаю телеграмму: я слава Богу живъ, перешелъ Дунай, молитесь!» Слова эти онъ подчеркивалъ пальцемъ въ воздухѣ. Видя, что съ ними толку не будетъ, я ушелъ къ командиру полка, ген. Эттеру, которому передалъ предписаніе объ откомандированіи меня изъ Кавказской бригады, и уже ночью мы съ Киселевымъ вернулись домой въ г. Систово.

На другой день я съ утра переодѣлся въ уланскую форму, и пошли мы по городу. «Воейковъ! Воейковъ!» слышу, кричитъ кто-то. Обертываюсь и вижу шт.-ротм. А. П. Сафонова. Мы расцѣловались. «Ты что тутъ дѣлаешь?» спросилъ онъ. «Собираюсь ѣхать въ полкъ».— «Поѣдемъ вмѣстѣ: у меня здѣсь четверка», предложилъ Сафоновъ. Въ самомъ дѣлѣ я увидѣлъ неподалеку стоявшую артельную телѣгу, запряженную четверкой обозныхъ лошадей съ обознымъ солдатомъ на козлахъ.

Пошли въ трактиръ, гдѣ за стаканомъ добраго, хотя и кислаго, Болгарскаго вина разсказывали другъ другу, что произошло со времени нашей разлуки въ Питерѣ. «Я тоже ѣду въ полкъ», сказалъ шт. рот. Сафоновъ; откомандировался отъ главной квартиры. Что Ѳедоровъ живъ ли?» Я сказалъ, что слава Богу былъ живъ, а теперь не знаю.

Послѣ полудня, распростившись съ Киселевымъ и моимъ вѣстовымъ Колесниковымъ и приказавъ денщику съ вьюкомъ и моей лошадью ѣхать слѣдомъ, мы съ шт. рот. Сафоновымъ въ огромной обозной телѣгѣ, куда свободно помѣстилось бы человѣкъ двадцать, направились въ с. Туркасливу, гдѣ должна была остановиться гвардейская кавалерія, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій. Въ полку насъ встрѣтили снова съ распросами. О вчерашнемъ всѣ забыли; нѣкоторые даже увѣряли, что и меня въ первый разъ видятъ.

Къ намъ собрались почти всѣ офицеры полка и болтали до поздней ночи, пока не разошлись по палаткамъ спать. Странно было послѣ службы въ Кавказской бригадѣ, гдѣ все отличалось спокойствіемъ и патріархальностью, видѣть, какъ суетятся, какъ выставляютъ караулы и аванпосты по уставу, тогда какъ стоянка наша еще была вдалекѣ отъ боевой линіи. Какъ утромъ, такъ и вечеромъ, трубачи играли зорю, а въ Варшавской бригадѣ игралъ хоръ, что всѣмъ очень нравилось. Когда выступалъ съ бивуака полкъ, играли генералъ-маршъ, и при появленіи штандарта командовали: «сабли вонъ!» что очень ихъ тупило.

Когда пришло время обѣдать, насъ позвали въ столовую. Что такое, думаю, за столовая? Оказалось это большая изба, въ которой стояли наскоро сбитые кое изъ чего столы и скамьи, и гдѣ распоряжался Жидъ или что-то въ этомъ родѣ, прибывшій съ полкомъ изъ Румыніи.

Мнѣ объяснили, что онъ взялся содержать во весь походъ офицерскую столовую, а другой такой же аферистъ поставлять фуражъ. Я усумнился въ продолжительной дѣятельности того и другого.

Много было разговоровъ о томъ, что гусарскій полкъ обѣдаетъ въ полномъ составѣ и съ музыкой, а у насъ этого нѣтъ; поговорили, поговорили, но играть музыка такъ и не играла. Впослѣдствіи все это бросили. Иногда, входя во вкусъ бивуачной жизни, пробовали приготовлять что нибудь изъ съѣдобнаго сами и преимущественно шашлыки, но это были какіе-то сухари.

Я тоже, научившись въ Кавказской бригадѣ жарить шашлыки, приготовилъ себѣ, и стряпня моя вышла на славу; я далъ попробовать. Шашлыкъ всѣмъ пришелся по вкусу. Одному до того понравилось, что онъ тутъ же объявилъ, что сегодня вечеромъ устраиваетъ балъ съ шашлыкомъ и что кухня будетъ подъ управленіемъ вновь прибывшаго шашлычныхъ дѣлъ мастера. Вечеръ вышелъ удачный, шашлыки и Болгарское винцо подъ открытымъ небомъ Балканскаго полуострова уничтожались съ бо̀льшимъ аппетитомъ, чѣмъ филе-де-бѣфъ съ трюфелями и шампанскимъ у Донона въ Питерѣ. Когда я вытаскивалъ изъ за голенища свою трубку, а изъ кармана кисетъ съ табакомъ, всѣ смѣялись: у всѣхъ еще были запасы папиросъ изъ Россіи или Румыніи. Я имъ говорилъ, что запасы папиросъ у нихъ скоро кончатся, придется учиться дѣлать самокрутки, которыя курятъ почти всѣ, но что трубка для коннаго несравненно удобнѣе.

Удивлялись также, когда я бралъ пальцами уголекъ изъ костра для закуриванія. Я имъ говорилъ, что когда они испытаютъ всѣ прелести войны, то ничему не будутъ удивляться. Потомъ конечно всѣ обтерпѣлись и свыклись; но пока имъ казалось, что это тоже, что̀ въ лагерѣ подъ Краснымъ.

Всѣ въ новенькомъ, чистенькомъ и со всѣми причудами лагерной Красносельской обстановки и нѣкоторые, выходя куда нибудь изъ палатки, надѣвали еще перчатки. На этой стоянкѣ къ намъ на бивуакъ пріѣзжалъ генералъ Гурко, герой перехода за Балканы черезъ Шипку. Онъ ѣздилъ по бивуаку, осматривалъ лошадей, разговаривая со всѣми его окружавшими. Вскорѣ вся гвардія должна была поступить подъ его начальство, а теперь, въ ожиданіи прихода гвардейской пѣхоты, кавалерія готовилась къ царскому смотру. Полки должны были переходить ближе къ театру военныхъ дѣйствій черезъ Горный Студень, гдѣ въ то время была ставка Государя и главнокомандующаго В. К. Николая Николаевича Старшаго. Черезъ нѣсколько дней, т. е. 17 Сентября, утромъ вычищенные и во всемъ новенькомъ выступили полки къ Горному Студню.

Общимъ видомъ гвардейской кавалеріи Государь остался очень доволенъ, благодарилъ всѣхъ, разговаривая со всѣми его окружавшими,

какъ отецъ послѣ долгой разлуки съ дѣтьми, благословлялъ ихъ на новые подвиги, достойные ихъ славныхъ предковъ.

Полки перешли къ селенію Дольней Липницѣ, гдѣ намъ пришлось простоять довольно долго.

Дежурствъ на этой стоянкѣ было много. Кромѣ дежурнаго по полку были еще дежурные по эскадронамъ, обязанность которыхъ была водить эскадроны на водопой.

Это было учреждено оттого, что испугались чего то лошади одного изъ эскадроновъ, шедшаго на водопой подъ командой вахмистра, при слѣдованіи полка черезъ Румынію: лошади разбѣжались, и многихъ еще теперь приводили изъ Румыніи оставленные для ихъ розыска люди. Въ первый разъ какъ было назначено это дежурство, пошли смѣняться къ командиру полка цѣлой вереницей въ десять человѣкъ. Это было сдѣлано ради шутки. Всѣ хохотали. Командиръ полка, увидавъ это шествіе, приближавшееся къ его палаткѣ, разсмѣялся и объявилъ, что на будущее время дежурные по эскадронамъ смѣнялись бы сами собой. Кромѣ этого дежурства, наряжали взводъ въ караулъ для охраны ближайшихъ деревень, послѣ нѣсколькихъ случаевъ воровства.

Мнѣ тоже пришлось быть какъ-то въ этомъ караулѣ. Занявъ выѣзды деревни часовыми, мы съ корн. Өедоровымъ сами расположились на площади. Болгарскій священникъ, домъ котораго стоялъ тутъ же на площади, пригласилъ насъ къ себѣ и очень радушно угощалъ всякой домашней стряпней. Дежурство прошло благополучно. Нѣсколько солдатиковъ порывались пройти подъ разными предлогами въ деревню, но ихъ не пустили. На возвратномъ пути послѣ смѣны, аванпосты, выставленные кругомъ всего бивуака, окликнули насъ издали: «кто идетъ?» «Разъѣздъ», отвѣтили мы. «Что пропускъ?» «Граната!» и насъ пропустили. Въ этотъ вечеръ вездѣ былъ сильный туманъ, вторая цѣпь пѣшая насъ не замѣтила, и мы благополучно добрались до палатки.

Какъ-то вечеромъ узнаёмъ, что на слѣдующій день снаряжается нѣсколько разъѣздовъ. Это всѣхъ заинтересовало, и мы старались узнать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что подрядчикъ откуда-то узналъ, что Турки будто бы появились не вдалекѣ, о чемъ и сообщилъ чиновнику по хозяйственной части полка, Бирюкову, а этотъ командиру полка. Я увѣрялъ, что недавно проѣзжалъ по этой мѣстности и никоимъ образомъ Турки появиться тутъ не могутъ; но всѣхъ охватилъ воинственный пылъ, и разъѣзды были посланы. Проходивъ сутки, они вернулись на другой день утромъ. Конечно всѣ бросились узнавать пово-

сти. «Ну кого вы тамъ видѣли? Должно быть все враки.» Пріѣхавшіе сначала разсказали намъ, что у нихъ чуть не цѣлое сраженіе было, но скоро признались, что никого и ничего не видали. Трактирщикъ и подрядчикъ, вѣроятно испугавшіеся нашествія Турокъ, въ туже ночь бѣжали, и намъ приходилось теперь продовольствовать самимъ и лошадей, и себя. Достали откуда-то косы, и цѣлыя команды снаряжались косить, гдѣ только попадалась трава, и возить ее на выокахъ на бивуакъ. Эти фуражировки производились ежедневно. Офицерамъ же пришлось устроить артели, выбравъ артельщиковъ, которые ежедневно отправлялись въ деревню и у Болгаръ закупали попавшуюся провизію. Полкамъ пришлось самимъ продовольствовать нижних чиновъ, и тутъ вышла пресмѣшная исторія. Солдатики какой-то части увели какъ-то у Болгаръ буйвола. Болгары пришли жаловаться начальнику дивизіи. Онъ собралъ всѣхъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, спрашивая, въ какой части виновные, но никто не зналъ. Тогда начальникъ дивизіи отпустилъ ихъ, приказавъ къ завтрашнему утру узнать, какой части солдаты увели буйвола, а буйволъ между прочимъ исчезъ безслѣдно.

Собрались утромъ командиры, но ничего не могли сказать новаго. Генералъ ихъ допрашивалъ, но всѣ отвѣчали: «не у меня, не у меня». Разсердившійся начальникъ дивизіи закричалъ: «Ну, стало быть я укралъ, я укралъ!» Всѣ молчали; тогда онъ досталъ нѣсколько золотыхъ и отдалъ Болгарину, низко кланявшемуся, говоря: «На, получи! Всѣ правы, я виноватъ, я укралъ», и распекши командировъ, отпустилъ ихъ.

Командиръ каждый ѣздилъ съ своимъ вѣстовымъ и эти-то вѣстовые, держа лошадей поодаль, прислушивались, что̀ тамъ у начальства происходитъ; конечно всего они не слыхали, а слышали, только гнѣвные возгласы генерала: «я укралъ! я укралъ!» и видѣли какъ онъ отдалъ «желтички» братушкѣ. Поэтому они и поняли все происходившее по своему. Вернувшись они разсказали товарищамъ, что командиры два раза собирались, и только по второму разу дивизіи начальникъ сознался, что онъ укралъ буйвола, и «деньги командиры при себѣ заставили его отдать». «Мы видѣли, какъ и деньги отдалъ». Впослѣдствіи разсказали конечно начальнику дивизіи, что вышло изъ его розысковъ буйвола, чему онъ много смѣялся, и долго мы не могли безъ смѣху вспомнить какая можетъ получиться несообразность изъ пустяковъ.

Превосходная погода, стоявшая все время, не смотря на позднюю осень, вдругъ испортилась, пошли дожди и наступили холода. Бивуакъ превратился въ болото; люди и лошади вязли, палатки промокли и нисколько не защищали отъ воды; въ нихъ была такая же

грязь какъ и снаружи. Начались различныя изобрѣтенія: кто окапывалъ палатки канавой, кто обваливалъ валикомъ, кто рылъ яму, обносилъ ее насыпью и поверхъ ставилъ палатку; одинъ изобрѣтатель превзошелъ всѣхъ, выкопавъ яму съ выступомъ, въ которомъ устроилъ каминъ. Но насыщенная почва и продолжавшіеся дожди уничтожали всѣ выдумки. Канавки наполнялись водой, валики размывались, а ямы превращались въ колодцы. Приходилось переносить палатки на новыя мѣста, т. е. на новыя лужи, появились дезинтерія и лихорадки. Этотъ бивуакъ такъ и остался въ воспоминаніи подъ названіемъ «Мокрой позиціи». Повсюду слышались жалобы, что насъ безцѣльно держатъ на мокротѣ и дождѣ, а не ставятъ въ пустыя деревни, которыхъ было достаточно кругомъ. Слышались даже ссылки на Прусскую армію: утверждали, что тамъ всегда въ походѣ кавалерію ставятъ по деревнямъ. Наконецъ приказали намъ расположиться по деревнямъ. Эта вѣсть всѣхъ обрадовала.

Нашъ полкъ перешелъ въ д. Горную Липницу, а остальные по другимъ деревнямъ.

Кругомъ все было спокойно, доносился только отдаленный гулъ осадныхъ батарей изъ подъ Плевны. Службы почти никакой не было, кромѣ нѣсколькихъ конныхъ постовъ и коннаго караула въ цѣлый взводъ, стоявшаго на площади въ деревнѣ.

Мы расположились совсѣмъ какъ дома; собирались то у одного, то у другого изъ товарищей, устраивались вечеринки, играли въ карты, больше въ штосъ, макао и банкъ. Однимъ словомъ, обжились и поговаривали заняться эскадронными ученіями и, кажется, манежной ѣздой.

Кто-то распространилъ слухъ, что насъ теперь не пустятъ въ дѣло, а будутъ беречь на закуску, т. е. для какого-то генеральнаго сраженія, которое Турки по какимъ-то соображеніямъ предполагаютъ дать намъ подъ Адріанополемъ или Константинополемъ. Нѣкоторымъ изъ Россіи прислали полушубки, что было уже не лишнее въ настоящее время: былъ уже Октябрь мѣсяцъ.

II. Въ отрядѣ князя Крала Румынскаго. Горный Дубнякъ.

Отъ бездѣлья мы начали уже скучать, когда пришелъ приказъ выступить. Мы должны были войти въ составъ Плевненскаго отряда, который находился подъ общимъ начальствомъ князя Румынскаго Карла.

Гвардейская пѣхота подошла, и намъ въ полномъ составѣ приказано было выступить по направленію Лежановыхъ мостовъ, а оттуда черезъ Боготъ и Парадимъ на Софійское шоссе. Проходя дер.

Боготъ, князь Румынскій, жившій въ то время въ ней, выѣхалъ насъ встрѣтить. Мы прошли мимо него справа по шести. Князь здоровался съ эскадронами по русски. Его окружали свита и конвой, что-то въ родѣ нашихъ гусаръ, на караковыхъ лошадяхъ съ пиками и очень широкими на нихъ значками; это были райтары. При этомъ прохожденіи вышла комическая случайность, которую никто не подозрѣвалъ, а князь Карлъ съ Румынами вѣроятно и по сіе время остается въ недоумѣніи. Дѣло въ томъ, что полки, проходя по Румыніи, слышали всюду мотивъ «клейнепостильона». Когда мы услышали его въ первый разъ, почему-то намъ представилось, что это Румынскій гимнъ. Трубачи его разучили, и вотъ на смотру князя Румынскаго всѣ полки, проходя поочереди, сыграли ему этотъ гимнъ. Только въ Санъ-Стефано мы узнали свою ошибку, услыхавъ тотъ же гимнъ во всѣхъ конкордіяхъ.

Когда мы подходили къ деревнѣ Бѣжановой, насъ остановили, приказавъ спѣшиться. Передъ нами былъ крутой спускъ, съ котораго артиллеристы на лямкахъ спускали орудія. Гора была покрыта кустарникомъ и небольшими деревьями, а внизу разстилалась равнина съ деревушкой, прорѣзанная извивающейся по ней рѣкой Видомъ.

Орудія были спущены, и раздалась команда: «къ конямъ» и затѣмъ «садись». Тутъ произошла комичная сцена. Одинъ изъ командировъ эскадрона, присѣвъ на колѣняхъ передъ пнемъ записывать что-то въ памятную книжку, задремалъ и не слыхалъ команды. Вахмистръ подошелъ и сталъ будить его: «Ваше высокоблагородіе! ваше высоблагородіе!» «А! что? наступать? садись!» кричитъ дремавшій очнувшись. Забывъ про пень, онъ шагнулъ впередъ, зацѣпился за него и летитъ кубаремъ съ большой сумкой черезъ плечо. При всей своей серьозности вахмистръ, еще «Николаевскій», расхохотался, а про насъ и говорить нечего. Виновникъ всего этого стоялъ, протирая глаза и не понимая что̀ случилось. Мы смѣясь объясняли ему, что это перетянула его надѣтая черезъ плечо сумка. Конечно, понявъ наконецъ, въ чемъ дѣло, командиръ присоединился къ нашему хохоту. Спустившись въ равнину, мы подошли къ дер. Бѣжаново, гдѣ и расположились бивуакомъ. Пока разбивали коновязи, надъ деревней показался столбъ дыма. «Пожаръ!» кто-то крикнулъ, и всѣ бросились тушить. Конечно загорѣвшуюся избу разнесли по бревнушку, и пожаръ кончился. Всѣмъ досталось за это; потому что узнали, что это солдатики пошли поискать, не осталось ли чего въ деревнѣ и какъ-то заронили огонь. Впрочемъ ходили слухи, что этимъ Турки-шпіоны давали знать своимъ о приходѣ нашихъ войскъ. Къ вечеру подошелъ обозъ, который еще не отставалъ отъ полка. При Варшавской бригадѣ въ обозѣ были какія-

то кухни, которыя варили пищу на ходу, и по приходѣ на бивуакъ, оставалось только изъ этихъ кухонь-котловъ черпать щти да хлебать. Это было удобно и всѣмъ очень нравилось, пока не было большихъ переходовъ, да въ сухую хорошую погоду; а когда дороги испортились, да еще пришлось по горнымъ тропинкамъ ходить, то обозы были оставлены, и необходимое пошло на вьюкахъ, а пища варилась въ традиціонныхъ котелкахъ.

На другой день были посланы разъѣзды къ с. Телишу и с. Горному Дубняку. Вернувшіеся разсказывали, что видѣли Турокъ и тѣ стрѣляли по нимъ. Это была первая встрѣча съ Турками и первый огонь по гвардіи. Въ эту же ночь 11 Октября мы должны были выступить подъ Горный Дубнякъ.

Цѣлый день продолжались приготовленія: чистились и оправлялись. Это было первое дѣло, къ которому готовилась гвардія. Рѣшено было не спать; костры горѣли всю ночь: на нихъ жгли все что попадалось подъ руки въ Турецкой брошенной деревнѣ. Тутъ пылали и бочки, и ящики, и столы, и сундуки буковаго и краснаго дерева. Приказано было при выступленіи не гасить костровъ, чтобы Турки не догадались о нашемъ движеніи.

Бивуаки были оживлены: кто сидѣлъ у костровъ, разговаривая о предстоявшемъ дѣлѣ, кто писалъ письмо домой. Лица у всѣхъ были озабоченныя, но смѣхъ и шутки не прекращались, хотя слышалось изъ кучекъ: «Вотъ мы теперь всѣ вмѣстѣ, а завтра, можетъ быть, кого нибудь не хватитъ». «Гдѣ, спросятъ, такой-то? Скажутъ убитъ». Нѣкоторые сидѣли поодаль, задумавшись; другіе бродили отъ костра къ костру, отъ одной кучки къ другой. По всему было замѣтно, что завтрашній день сидѣлъ у всѣхъ въ головѣ; да и не мудрено: вѣдь въ первый разъ люди становились лицомъ къ лицу съ настоящимъ врагомъ, и надо было исполнить свое назначеніе, къ которому готовились и которому посвятили себя.

Мы со старшимъ Лёвстремомъ сидѣли у костра, попивая коньякъ, и вмѣсто закуски я предложилъ запивать холодной водой. «Гдѣ ты выучился такъ закусывать?» спрашивалъ Лёвстремъ, «недурно». Около полуночи поднялись лейбъ-гусары и пошли подъ Телишъ.

Они шли въ шинеляхъ, чтобы красные мундиры на сѣрыхъ лошадяхъ не бросались въ глаза Туркамъ издали, и снявъ съ нихъ флюгера. Кто-то предложилъ нашему командиру тоже снять флюгера, но онъ отвѣтилъ: «я командую уланами, а не казаками».

Часа два спустя приказали и намъ сѣдлать. Сборы прошли спокойно, безъ суеты. Всякій сознавалъ важность наступавшей минуты. Подкинули еще въ костры и, соблюдая полнѣйшую тишину, тронулись съ бивуака.

Ночь была морозная, и намъ было чувствительно идти въ мундирахъ, такъ какъ парадная сторона не была еще брошена.

Начальникъ дивизіи въ тепломъ пальто съ мѣховымъ воротникомъ объѣзжалъ полки, тихо здороваясь, и ему также тихо отвѣчали. Мы дошли до деревни Свинаря на рѣкѣ Видъ и у брода остановились. Зубъ на зубъ не попадалъ, до того прозябли. Приказано было слѣзть и стоять тихо. Просили разрѣшенія надѣть шинели, но разрѣшенія не послѣдовало, и начальство ушло въ избу.

Мы были въ полномъ невѣдѣніи, долго ли тутъ простоимъ и далеко ли до Горнаго Дубняка, и только по строжайшей тишинѣ, которая соблюдалась, мы догадывались, что недалеко

Сонъ начиналъ одолѣвать, а холодъ продолжалъ пробирать и, несмотря на запретъ, мы повытаскивали кто бурку, какъ пальто. Нѣкоторые улеглись вздремнуть.

Такъ мы простояли до разсвѣта. По ту сторону рѣки показалась гвардейская пѣхота; она несла фашины, направляясь также къ Горному Дубняку, а егеря шли подъ Телишъ.

Пропустивъ пѣхоту, мы переправились въ бродъ черезъ рѣку и пошли къ Софійскому шоссе, въ промежутокъ между Телишемъ и Горнымъ Дубнякомъ.

День 12 Октября былъ днемъ крещенія гвардіи, покрывшей себя за эту кампанію новой боевой славой.

Справа раздался выстрѣлъ, послышалось шипѣніе гранаты, и вотъ она легла и разорвалась неподалеку отъ полка. Мы посмотрѣли вправо, ничего не видать, а тутъ ужъ слѣва послышался другой выстрѣлъ и тоже граната легла около насъ. Оказалось, что мы попали подъ перекрестный огонь Телиша и Горнаго Дубняка, укрѣпленія которыхъ еле обрисовывались на горизонтѣ.

Гранаты ложились то справа, то слѣва, и намъ приходилось подвигаться къ шоссе, маневрируя по разнымъ направленіямъ, чтобы не дать Туркамъ пристрѣляться. Эти команды были учреждены въ каждомъ эскадронѣ незадолго передъ кампаніей. Собственно говоря, это была

таже цѣпь разъѣздовъ, только подъ другимъ названіемъ. Мы шли въ взводныхъ колонахъ, имѣя впереди наѣздниковъ, которымъ удалось тотчасъ же перервать телеграфную линію, соединявшую Горный Дубнякъ съ Телишемъ. Ротмистръ Н. Н. Баструевъ въ это время читалъ письмо, полученное отъ жены, и не замѣчалъ, какъ его лошадь безъ повода бродила по всѣмъ эскадронамъ, пока одна изъ гранатъ не разорвалась тутъ же у самыхъ ея ногъ, вернувъ сѣдока къ дѣйствительности. Очнувшись, онъ посмотрѣлъ кругомъ и смѣясь сказалъ: «я теперь напишу женѣ, что читалъ ея письмо подъ гранатами». Послышалась канонада съ нашей стороны, и Туркамъ пришлось свои орудія направить по нашимъ батареямъ, выѣхавшимъ на позицію и по нашей пѣхотѣ, залегшей уже впереди орудій, завязавъ кое-гдѣ перестрѣлку. Телишъ тоже оставилъ насъ въ покоѣ: тамъ наступали егеря и лейбъ-гусары. Мы перешли шоссе и стали на возвышенности передъ Горнымъ Дубнякомъ тыломъ къ Телишу, чтобы не допустить какого бы то ни было сообщенія между ними. Орудія гремѣли и тамъ и тутъ, ружейная трескотня разгоралась по всей линіи; пѣхота переходила въ наступленіе и, перебѣгая отъ закрытія къ закрытію, приближалась къ Турецкимъ ложементамъ. Горный Дубнякъ стоялъ передъ нами, какъ на ладонкѣ, окутанный дымомъ, а на нѣкоторомъ разстояніи кольцемъ охватывали его наши ружейные дымки; кое-гдѣ слышалось ура.

Но вотъ началось общее наступленіе: пѣхота пошла горячо, и намъ было видно, какъ рѣдѣла ихъ цѣпь. Въ нашу сторону потянулись вереницы раненыхъ, пробираясь къ перевязочнымъ пунктамъ, расположеннымъ сзади насъ вдоль шоссе. Кто самъ шелъ опираясь на ружье, кого вели товарищи, полегче раненые, а кого несли; стоновъ не было слышно: крѣпились. Санитары съ носилками сновали тамъ и сямъ.

Этотъ первый натискъ, по нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, былъ отбитъ, и пѣхота залегла за закрытіями, продолжая перестрѣлку въ ожиданіи второй атаки, а батареи наши загремѣли съ новой силой. Пули, перелетая, ложились между нами; мы стояли держа лошадей въ поводу, расходиться было не приказано; многіе слѣдили въ бинокль за ходомъ сраженія, а большинство дремало и сидя—и лежа. Изрѣдка, чтобы очнулись, кричали: «къ конямъ!» Дремавшіе вскакивали, протирали глаза и лѣзли на лошадей, воображая, что сейчасъ будетъ наступленіе; но ихъ успокаивали, и снова они принимались за прежнее.

У Телиша тоже гудѣли орудія, слышалась ружейная трескотня, и посылаемые разъѣзды вернувшись доносили, что тамъ не лучше нашего и вскорѣ потребовали подкрѣпленія для прикрытія отступавшихъ егерей. Нашъ полкъ тронулся на рысяхъ по направленію къ Телишу,

но съ дороги насъ вернули обратно къ Горному Дубняку. Такъ мы простояли до сумерокъ. Не разъ наша пѣхота ходила въ атаку, цѣлый день то тамъ, то тутъ слышалось ура, но каждый разъ страшный огонь Турокъ останавливалъ ее.

Все поле было усѣяно убитыми и ранеными. Темнѣло. Горный Дубнякъ держался. Ужъ не видно было дыма, а полымя изъ орудій освѣщало редуты и поле съ массой мелькавшихъ ружейныхъ огоньковъ. Совсѣмъ уже въ темнотѣ раздалось дружное ура. «Опять атакуютъ», сказалъ кто-то. «Какъ бы до завтра не пришлось отложить», замѣтилъ другой. «Не подошли ли подкрѣпленія изъ Плевны?» догадывались третьи.

Орудія смолкли, и надъ Горнымъ Дубнякомъ показалось зарево: это наша пѣхота подожгла Турецкіе шалаши. Еще разъ дружное ура раздалось въ укрѣпленіи, переходя въ какой-то гулъ, и ружейная стрѣльба стала мало по малу стихать. Зарево росло. Ружейные огоньки мелькали уже только въ укрѣпленіи, но и тѣ начинали рѣдѣть. Горный Дубнякъ былъ взятъ, и Абдулъ-Евли-паша сдался съ остатками своего гарнизона. Зарево отъ пожара стало потухать, смѣняясь бивуачными огнями. Усталая пѣхота хлопотала около костровъ въ ожиданіи отдыха. Всѣ были довольны. Только отъ Телиша приходили неутѣшительныя извѣстія. Разсказывали, что егеря потеряли много товарищей убитыми и ранеными и что гусары, прикрывая ихъ отступленіе, многихъ раненыхъ вывозили изъ подъ Турецкихъ укрѣпленій.

Мы выставили посты противъ Телиша. Кругомъ все затихло. Вдругъ въ Горномъ Дубнякѣ послышалась снова ружейная трескотня; мы недоумѣвали, поскакали узнать, уже не подкрѣпленіе ли изъ Плевны пришло. Стрѣльба прекратилась, и посланные вернувшись сказали, что это случайно въ темнотѣ развели костеръ на кучѣ патроновъ, брошенныхъ Турками, которые, конечно, нагрѣвшись стали лопаться. Все окончилось благополучно, несчастій съ людьми не было.

Мнѣ въ эту ночь пришлось стоять на крайнемъ посту праваго фланга, надъ оврагомъ. Ночь была лунная, и я, не желая, чтобы мой часовой былъ виденъ далеко, поставилъ пѣшаго; но объѣзжавшее начальство замѣтило мнѣ, что по уставу полагается конный часовой. Я отвѣтилъ, что примѣнился къ случаю; но начальство сказало, что мой постъ очень важный, что оврагомъ могутъ пройти Турки и чтобы я имѣлъ за нимъ неусыпное наблюденіе, а коннаго часоваго все таки поставилъ бы.

Конечно сейчасъ же былъ выставленъ на пригоркѣ конный часовой съ пикой, и я, будучи увѣренъ, что Турки, увидя такой монументъ, конечно не пойдутъ на насъ, приказалъ размунштучить лошадей и водить по очереди ихъ на водопой, въ оврагъ къ ручью. Достали сѣна и задали конямъ корму. Кругомъ все замолкло. Я, закутавшись въ бурку, легъ, и люди тоже прикурнули.

Ночь прошла совершенно тихо; да, кажется, не было случая, чтобы Турки ночью предпринимали что нибудь. Я уже не зналъ, чему это приписать: или они темноты боялись, или спать любили, или просто считали, что довольно и дня для войны.

На разсвѣтѣ насъ смѣнили, и мы, отойдя въ главный караулъ, застали полковника Адамовича, распоряжавшагося у костра чаемъ. «Не хотите ли чайку?» Я съ удовольствіемъ принялъ предложеніе.

Утренній морозъ пробиралъ порядкомъ. Меня разбудили, когда пріѣхалъ генералъ Гурко и приказалъ нашему дивизіону идти съ нимъ на рекогносцировку Телиша. Рекогносцировка была пустая. Мы наступали развернутымъ фронтомъ, имѣя впереди наѣздниковъ, завязавшихъ перестрѣлку съ Черкесами. Ген. Гурко осматривалъ внимательно Телишскія укрѣпленія въ бинокль, а намъ приказалъ спѣшиться. Осмотрѣвъ позиціи, ген. Гурко отошелъ назадъ и поѣхалъ въ свой штабъ, а мы отошли къ деревнямъ Чирикову и Свинарю, расположившись въ дубовой рощѣ на бивуакъ. Развели костеръ и уже собрались стярпать, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ со стороны Телиша, другой, третій. Всѣ зашевелились. «Сѣдлай!» раздалась команда. Нашъ эскадронъ, быстро посѣдлавъ, выѣхалъ на рысяхъ изъ опушки рощи къ Софійскому шоссе, гдѣ уже стоялъ командиръ полка, недоумѣвая, откуда доносятся выстрѣлы. «Куда вы скачете, ротм. Баструевъ?» закричалъ онъ, «развѣ вашъ эскадронъ дежурный?» Ротм. Баструевъ, остановивъ насъ и подъѣхавъ къ ген. Эттеру, сказалъ по французски: «стрѣляютъ, я посѣдлалъ раньше и выѣхалъ». «Во фронтѣ не говорятъ по французски, а по русски» замѣтилъ ген. Эттеръ, «ступайте назадъ». Мы пошли обратно въ рощу, откуда выходилъ въ это время дежурный эскадронъ. Стрѣльба прекратилась; оказалось, это казаки, завидя на рѣкѣ гусей, устроили на нихъ охоту и вѣроятно уже облизывались на будущее жаркое, не подозрѣвая, какую они произвели тревогу.

III. Телишъ.

Накануне взятія Телиша ночью нашъ 1-ый дивизіонъ сталъ на аванпостахъ. Посты разставили по опушкѣ кукурузнаго поля. Ночь была тихая и темная. Сидя на землѣ, покуривалъ я трубку, разгова-

ривая съ солдатиками, надо было отогнать сонъ, но сонъ одолѣвалъ; нѣтъ, нѣтъ, кто нибудь да задремлетъ. Незамѣтно легъ и я въ бороздку и, подставивъ подъ голову руку, задремалъ. Рука затекла, заломило въ кисти; я проснулся, посмотрѣлъ по сторонамъ, люди спятъ. Разбудилъ, поговорилъ съ часовымъ и опять прилегъ, разговаривая и покуривая. Надъ дремавшими подсмѣивались, но глаза сами собой смыкались, а въ особенности къ разсвѣту.

Ночь прошла спокойно, начинало разсвѣтать, наступило 16-ое Октября. Передъ нами открылось ровное поле съ Телишскими укрѣпленіями, передъ которыми стояла сторожевая цѣпь Черкесовъ, разъѣзжавшихъ изъ стороны въ сторону на разномастныхъ лошадяхъ. Слышался лай собакъ, которыхъ, какъ говорили, Черкесы брали съ собой на посты. Игралъ Турецкій рожокъ. Черкесы отъ нечего дѣлать пустили по насъ нѣсколько пуль; я не велѣлъ отвѣчать, чтобы не возбудить безполезной перестрѣлки, и Черкесы успокоились. Заиграли Турецкіе рожки въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и вмигъ Телишскія укрѣпленія покрылись красными фесками. Турки, выскочивъ на брустверъ, что-то кричали, махая руками. Мы подумали, что это призывъ къ утренней молитвѣ. Фески скрылись, и все успокоилось; но немного погодя опять заиграли рожки, и опять Турки высыпали на брустверъ. Мы не могли понять, что съ ними случилось. «Что это они дѣлаютъ?» спрашивали уланы, «молятся что ли своему Аллаху?» Турки скрылись и показался дымокъ, а вслѣдъ затѣмъ грянуло орудіе. «Что за чортъ! Неужели они по нашей цѣпи изъ пушекъ хотятъ стрѣлять, вотъ дураки-то», сказалъ кто-то. Черкесы тоже стали изрѣдка постреливать. За первымъ орудіемъ грянуло второе, и пошла писать. Гранаты рвало въ самой цѣпи и около; въ одной изъ нихъ оторвало руку рядовому 2-го эскадрона Петрунову *).

Наша цѣпь молчала. Приказано было всею цѣпью отступать къ главному караулу. Отступая мы поднимались на возвышенность, гдѣ за гребнемъ увидали приближавшуюся нашу пѣхоту съ артиллеріей; тогда мы поняли безпокойство Турокъ, замѣтившихъ съ укрѣпленія наши войска, раньше чѣмъ увидали ихъ мы; по нимъ-то они и открыли огонь изъ орудій, а попадали въ насъ.

Не успѣли мы дойти до главнаго караула, какъ намъ опять приказали идти назадъ и стоять, пока наша пѣхота пройдетъ впередъ сквозь нашу цѣпь.

*) По окончаніи похода Петруновъ поступилъ швейцаромъ въ полковой клубъ.

Мы вернулись и не успѣли еще занять прежнія мѣста, какъ пѣхота прошла нашу цѣпь, и мы отступили въ главный караулъ.

Отсюда мы пошли на лѣвый флангъ нашего расположенія. Первый эскадронъ пошелъ въ прикрытіе нашей батареи, обстрѣливавшей Телишъ, а нашъ эскадронъ въ прикрытіе батареѣ, дѣйствовавшей по Софійскому шоссе, тыломъ къ Телишу, по наступавшимъ отъ дер. Радомірцы Турецкимъ подкрѣпленіямъ. Наше вниманіе невольно привлекла картина бомбардировки Телиша, слышенъ былъ только громъ орудій; говорятъ, въ этой бомбардировкѣ участвовало 90 нашихъ орудій. Турки отвѣчали настойчиво, хотя орудій у нихъ было мало.

Бомбардировка смолкла, послали въ Телишъ предложить сдаться. Турки отказались. Тогда огонь снова возобновился и превратился въ одинъ сплошной ревъ. Со всѣхъ сторонъ наши орудія обстрѣливали Телишъ: батареи наши, окутанныя дымомъ, не скупились на снаряды. Пѣхота наша не шла въ атаку, давая полную волю артиллеріи, которая то залпами батарей, то отдѣльными выстрѣлами, то залпами шрапнелей поражала Турокъ.

Телишъ стоялъ въ дыму; намъ ясно было видно, какъ рвались наши гранаты въ центрѣ укрѣпленій и на брустверахъ, а въ тоже время взвивались надъ укрѣпленіями дымовыя яблочки: это были наши шрапнели, осыпавшіе Турокъ массой пуль сверху

Но вотъ Турки не выдержали, и въ дыму показался бѣлый флагъ. Орудія смолкли, и радостное ура всѣхъ войскъ огласило равнину. Намъ приказано было присоединиться къ 1-му эскадрону. Мы пошли, но услыхавъ слѣва выстрѣлы, повернули на нихъ. Идя безъ дороги на выстрѣлы, мы наткнулись на глубокій обрывистый оврагъ, поросшій колючимъ кустарникомъ; но тропинка была найдена, и мы быстро взобрались на противуположную сторону оврага. Тутъ кто-то намъ попался и сказалъ, что это наши атаковали Турокъ и отступаютъ. Послышались какіе-то залпы. «Рысью маршъ», скомандовалъ ротм. Баструевъ. Быстро миновавъ кусты, выѣхали мы на поляну, на которой увидали отступающіе и отстрѣливающіеся два нашихъ эскадрона 3-й и 4-й; за ними виднѣлись Черкесы, а дальше изъ кустовъ Турецкая пѣхота поражала ихъ перекрестными залпами. Мимо насъ проскакалъ на Черкесской лошади съ разорваннымъ мундиромъ шт.-ротм. Сулима. Его лошадь была убита. Сзади его на крупѣ сидѣлъ солдатикъ, тоже оставшійся безъ лошади. Нѣкоторые тутъ валились пораженные пулями.

Мы сразу попали подъ перекрестный огонь непріятельской пѣхоты; пули свистали на разные голоса, слышались крики: «Къ пѣшему строю

слѣзай!», раздалась откуда-то команда. Ротм. Баструевъ не принялъ этой команды, а развернувъ эскадронъ, скомандовалъ: «сабли вонъ! рысью маршъ!» На правомъ флангѣ произошло замѣшательство: нѣсколько лошадей попадало. «Что̀ такое?»—«Проволока, лошади запутались», отвѣтилъ старый вахмистръ Ѳедоръ Мартиновичъ; оказалось потомъ, что это было дѣло Турокъ. Немедленно же лошади были распутаны, и мы опять шли впередъ, но Черкесы этимъ временемъ воспользовались и удрали.

«Спросите, душа моя, у ген. Эттера, прикажетъ ли онъ атаковать?» сказалъ мнѣ ротм. Баструевъ. Я не успѣлъ подъѣхать къ ген. Эттеру, какъ ротм. Баструевъ былъ уже рядомъ со мной и спрашивалъ самъ: «позвольте атаковать?» «Это башибузуки, не стоитъ», отвѣчалъ Эттеръ *по французски*. Рот. Баструевъ вспомнилъ слова ген. Эттера на опушкѣ Свинарской рощи и, приложивъ руку къ козырьку, сказалъ: Мы, ваше превосходительство, квиты», догналъ эскадронъ и повернулъ назадъ. Турки, видя появленіе свѣжей части, сверкнувшія на солнцѣ сабли, быстро отступили къ караулкѣ на шоссе. Въ догонку имъ наша батарея посылала гранаты. Мы перешли шоссе вправо и стали развернутымъ фронтомъ къ Телишу, выславъ наѣздниковъ, завязавшихъ перестрѣлку съ авангардомъ подкрѣпленій, шедшихъ къ Телишу отъ дер. Радомірцы. У Телиша раздалось ура; наши войска привѣтствовали выходившій изъ укрѣпленій Турецкій гарнизонъ, не дождавшійся своихъ подкрѣпленій, которыхъ мы не допускали къ нимъ. Отъ нашихъ наѣздниковъ прискакалъ посланный съ донесеніемъ, что Турки наступаютъ, необходимо подкрѣпленіе. «Ротмистръ Баструевъ, пошлите взводъ», приказалъ ген. Эттеръ. «Первый взводъ!» сказалъ Баструевъ. «Сабли вонъ, рысью маршъ!» скомандовалъ я и двинулся на пригорокъ, изъ за котораго къ намъ летѣли пули; одна уже свалила кого-то въ третьемъ эскадронѣ, его тотчасъ же на пикахъ отнесли назадъ. «Стойте, куда вы скачете», кричалъ догоняя меня ротм. Баструевъ. Я остановилъ взводъ. «Вѣдь приказали атаковать» говорю ротм. Баструеву. «Поѣзжайте къ ген. Эттеру, спросите что̀ вамъ дѣлать.» Подъѣзжаю къ ген. Эттеру, «что прикажите дѣлать?» спрашиваю. Генералъ молчитъ и ѣдетъ дальше, я за нимъ, повторяю вопросъ. «Ступайте на мѣсто!» приказалъ онъ. Я поставилъ взводъ на мѣсто. Нѣсколько минутъ спустя, второй посланный прискакалъ съ новой просьбой подкрѣпленія.

Стрѣльба участилась. «Ротмистръ Баструевъ, пошлите полуэскадронъ переколоть этихъ дураковъ тамъ!» сказалъ генералъ Эттеръ. «Второй полуэскадронъ!» приказалъ ротм. Баструевъ. «Сабли вонъ, рысью

маршъ!» скомандовалъ поручикъ Гордѣевъ и взъѣхалъ на рысяхъ на пригорокъ. «Маршъ! маршъ!» послышалась его команда съ пригорка, и полуэскадронъ исчезъ. «Маршъ, маршъ!» подхватилъ еще кто-то тамъ. Ротм. Баструевъ провожалъ ихъ и, увидѣвъ съ пригорка, что полуэскадрона мало, повелъ нашъ полуэскадронъ рысью, но у пригорка ген. Эттеръ остановилъ насъ. «Остановитесь, ротмистръ Баструевъ, куда вы идете», сказалъ онъ. Ротм. Баструевъ, остановивъ насъ, одинъ поѣхалъ слѣдить за ходомъ атаки, чтобы въ случаѣ необходимости подкрѣпить нашихъ. Намъ съ корнетомъ Гертикомъ тоже захотѣлось посмотрѣть, что тамъ творится, и мы въѣхали на возвышенность. Турокъ гнали по всѣмъ направленiямъ. Ротм. Баструевъ наблюдалъ, а къ нему въ это время бѣжали два Турка съ ружьями. Онъ совершенно хладнокровно кричалъ имъ: «брось ружья, брось ружья, подлецы»; но Турки, не понимали его, ружей не бросали, продолжая приближаться. Мы подъѣхали къ ротм. Баструеву, который, не замѣчая насъ, продолжалъ кричать Туркамъ, чтобы они бросили ружья и когда они уже стояли около него, онъ досталъ револьверъ и, показывая его Туркамъ, кричалъ: «я въ васъ буду стрѣлять! брось ружья!» Мы не выдержали и расхохотались. Тогда онъ обернулся и, увидавъ насъ, сказалъ: «Какiе болваны! Я имъ говорю брось ружья, а они не слушаются, душа моя». Турки въ это время кланялись и повторяли «аминъ, аманъ»; у одного зiяла глубокая сабельная рана на затылкѣ.

Конечно эти Турки были взяты въ плѣнъ. Передъ нами расстилалось поле, покрытое собраннымъ въ копны ячменемъ, представляя для Турокъ удобство закрытiй; они, разбившись на кучки, то изъ за одной, то изъ за другой копны посылали въ насъ пули. Наши должны были каждую кучку атаковать отдѣльно; происходило что-то похожее на игру въ прятки.

Вскорѣ нашъ полуэскадронъ послали поддержать своихъ; мы тоже начали гоняться кругомъ копенъ за Турками. Навстрѣчу намъ шелъ рядовой Шаповаловъ, ведя въ поводу свою лошадь съ сидящимъ на ней корнетомъ Жандромъ, у котораго, какъ оказалось въ первый же моментъ атаки, лошадь наскакала на штыки Турокъ и повалилась, придавивъ собой корнета Жандра. Турокъ ударилъ Жандра штыкомъ, но штыкъ, скользнувъ по портсигару, ранилъ его въ животъ, а когда Турокъ вторично занесъ надъ нимъ штыкъ, то подоспѣвшiй Шаповаловъ разрубилъ ему саблей черепъ, а штыкъ Турка скользнулъ надъ бровью Жандра, оцарапавъ ему лобъ.

Немного погодя, мы увидали поручика Гордѣева; онъ несъ сѣдло и плакалъ говоря: «убили подлецы моего скакуна; насквозь прострѣлили», добавилъ онъ, показывая сѣдло.

Нѣкоторые Турки прятались въ копны; другіе, представляясь мертвыми, стрѣляли въ затылокъ проѣзжавшему всаднику.

Мы добрались и до этихъ невидимыхъ стрѣлковъ, ощупывая каждую копну пиками. Тогда уже волей-неволей таинственный стрѣлокъ подавалъ голосъ и кубаремъ вылеталъ изъ копны. Наконецъ, кого могли всѣхъ уничтожили, и стрѣльба прекратилась.

Послышался сигналъ «апель» со стороны полка. Подобрали мы своихъ убитыхъ и мѣшки съ какими-то сапогами и недоуздками, которые растеряли Турки, и двинулись къ полку. Кто верхомъ, кто ведя лошадь въ поводу, собирались уланы со всѣхъ сторонъ.

Мы съ Гертикомъ ѣхали вдоль бороздки поросшей высокой травой; въ одномъ мѣстѣ сверху травы была накинута солома. Проѣзжая мы не обратили на это вниманіе, а когда проѣхали, услыхали сзади, что что-то зашуршало, обернулись и видимъ изъ-подъ соломы выползалъ съ ружьемъ Турокъ и цѣлился въ насъ, но сію же минуту ѣхавшій нѣсколько позади насъ уланъ, котораго Турокъ не замѣтилъ, приткнулъ его пикой къ землѣ. Турокъ въ конвульсіяхъ, цѣпляясь руками за пику, которую уланъ тащилъ уже назадъ, оборвалъ какъ-то флачекъ. «Ишь, поганецъ, флачекъ даже оборвалъ», сказалъ онъ съ неудовольствіемъ и, ткнувъ его еще разъ пикой, поѣхалъ дальше. Смотримъ, по шоссе отъ Телиша ѣдетъ рысью нашъ унтеръ-офицеръ и, подгоняя нагайкой ведетъ на этишкетѣ, накинутомъ на шею, Турка. «Взялъ въ плѣнъ Турку!» докладываетъ онъ подъѣхавши. Оказалось, офицеръ. Вскорѣ весь полкъ собрался. Черкесы еще толпились у караулки на шоссе, но нѣсколько гранатъ, пущенныхъ по нимъ заставили ихъ отступить; нѣсколько Турокъ сами сдались въ плѣнъ, видя что дѣваться имъ некуда, и мы всю эту маленькую компанію плѣнныхъ немедленно отправили въ штабъ отряда.

Турки отступили къ деревнѣ Радомірцамъ.

Смеркалось, когда мы отошли съ шоссе къ д. Овчей Могилѣ, окруженной буковымъ лѣсомъ, гдѣ на полянкѣ стали бивуакомъ.

Пріѣхалъ бригадный командиръ ген. Клодъ, благодарилъ ген. Эттера и, обратясь къ полку, благодарилъ всѣхъ, сказавъ: «Вы отстояли сегодня одни весь лѣвый флангъ и разбили Турецкія подкрѣпленія Шервета-паши». Ген. Эттеръ былъ очень доволенъ и тоже благодарилъ полкъ.

Откуда-то появился кувшинчикъ Болгарскаго вина, и ген. Клодъ съ ген. Эттеромъ выпили по стакану за здоровье полка. Слова и тосты все время покрывались восторженными криками «ура». Офицеры

качали Эттера и Клода. Но вотъ на Болгарской «каруцѣ» привезли нѣсколько убитыхъ въ атакѣ улапъ. Ура стихло, и весь полкъ собрался кругомъ покойниковъ; ихъ положили въ наскоро сколоченные гроба, и нашъ полковой священникъ, протоіерей Смѣловъ, началъ служить панихиду. Довольно стройно въ темнотѣ раздавалось «со святыми упокой» хоръ пѣвчихъ, составленнаго изъ желающихъ. Всѣ тихо молились, кой у кого теплились свѣчи, кругомъ все было тихо, даже лошади присмирѣли, освѣщаемыя огнемъ костровъ.

Пропѣли вѣчную память, и гроба, перенесенные товарищами, были опущены въ приготовленную уже могилу, при залпахъ изъ карабиновъ. Каждый бросилъ горсть земли. Насыпали холмикъ и поставили крестъ. Всѣ крестясь, молча разошлись по бивуаку, сознавая величіе минуты, и я думаю у каждаго была мысль: «а завтра и меня могутъ также зарыть».

Но, когда дошли до палатокъ, настроеніе мало-по-малу разсѣялось; начались разсказы и воспоминанія минувшаго дня. «Гдѣ рот. Сафоновъ»? спрашивали.—«Раненъ въ ногу пулей навылетъ».—«А какова штука съ корн. Ухинымъ, слышали?»—«Что такое?»—«Поцѣловался съ пулей».—«Какъ такъ поцѣловался?» недоумѣвали.—«Да очень просто, пуля только ободрала верхнюю губу чуть-чуть». Корнетъ Ухинъ оставался въ строю; рана хотя была легкою, но безъ лихорадки, безъ которой, какъ намъ говорили доктора, не обходится ни одна рана, не обошлось. «А должно быть шт. ротм. Ефимовичу жарко было бѣжать въ мѣховомъ мундирѣ?» смѣялся кто-то.—«Куда бѣжать?»—«Да отъ Черкесовъ; лошадь убили подъ нимъ во время атаки, а эскадронъ ужъ отступалъ, онъ и догонялъ его, пока кто-то изъ рядовыхъ подалъ ему лошадь». Въ другомъ углу кто-то увѣрялъ, что ген. Эттеръ разрубилъ пополамъ Турку и что самъ повелъ 4-й эскадронъ въ атаку.

Рядовой Шаповаловъ былъ героемъ дня въ эскадронѣ, ему уже сулили Георгіевскій крестъ за спасеніе своего офицера.

«Куда такой-то дѣвался»? спрашивали солдатики третьяго эскадрона, безпокоясь о пропавшемъ товарищѣ; но никто не зналъ и не видалъ его послѣ атаки; черезъ нѣсколько дней голову этого солдата нашли у караулки, повѣшенную на дерево. Замѣчательно, что при выступленіи полка изъ Петергофа, когда послѣ молебна по командѣ полкового командира полкъ повернулся, чтобы идти, у этого солдата свалилась фуражка на дорогу, а какая-то тутъ же въ толпѣ стоявшая старушка сказала: «быть тебѣ безъ головы». Тогда конечно этимъ словамъ значенія не придали, а теперь поневолѣ ихъ вспомнили.

Раненыхъ людей и лошадей оказалось порядочно, убитыхъ было меньше. Почти всѣ ранены были опасно, нѣкоторые даже смертельно. Это сообщилъ намъ Николай Матвѣевичъ Парамоновъ, нашъ старинный полковой «классный лекарь» по прозванію «Матьясъ», милѣйшій человѣкъ; офицеры ужасно его любили и обращались помимо доктора къ нему за всякимъ пустякомъ, а также и въ важныхъ случаяхъ. Этотъ разъ ему пришлось даже лошадей перевязывать.

Не смотря на позднее время, бивуакъ былъ оживленъ: появилось Болгарское винцо, провозглашали тосты, ходили отъ палатки къ палаткѣ, чтобы подѣлиться впечатлѣніями дня, впервые пережитыми. Про Петрунова разсказывали, что онъ, съ раздробленной рукой, не желалъ обратиться на чужой перевязочный пунктъ и отыскивалъ свой, пріѣхавъ верхомъ.

Утромъ мы пошли побродить по окрестностямъ и, проходя деревней, брошенной жителями, вдругъ видимъ идетъ Турецкій солдатъ «низамъ» въ полной боевой амуниціи съ ружьемъ на плечѣ. Мы остановились. Что такое, среди Русскаго лагеря шагаетъ «низамъ» какъ дома. Этотъ низамъ между тѣмъ совершенно спокойно шелъ къ намъ навстрѣчу. Мы его остановили, взяли ружье и отвели къ полковому командиру. Онъ объяснилъ свое появленіе, сказавъ, что отсталъ и идетъ къ своимъ войскамъ. Его отправили плѣннымъ въ Горный Дубнякъ, гдѣ былъ штабъ генерала Гурко. Не могу не вспомнить комичной сцены, происшедшей на этомъ бивуакѣ. Я съ Подшиваловымъ, нашимъ ветеринарнымъ врачомъ, сидѣлъ подъ деревомъ на травѣ и торговалъ у него боченокъ, который мнѣ очень нравился и который я только подъ Константинополемъ получилъ отъ него. Слышимъ крикъ, оборачиваемся, что же мы видимъ? Бѣжитъ, еле касаясь земли, курица и оретъ, за ней несется, стараясь схватить ее на лету, денщикъ, а за денщикомъ и самъ Б—овъ бѣжитъ съ палкой, ругательски ругаясь. Вся эта вереница несется по лагерю, производя неистовый шумъ и возбуждая всеобщій смѣхъ. Дѣйствующія лица не замѣчаютъ эффекта, который они произвели на окружающихъ, потому что курица спасается отъ ножа денщика, а денщикъ отъ палки Б—ва, дѣйствовавшаго такъ энергично, чтобы не лишиться супа изъ курицы и курицы изъ супа. Наконецъ, къ общей радости курица поймана, Б—овъ радуется и, замѣтивъ общій хохотъ, самъ начинаетъ хохотать надъ своимъ увлеченіемъ.

Меня Телишъ наградилъ матрацомъ, который я взялъ изъ палатки какого-то паши. Матрацъ былъ не лишній, на немъ было помягче спать,

чѣмъ на голой землѣ. Онъ мнѣ служилъ весь походъ, слѣдуя повсюду со мной на вьюкѣ. По занятіи Телиша много говорили про тѣ звѣрства, которыя Турки произвели надъ егерями. Разсказывали даже, что нашли въ укрѣпленіи офицеровъ, у которыхъ на животахъ Турки разводили костры. Теперь всѣхъ хоронили. Какая-то международная коммиссія составила протоколы объ этихъ безчинствахъ Турокъ *).

IV. Бивуакъ.—Магалета.—Экспедиція къ гор. Рахову.—Царскій объѣздъ Плевенскихъ позицій.

Съ паденіемъ Горнаго Дубняка и Телиша, двухъ передаточныхъ пунктовъ Софійскаго шоссе, Османъ-паша со всѣмъ гарнизономъ лишился подвоза провіанта и подхода подкрѣпленій, а мы съ занятіемъ этихъ пунктовъ замыкали кольцо обложенія Плевны, предоставляя осаднымъ батареямъ и времени докончить паденіе ея.

Оставался еще Дольній Дубнякъ, занятый Турками; но онъ, такъ же какъ и Плевна, былъ замкнутъ и долженъ былъ пасть самъ собой. Теперь всѣ войска приводились въ порядокъ, подсчитывали убыль, писали реляціи, пополняли патроны и снаряды и вообще отдыхали и оправлялись.

Черезъ нѣсколько дней меня послали за приказаніемъ въ Горный Дубнякъ, откуда приказано завезти приказанія въ дер. Свинарь, гдѣ расположенъ былъ штабъ нашей дивизіи. Со мной попутчикомъ поѣхалъ врачъ Ивановъ, да мой вѣстовой.

Мы выѣхали на шоссе у Телиша, гдѣ еще хоронили егерей и насыпали могилы.

Уже смеркалось и накрапывалъ дождикъ, когда мы въѣхали въ укрѣпленіе Горнаго Дубняка. Я пошелъ въ штабъ, гдѣ встрѣтилъ ординарца генерала Гурко, нашего ротмистра Г. А. Скалона. Приходилось дожидаться приказаній, и ротм. Скалонъ предложилъ мнѣ стаканъ чаю съ ромомъ. Тучи заволокли небо и настала полная темнота; дороги въ дер. Свинарь я не зналъ, а потому просилъ распорядиться дать мнѣ проводника. Нарядили Донского казака. «Знаешь дорогу въ Свинарь?» спрашиваю.—«Знаю», отвѣчаетъ.—«Не собьемся?»—«Никакъ нѣтъ».—«Ну поѣдемъ». Получивъ приказаніе и поблагодаривъ ротм. Скалона, мы отправились въ путь. Дождь льетъ, темень непроглядная, дорога размокаетъ, покрывается лужами. По сторонамъ виднѣются бивуачные огни и кое-гдѣ зарево; это отъ большихъ бивуаковъ.

*) В. В. Верещагинъ изобразилъ это дѣло егерей въ картинѣ „Побѣдители и побѣжденные“.

Казакъ ѣдетъ впереди, вглядываясь въ дорогу. «Смотри, братъ, не сбейся», говорю ему.—«Не собьемся», отвѣчаетъ. На дорогѣ попался колодецъ, «вотъ онъ колодецъ», говоритъ казакъ: «тутъ надо свернуть». Свернули, ѣдемъ дальше, а дождь все поливаетъ. Только смотрю, немного проѣхавъ, казакъ начинаетъ озираться, «ну думаю, готово—сбились». «Что̀ сбились?» спрашиваю его.—«Да вотъ отъ этого колодца, что̀ проѣхали, свертокъ, да этотъ не тотъ», отозвался онъ, нагибаясь, чтобы разсмотрѣть слѣдъ. Остановились. «Куда же теперь ѣхать? говорю. «Надо вернуться къ колодцу и оттуда искать дорогу». «Какъ же ты говорилъ, что знаешь дорогу?»—«Да я тутъ только проѣзжалъ днемъ, а теперь запамятовалъ», отвѣчалъ казакъ. Вернулись къ колодцу, нашли дорогу, поѣхали. «Ну смотри, не заблудись опять», говорю.—«Ну, теперь доѣдемъ».

Дождикъ промочилъ насъ насквозь, лилъ за шиворотъ, чувствовалась легкая усталость, лошади шлепали по разбрюзглой землѣ. Вдали мелькнули огоньки. «Вонъ онъ Свинарь», заявилъ казакъ. Ѣдемъ ближе—деревня; подъѣзжаемъ, какой-то плетень: что-то непохоже на Свинарь. Остановились, осмотрѣлись, насколько позволяла темнота. «Нѣтъ, не Свинарь», рѣшили мы. «Вы постойте тутъ, а я проѣду потихоньку въ деревню, посмотрю чья», сказалъ казакъ, и тихо сталъ пробираться въ улицу, скрывшись за угломъ избы. Не прошло и минуты, смотримъ, скачетъ назадъ и подскакавъ говоритъ шопотомъ: «Турки, надо скорѣе ѣхать назадъ». Мы рысью покатили назадъ. «Откудова Турки?» спрашиваю его.—«Я въ окошко избы взглянулъ, а тамъ Турецкіе солдаты сидятъ; я скорѣе назадъ, они меня не видали», тихо разсказывалъ онъ.—«Какая же это деревня?» допытывались мы и рѣшили, что должно быть Дольній Дубнякъ. «Надо опять искать колодецъ», говоритъ Донецъ. Сколько мы ни искали колодца, а найти его намъ не удалось.

Дождь не переставалъ, мы окончательно промокли, пробирала дрожь. Остановились среди темноты, не зная, куда теперь направить свои стопы. Кругомъ виднѣлись огни костровъ, указывавшіе мѣсто биваковъ, но которые наши, которые Турецкіе—мы не знали; даже не знали, кто въ какой сторонѣ. Окончательно сбились. Стояли, оглядываясь по сторонамъ и стараясь угадать, въ какой сторонѣ хоть приблизительно должны были быть наши. Нѣсколько разъ пробовали ѣхать на эти огни, но въ темнотѣ огни казались очень близко, а на самомъ дѣлѣ разстояніе было порядочное, и послѣ каждой попытки достичь огней мы останавливались; а огни, казалось, какъ бы уходили отъ насъ на прежнее разстояніе. Нѣсколько разъ казакъ одинъ про-

бовалъ доѣхать до костровъ, но не доѣхавъ возвращался назадъ, говоря: «Далеча», или «это, кажется, не наши». Долго мы блудили, не находя дороги и направленія, пока не замѣтили мелькающіе огоньки, казавшіеся ближе остальныхъ и какъ бы въ лѣсу. Рѣшили, чьи бы эти огни ни были, а доѣхать до нихъ. Сначала эти огни тоже какъ бы бѣжали отъ насъ, но мы ихъ настойчиво преслѣдовали и, наконецъ, подъѣхали къ опушкѣ лѣса. Теперь мы ясно видѣли костры въ чащѣ лѣса и бродившія около нихъ тѣни. Тихонько между деревьями пробирались мы къ кострамъ, прислушиваясь къ говору; но говоръ хоть и слышался, но еще неясный: нельзя было разобрать, Русскій или Турецкій. Вдругъ натыкаемся на лошадей, привязанныхъ къ дереву, осматриваемъ ихъ, и видимъ лошади Турецкія, сѣдла Черкесскія. «Вотъ это должно быть попались», шепчемъ мы; но все-таки подкрались еще впередъ и остановились, прислушиваясь. Рѣшили, что если это Турки и если они насъ замѣтятъ, то немедленно бросаться на нихъ, «на авось», а Русскій авось великое дѣло: авось они, ошалѣвши сразу, вообразятъ, что насъ много, а мы уйдемъ въ переполохѣ, да можетъ быть кой-что и съ собой захватимъ на память. Стали прислушиваться, и хотя слышимъ говоръ, но опять онъ сливался, какъ вдругъ огласило тишину родное Русское слово. Мы просіяли. «Наши!» сказали мы. Я послалъ казака впередъ предупредить ихъ, что мы свои, чтобы не надѣлать сумятицы. Оказалось, это наши погонщики стояли тутъ обозомъ и, узнавъ, что мы свои, успокоились. Кое-какъ объяснили они намъ дорогу въ дер. Свинарь, по которой мы вскорѣ и доѣхали туда. Дѣло подходило уже къ разсвѣту, и мы совсѣмъ измучились и промокли. Ивановъ ушелъ спать, его путешествіе здѣсь закончилось; а мнѣ еще надо было дальше ѣхать. Казака я отпустилъ и, найдя палатку адъютанта, передалъ ему приказаніе и сказалъ, что я дальше дороги не знаю и сюда-то еле добрался, усталъ и измокъ. «Дайте мнѣ проводника, я не знаю куда ѣхать», закончилъ я свою претензію. «Откуда я вамъ возьму проводника? У меня нѣтъ«, сердясь, спросонья проговорилъ онъ. «Ну такъ я дальше не поѣду; я не знаю дороги и лягу здѣсь спать», разсердился я въ свою очередь. Адъютантъ, видя, что скоро отъ меня не отдѣлается и спать я ему не дамъ, сердито кликнувъ денщика, приказалъ ему привезти съ летучей почты солдата. Оказалось, что почту съ нашимъ бивуакомъ какъ разъ отъ нихъ содержали конно-гренадеры. «Васъ по почтѣ проводятъ», сказалъ адъютантъ, кутаясь въ одѣяло. Я поблагодарилъ его, сказавъ, что давно бы онъ объяснилъ, что есть почта, такъ нечего было бы и горячиться.

Въ желудкѣ ощущалась пустота; я пошелъ къ маркитанту достать что-нибудь поѣсть и выпить. Насилу добудился Жида, и только пообѣщавшись и его и фургонъ его разбить, добился, наконецъ, прескверваго коньяку и еще какой-то гадости на закуску, за что вознагражденіе потребовано было чуть не десятерное.

Пріѣхалъ съ почты солдатъ конно-гренадеръ, и мы съ Назаровымъ, моимъ вѣстовымъ, поѣхали по почтѣ, передаваемые съ одного поста на другой. Я сильно усталъ, глаза слипались и, не смотря на всѣ усилія, поминутно засыпалъ, но сейчасъ же открывалъ глаза, чтобы снова задремать. Отъ этой борьбы между сномъ и дѣйствительностью, мнѣ въ моментъ дремоты стали представляться какія-то небылицы. То я видѣлъ, что мой провожатый, ѣхавшій впереди, летѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ лошадью; я открывалъ глаза, и все попрежнему ѣдемъ шагомъ, всѣ на своихъ мѣстахъ; то я видѣлъ, будто бы выросло громадное дерево и загораживало мнѣ дорогу; невольно осаживаю коня, открываю глаза, и никакого дерева нѣтъ. Много подобныхъ картинъ мерещилось мнѣ всю дорогу, и только когда стало разсвѣтать, я подъѣхалъ къ бивуаку. Генералъ Эттеръ сидѣлъ у своей палатки передъ костромъ, задумчиво ковыряя палкой уголья. Передавъ ему приказаніе, я только успѣлъ добраться до своего Телишскаго тюфяка, какъ раздался богатырскій храпъ. Но не долго мнѣ пришлось отдохнуть. Въ восемь часовъ полкъ долженъ былъ выступать.

Полку приказано было перейти въ деревню Горная Магалета Идя туда, мы переходили черезъ Горный Дубнякъ, гдѣ былъ штабъ ген Гурко, который вышелъ и, пропуская насъ мимо себя, здоровался съ эскадронами.

Деревня Горная Магалета расположена подъ горой у рѣчки, а на горной плоскости стала бивуакомъ вся наша гвардейская дивизія на отдыхъ. Службы никакой не было. Теперь даже не окружали себя тройными цѣпями постовъ, какъ это дѣлали на «мокрой позиціи», считая такой расходъ людей и лошадей непроизводительнымъ, приберегая силы ихъ для будущаго. Приходилось только ѣздить за сѣномъ и ячменемъ, да изрѣдка посылали небольшіе отряды по различнымъ направленіямъ: такъ былъ посланъ отрядъ подъ городъ Врацу, который и заняли безъ особенныхъ хлопотъ, одною кавалеріей. Горный Дубнякъ, гдѣ появился маркитантъ, привлекалъ всѣ близъ стоявшія войска; онъ даже отчасти напоминалъ Красное Село. Начальство и многіе офицеры жили по домамъ, а пѣхота стояла кругомъ лагеремъ. Мы часто ѣздили туда, покучивали слегка у маркитанта и узнавали всякія новости, въ которыхъ

недостатку тутъ не было. Почему-то всѣ вообразили, что съ обложеніемъ Плевны почти все кончено, и что теперь надо подождать ея паденія, а тогда и по домамъ. Даже пустили слухъ, что кому-то Великій Князь сказалъ, что на елку будемъ въ Петербургѣ. Всѣ радовались скорому концу; какъ-то сразу всѣмъ надоѣла война, считали, что хорошенькаго понемножку. Только орудійные залпы изъ-подъ Плевны, гудѣвшіе и день и ночь, напоминали дѣйствительность.

На эту стоянку къ намъ въ полкъ пріѣхалъ какой-то офицеръ Сербской службы, Шевалье-де-Колиньи, Австрійскаго или Венгерскаго происхожденія, или еще какого-то, не помню, и былъ опредѣленъ къ намъ вольноопредѣляющимся. Такія личности являлись повсюду, опредѣляясь на службу въ ряды арміи, а затѣмъ, по окончаніи войны, также быстро исчезали неизвѣстно куда.

Эта стоянка ознаменовалась милостью Государя, пожаловавшаго нашему полку 30 Георгіевскихъ крестовъ. Пожелавъ объѣхать Плевненскія позиціи и поблагодарить войска за службу, Государь, въ награду уланскому полку за Телишское дѣло, потребовалъ для этого объѣзда себѣ въ конвой эскадронъ нашего полка. Четвертый эскадронъ былъ посланъ въ конвой, и Государь Императоръ благодарилъ его, какъ представителей полка, милостиво разговаривалъ съ офицерами и нижними чинами, разспрашивалъ ихъ объ атакѣ*). Остальные три, оставивъ для порядка на бивуакѣ часть людей, посланы были подъ городъ Раховъ, расположенный на берегу р. Дуная, съ приказаніемъ взять его, если это окажется возможнымъ.

Накануне выступленія пріѣхалъ изъ главной квартиры братъ одного изъ нашихъ офицеровъ и привезъ мнѣ темлякъ ордена Св. Анны 4-й степени на саблю. Награда эта вышла мнѣ по представленію изъ Кавказской бригады; конечно, я его сейчасъ же надѣлъ на саблю. Это была моя первая награда, и только у нѣкоторыхъ эскадронныхъ командировъ въ нашемъ полку былъ этотъ орденъ (за усмиреніе Польскаго мятежа 63-го года), а теперь на моей саблѣ красовался такой же темлякъ. Я, конечно, былъ въ восторгѣ, а остальные завистливо поглядывали на него, поздравляя меня съ монаршей милостью.

Выступивъ рано утромъ на другой день, мы къ вечеру прошли семидесятиверстное разстояніе до города Рахова. На дорогѣ къ намъ присоединился лазутчикъ изъ главной квартиры, уроженецъ этого города. По его свѣдѣніямъ оказалось, что г. Раховъ занятъ шестью ты-

*) Впослѣдствіи полкъ получилъ надпись на шапки: „За Телишъ 16 Октября и Балканы 18 Декабря 1877 г.“

сячами пѣхоты при орудіяхъ и восемью сотнями Черкесовъ. Эти силы Турокъ были для насъ очень внушительны: насъ было только два съ половиной эскадрона. Придя уже въ темнотѣ на мѣсто, мы спустились въ какую-то равнину, выставили на дорогахъ караулы и не разсѣдлывая дожидались разсвѣта. Послали разъѣзды, которые попортили телеграфъ, но Турокъ не встрѣтили. Въ деревню, около которой мы расположились, часто заходили Черкесы, по разсказамъ Болгаръ, но въ настоящее время ихъ нигдѣ не было видно. Они же подтвердили свѣдѣнія нашего лазутчика о численности гарнизона города Рахова.

Намъ приказано было соблюдать строжайшую тишину, даже разговаривать тихо, а о кострахъ и помину не было. Ротм. Баструевъ, вернувшись отъ полкового командира, тихо намъ объ этомъ сообщилъ и распорядился, чтобы спали по очереди, и тотчасъ же, по своей разсѣянности, крикнулъ во все горло «вахмистра!» Мы уже привыкли къ такой разсѣянности Баструева и смѣясь замѣтили ему, что онъ самъ не исполняетъ своего приказанія. «Забылъ, чортъ ихъ дери, душка моя», сказалъ онъ.

Кое-какъ кутаясь во что̀ было съ собой, мы укладывались подремать, въ ожиданіи разсвѣта. Плана относительно нашихъ дѣйствій выработано не было; рѣшили, что «утро вечера мудренѣе».

Все дремало; только изрѣдка слышался окрикъ на лошадей въ полголоса, или тоже въ полголоса какое-нибудь распоряженіе вахмистра. Вдругъ среди ночной тишины слышимъ крикъ: кого-то распекаютъ за то, что заснулъ не въ свою очередь и упустилъ лошадь. Слышимъ голосъ ротм. Баструева, но гдѣ-то не у насъ. «Вахмистра! вахмистра!» требовалъ онъ гдѣ-то. Наконецъ все затихло. «Что̀ такое, думаемъ, куда онъ забрался и опять нарушаетъ тишину». Немного погодя, виновникъ шума пришелъ къ намъ и смѣясь разсказалъ, какой съ нимъ вышелъ странный случай. «Вижу безпорядки, упустилъ кто-то лошадь я его распекъ и кричу вахмистра; смотрю, приходитъ Пьявкинъ. Ты зачѣмъ въ мой эскадронъ попалъ?» спрашиваю его.—Это, говоритъ, первый эскадронъ, ваше высокоблагородіе.—Какъ первый эсаꙁдронъ?—Такъ точно, первый эскадронъ, ваше высокоблагородіе, говоритъ.—Смотрю, и въ самомъ дѣлѣ, люди не мои. Это чортъ знаетъ, какъ я туда попалъ», закончилъ онъ смѣсь. Нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и ротм. Бобылевъ, командиръ перваго эскадрона, котораго въ темнотѣ не было видно, лежа подъ моей буркой, хохотали отъ души надъ разсѣянностью ротм. Баструева. Когда онъ кончилъ разсказъ, ротм. Бобылевъ пресерьезно поблагодарилъ его за бдительность и сказалъ, что

теперь онъ можетъ спать спокойно, зная, что порядокъ въ его эскадронѣ возстановленъ. Всѣ, конечно хохотали, не исключая и самого Баструева.

Такъ простояли мы всю ночь, а утромъ 24 Октября, когда стало разсвѣтать, мы увидали, что стоимъ въ какой-то котловинѣ съ двумя выходами: одинъ, черезъ который мы вошли, а другой въ г. Раховъ. Вечеромъ мы не замѣтили этого неудобства, но теперь поспѣшили ее покинуть.

По выходѣ изъ котловины, намъ открылся невдалекѣ городъ Раховъ окруженный редутами и ложементами. Впереди ихъ бѣлѣли конусообразныя палатки Турецкаго лагеря. Здѣсь наши войска не тревожили ихъ, и они благодушествовали на свѣжемъ воздухѣ.

Мы остановились, ожидая по обыкновенію появленія Черкесовъ; но они не показывались, а изъ палатокъ кой-кто перебирался въ городъ, остальные вѣроятно сдѣлали это раньше, хотя никакого безпокойства не было замѣтно ни въ городѣ, ни въ лагерѣ, близъ котораго паслось стадо барановъ и бродило нѣсколько лошадей. Никого не было видно. Мы наблюдали и обсуждали, какъ намъ поступить. Съ нами былъ офицеръ генеральнаго штаба. Выслали наѣздниковъ подъ начальствомъ шт. ротм. Манюкина осмотрѣть поближе, уже не убѣжали ли Турки. Наѣздники пошли впередъ, подошли къ лагерю, все спокойно, Турки не стрѣляютъ, хотя на брустверахъ виднѣлись линіи красныхъ фесокъ. Заглянули въ палатки, пусто. Мы удивлялись такому равнодушію Турокъ: бывало они не скупились на снаряды встрѣчать насъ, а то вотъ сидятъ и молчатъ и точно въ волшебномъ очарованіи смотрятъ на насъ. Кто-то разохотился и, увлеченный ихъ спокойствіемъ предложилъ атаковать ихъ въ пѣшемъ строю. Это нѣкоторымъ понравилось такъ, что начали обсуждать, съ которой стороны будетъ удобнѣе наступать. Видя увлеченіе начальства, полковникъ Горденинъ замѣтилъ, что недаромъ Турки молчатъ, что они поджидаютъ насъ ближе, видя нашу малочисленность или же предполагаютъ, что мы авангардъ и поджидаемъ главныя силы для наступленія. «Если мы пойдемъ на приступъ, то конечно они поймутъ, въ чемъ дѣло и не будутъ сидѣть равнодушно. Конечно, если прикажутъ», сказалъ онъ командиру, мы будемъ атаковать, но надо позаботиться заблаговременно отправить штандартъ съ кѣмъ нибудь домой, а тогда уже некому будетъ его везти. Вѣдь семьдесятъ верстъ отъ своего расположенія, и такой отрядъ противъ насъ», окончилъ онъ свои доводы. Возможность потерять штандартъ и доводы Якова Александровича Горденина подѣйствовали и отрезвили пылкія головы.

Скомандовали садиться и отозвали наѣздниковъ, хозяйствовавшихъ въ это время въ палаткахъ Турокъ. Мы тронулись назадъ, забравъ двухъ плѣнныхъ, лошадей и стадо барановъ, да еще какую-то «каруцу» *), запряженную парок буйволовъ. Въ эту каруцу были посажены плѣнные, тоже при допросѣ подтвердившіе численность Турокъ и что они приготовились и ждутъ наступленія главныхъ нашихъ силъ. Послѣ насъ ходилъ большой отрядъ Румынъ всѣхъ родовъ оружія и съ бригадой нашей кавалеріи, при чемъ отрядъ этотъ взялъ городъ съ потерей 1400 челов. Хороши бы мы были, если бы рѣшились атаковать Раховъ. Только теперь Турки, сообразивъ, что это все тутъ было, и авангардъ, и главныя силы, немедленно же открыли въ догонку намъ огонь изъ орудій и выслали Черкесовъ преслѣдовать.

Трофеи свои, конечно, мы подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ людей послали впередъ, а сами отступали, отстрѣливаясь отъ насѣдавшихъ Черкесовъ.

Отступали мы по дорогѣ, пролегавшей по равнинѣ окаймленной возвышенностями, по которымъ шли боковые наши разъѣзды въ виду возможности обхода насъ Черкесами. Но Черкесы, не любившіе далеко отходить отъ своей пѣхоты, стали мало по малу отставать и скоро совсѣмъ бросили преслѣдовать насъ.

Когда же Черкесы совсѣмъ отстали, мы сдѣлали маленькій привалъ, а затѣмъ покойно дошли до деревни Князевой, гдѣ остановились на ночлегъ. Это большое и богатое Болгарское село. Братушки намъ сказали, что къ нимъ иногда заходятъ изъ Рахова Черкесы.

Мы расположились бивуакомъ за деревней, принявъ всѣ предосторожности на случай нечаяннаго нападенія. Простоявъ весь слѣдующій день, мы затѣмъ вернулись въ Магалету.

Здѣсь уже насъ ожидали снова слухи, что паденіе Плевны вотъ, вотъ ожидается, что Туркамъ ѣсть нечего, что говорятъ это выгоняемые ими Болгары изъ города, державшіеся тамъ раньше для различныхъ работъ.

Разсказывали о состязаніи въ храбрости генераловъ Скобелева 2-го и Гурки на одной изъ нашихъ батарей, гдѣ будто бы они, стоя подъ гранатами, лопавшимся около и между ними, продолжали разговаривать и не обращали на нихъ вниманія.

Разсказывали, какъ ген. Тотлебенъ бомбардировалъ Плевну, что онъ, не обстрѣливая какой нибудь редутъ, приманивалъ туда Турокъ какъ на

*) Телѣгу.

болѣе спокойный и когда ихъ набиралось туда достаточно, онъ приказывалъ дѣлать по этому редуту залпы; то по телеграфу приказывалъ обстрѣливать ту или другую часть позиціи, производя этимъ переполохъ въ городѣ. «Плевна теперь окружена желѣзнымъ кольцомъ», говорили, и это выраженіе всѣмъ очень нравилось. Осадныя батареи гудѣли не переставая.

Становилось холодно на бивуакѣ, и полки поставили по деревнямъ. Намъ было назначено стать въ деревню Бренницы, при переходѣ въ которую не могу не вспомнить курьеза съ шинелями и лихорадкой.

Не смотря на начало Ноября, насъ все таки водили въ однихъ мундирахъ, холодъ иногда бывалъ довольно чувствительный; и нашъ эскадронъ на одномъ изъ переходовъ просилъ у командира полка разрѣшенія надѣть шинели. Намъ это разрѣшили; но черезъ нѣсколько времени командиръ полка, подъѣхавъ къ эскадрону, спросилъ у ротм. Баструева: «Отчего одному вашему эскадрону холодно, ротмистръ?» «У меня много людей въ лихорадкѣ», не долго думая, отвѣчалъ эскадронный командиръ. «Выѣзжай впередъ кто въ лихорадкѣ!» скомандовалъ генералъ Эттеръ. Этого никто не ожидалъ, и никто не выѣхалъ; но Баструевъ нашелся. «Они всѣ у меня въ лихорадкѣ, ваше превосходительство», пресерьозно сказалъ онъ. Генералъ Эттеръ, кусая губы, чтобы не разсмѣяться, отъѣхалъ и насъ оставилъ въ покоѣ и въ шинеляхъ. Въ «кештахъ», т. е. избахъ, все таки было лучше стоять: сухо и не было вѣтра, хотя топить приходилось почти не переставая. Печи въ кештахъ большею частью съ пролетной трубой, и вмѣсто стеколъ въ рамахъ промасленная бумага.

V. Въ Балканахъ. Д. Ромны.

Теперь, стоя на этихъ квартирахъ, намъ приказано было, вмѣсто сборовъ на ёлку въ Петербургъ, готовиться къ дальнѣйшему походу на Балканы, куда, какъ говорили братушки: «сичко Турцѣ бѣгалъ», т. е. всѣ Турки убѣжали. Главнымъ образомъ заботились заготовить провіантъ всему отряду. Съ этой цѣлью кавалеріи было поручено собирать зерновой хлѣбъ, доставляя его на мельницы, гдѣ артиллеристы мололи, а затѣмъ опять мы эту муку развозили въ пѣхотные полки, гдѣ были устроены хлѣбопекарныя печи и сушили сухари. Мнѣ, какъ и всѣмъ, пришлось конвоировать съ мельницы обозъ въ нѣсколько Болгарскихъ «каруцъ» или телѣгъ, запряженныхъ парами буйволовъ и нагруженныхъ кулями съ мукой. На мельницѣ выдавалась накладная, въ которой значилось, сколько вѣсомъ муки. Вѣсъ конечно опредѣлялся глазомѣрно или на какихъ нибудь допотопныхъ вѣсахъ и считался на

«оки». Получивъ такую накладную, я съ обозомъ отправился въ деревню Свинарь, гдѣ были устроены печи одного изъ пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ. Цѣлый день шагомъ тащились буйволы. Подводчики Болгары остроконечными длинными палками тыкали ихъ въ задъ: это мѣстный способъ погонять буйволовъ, и буйволы мѣрно выступали по дорогѣ впередъ.

Это медленное движеніе и однообразіе мѣстности чрезвычайно утомляли и нагоняли дремоту на всѣхъ насъ. Я не выдержалъ и перебрался съ сѣдла на кули и солдатамъ разрѣшилъ поочереди дѣлать тоже.

Довольно поздно дотащились мы до дер. Свинаря и не сразу въ темнотѣ нашли офицера, завѣдующаго хлѣбопекарней, который любезно пригласилъ меня переночевать у него. Утромъ завѣдующій будитъ меня: «вставайте, надо перевѣшать муку». Я удивился, «какъ вѣшать муку? я ее безъ вѣсу принималъ, у насъ и вѣсовъ никакихъ нѣтъ». «Вы должны сдать намъ столько-то окъ по накладной», пристаетъ завѣдующій. «Какія тамъ оки? Я вамъ говорю, что вѣсовъ у насъ нѣтъ; мы не вѣшали, и я не знаю, про какія оки тамъ пишутъ», ворчалъ я недовольный, что мѣшаютъ мнѣ спать. «Иначе я не могу принять», стоитъ на своемъ завѣдующій. «Хотите, такъ вѣшайте; я довѣряю своему унтеръ-офицеру, а мнѣ все равно: я спать хочу», завертываясь въ полушубокъ, объявилъ я завѣдующему, и тотъ, видя, что вставать и вѣшать я не собираюсь, ушелъ. Сколько времени они тамъ вѣшали, не знаю; но только когда я проснулся и пилъ чай, вернулся завѣдующій. «Не хватаетъ немножко», объявилъ онъ съ озабоченнымъ видомъ. «Ну, что жъ» говорю, «все равно; я не вѣшалъ, принималъ съ мельницы на глазокъ». Поворчавши немного и видя мое полное равнодушіе къ его взвѣшиваніямъ, завѣдующій выдалъ расписку въ полученіи.

Передъ отъѣздомъ завѣдующій предложилъ мнѣ закусить; люди тоже хотѣли ѣсть, но съ собой ничего не было взято, а завѣдующій не согласился отпустить хлѣба или сухарей и какъ я ему ни доказывалъ, что мы одного православнаго воинства съ нимъ и что его хлѣбопекарня не оскудѣетъ, если онъ намъ дастъ нѣсколько окъ хлѣба, но такъ я и не могъ убѣдить его. Пришлось дать денегъ, чтобы люди купили тутъ же у продававшихъ пѣхотныхъ солдатиковъ хлѣба и, простившись съ завѣдующимъ, мы отправились домой. Каруцы были пусты и, выѣхавъ за деревню, я влѣзъ въ одну изъ нихъ, разрѣшивъ людямъ тоже размѣститься по каруцамъ, ведя въ поводу лошадей, а чтобы расшевелить и прибавить быстроты буйволамъ, посовѣтовалъ попихивать ихъ изрѣдка въ задъ вмѣсто палокъ пиками. Буйволы приободрились и пошли рысцой, а потомъ, отдѣливъ граціозно хвосты и помахивая

ими, перешли въ легкій галопъ. Болгары остались довольны и смѣялись моей изобрѣтательности. Сдѣлавъ на полпути привалъ, мы еще засвѣтло пріѣхали домой.

Стоянка наша и наше бездѣйствіе начали намъ надоѣдать, и мы отъ нечего дѣлать придумывали разныя развлеченія: составили хоръ и часто собираясь въ нашей избѣ, пѣли разные романсы и хоровыя пѣсни, пробовали даже устроить хоръ свистуновъ, но это не удалось. Сюда пріѣхалъ къ намъ изъ Кавказской арміи штабъ-ротмистръ Ханъ Нахичеванскій, оправившійся отъ раны. Конечно начались чествованія его, конецъ которымъ положило выступленіе къ Балканамъ.

Изъ деревни Бренницы нашъ полкъ пошелъ по Софійскому шоссе на Балканы черезъ деревню Радомірцы въ деревню Яблоницу. На Петербургскую елку надежды уже не было. Въ дер. Яблоницѣ мы остановились бивуакомъ; тутъ лейбъ-гусарскій полкъ праздновалъ свой полковой праздникъ. Сюда подошло нѣсколько пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ. Мѣстность была очень живописная: это было что-то суровое, но величественное; кругомъ высились вершины горъ, покрытыя еще зеленѣвшимся лѣсомъ, среди котораго вздымались гранитныя скалы.

Особенно красивъ былъ въ горахъ восходъ солнца. Я какъ-то ѣздилъ за сѣномъ въ горы и долго не могъ оторвать глазъ отъ этой восхитительной картины. Когда показавшіеся иза-за горъ золотистые лучи восходящаго солнца мало-по-малу окрашивали Востокъ пурпуромъ, утесы и вершины, отливая всевозможными цвѣтами, выступали въ причудливыхъ очертаніяхъ, тогда какъ ущелья и долины покоились еще во монакѣ. Еще долго можно было бы любоваться этой картиной, которую я видѣлъ въ первый разъ; но лошади были навьючены, и надо было идти на бивуакъ.

Черезъ нѣсколько дней нашъ 1-й дивизіонъ былъ посланъ въ горы въ деревню Ромны, расположенную на рѣкѣ Искерѣ для наблюденія, разъѣздами, за Лютаковымъ и Новочиномъ, небольшими Турецкими укрѣпленіями близъ Арханейской долины и за дорогой изъ крѣпости Видина. Приказаніе было получено поздно, и мы, собравшись наскоро, почти въ сумеркахъ, выступили съ бивуака. Справа по одному по тропинкамъ пробирались мы горами и уже въ совершенной темнотѣ подошли къ Ромнамъ. Вся деревня всполошилась, думая, что это Турки. Жители, привычные къ тревогамъ, живо собрали свой скарбъ и скотъ, чтобы скрыться въ укромныхъ уголкахъ горъ. Замѣтивъ такое смятеніе по шуму въ деревнѣ, полковникъ Горденинъ, нашъ дивизіонеръ, остановилъ дивизіонъ, а самъ съ трубачомъ въѣхалъ въ селеніе и

догнавъ бѣгущихъ Болгаръ, успокоилъ ихъ. Болгары, увидѣвъ Русскаго капитана, какъ они называли всѣхъ офицеровъ, пришли въ неописанный восторгъ. Къ нимъ, какъ они говорили, еще ни разу не заходили Русскія войска. Они бросились къ намъ навстрѣчу крича: «Добре дошли, братушки, добре дошли», здороваясь со всѣми за руку, поглаживали лошадей и насъ похлопывали по плечу, цѣловались, однимъ словомъ всячески старались выразить намъ свое удовольствіе и радость. Мы еще стояли за деревней, чтобы дать вполнѣ имъ успокоиться, а командирамъ выбирать мѣсто для расположенія эскадроновъ.

Когда мы вошли въ деревню вмѣстѣ съ толпой братушекъ, то увидали, что на площади остальная часть Болгаръ уже развели костры и въ котлахъ варили намъ угощеніе; женщины, дѣти, старики, однимъ словомъ все населеніе деревни толпилось вокругъ насъ и котловъ. Одни разсматривали насъ со всѣхъ сторонъ, болтая безъ умолку, а другіе возились около костровъ, ощипывая куръ, подкладывая дрова и поджаривая на угольяхъ кукурузу и баранину.

Эта ночь походила на какой-то праздникъ Ивана Купалы.

Болгары не давали намъ покоя, расправшивая про Турокъ. Спрашивали, какъ поживаютъ царь Николай и царь Александръ. Часто приходилось слышать вопросы о царѣ Николаѣ. Одни, т. е. старики и старухи, помнившіе еще войну съ Турціей Николая I и слыша вдобавокъ одинаковое имя нашего главнокомандующаго, думали, что до сихъ поръ царствуетъ у насъ императоръ Николай I. Другіе принимали главнокомандующаго за царя, не понимая вѣроятно титула великаго князя; но большинство знало, что царствуетъ у насъ Царь Александръ, а войсками командуетъ его братъ, князь Николай. Когда мы говорили, что они слава Богу здоровы, то братушки оставались довольны и говорили «да живіо царь Александръ! да живіо князь Николай». Нѣкоторые при этомъ крестились.

Сейчасъ же начались нескончаемые разсказы про баши-бузуковъ и Турокъ. «Сичко Турцы земалъ и айда на Балканъ»; другіе жаловались, говоря «ималъ булка [1]), ималъ момча [2]), сичко рѣзалъ баши-бузукъ».—«Отчего вы сами не собираетесь партіями и не прогоните баши-бузуковъ, когда они приходятъ васъ грабить?» спрашивали мы Болгаръ.—«Какъ его прогнать? отвѣчали они намъ, Турцы за единъ часъ застрѣлятъ изъ пушки!» [3]) Это означало, что Турка далеко стрѣ-

[1]) Жена.

[2]) Сынъ.

[3]) Пушка; а наша пушка у нихъ топа.

ляетъ и что у нихъ такого оружія нѣтъ. Оттуда Турки уже бѣжали, и на наши вопросы объ нихъ Болгары радостно восклицали: «Турцы айда на Балканъ, сичко бѣгалъ». Изъ ихъ разсказовъ видно было, что съ Турецкими войсками они еще кое-какъ мирились, но баши-бузуковъ и Черкесовъ положительно ненавидѣли.

Мирнымъ Туркамъ Болгары, желая показать свое преимущество въ настоящее время, на каждомъ шагу старались надѣлать всякихъ непріятностей, за ихъ прежнія притѣсненія. Намъ приходилось часто охранять Турокъ отъ своеволія братушекъ, объяснять имъ, что это мирные жители; но Болгары не принимали никакихъ резоновъ, говоря, что и эти мирные жители также притѣсняли ихъ. Въ брошенныхъ Турками домахъ Болгары тотчасъ же поселялись и ставили на дверяхъ крестъ, углемъ или мѣломъ, а съ своего дома стирали, увѣряя, что это домъ его, а тотъ Турецкій. Намъ было въ сущности все равно, какой домъ разобрать на топку, потому что дровъ заготавливать было некогда, да и негдѣ, и Турецкіе дома разбирались на костры. Часто Болгары приходили, прося подарить тотъ или другой брошенный Турецкій домъ. Мы конечно великодушно дарили. Тогда Болгаринъ просилъ дать ему записку въ удостовѣреніе, что домъ ему подарилъ такой-то капитанъ. Записку сейчасъ же мы ему давали, и братушка, вполнѣ счастливый, поселялся спокойно въ своемъ новомъ домѣ. Такимъ образомъ мы порядочно пораздарили домовъ по всей Болгаріи; но не знаю, имѣли ли значеніе наши записки при водвореніи порядка въ Болгарскомъ княжествѣ.

Скотину, какъ и дома, Болгары мѣтили крестомъ, и мы не имѣли права брать ее, а немѣченная означала Турецкую и считалась нашей; ее также часто дарили Болгарамъ, а иногда и сами Болгары мѣтили Турецкую скотину и увѣряли, что эта ихняя. Вообще Болгары встрѣчали насъ очень радушно, въ особенности гдѣ мы появлялись въ первый разъ. Въ мѣстахъ же гдѣ проходили часто наши войска, они были ужъ не такъ радушны и на вопросы, нѣтъ ли того или другого, они отвѣчали: «нема, братушка, хичъ*) нема, Турцы сичко земалъ», и щелкали при этомъ по обыкновенію ногтемъ о зубы, что̀ должно было означать знакъ неоспоримой правды, и это намъ напоминало шишъ. Это весьма понятно: надо же было имъ самимъ чѣмъ-нибудь питаться, а раздавъ все пришлось бы голодать. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, вблизи которыхъ стояли Турецкія войска, радость при встрѣчѣ нашихъ войскъ смѣнялась часто огорченіемъ, когда Болгары узнавали, что мы скоро

*) Ничего.

уйдемъ, что это только разъѣздъ или рекогносцировочный отрядъ. Они боялись мщенія Турокъ за наше посѣщеніе и за ихъ радушіе къ намъ, чему бывали нерѣдко примѣры. Часто Болгары изъ такихъ деревень, собравъ свой скарбъ и навьючивъ имъ всѣхъ своихъ животныхъ, уходили съ нами вмѣстѣ. Часто Турки, придя въ деревню въ большомъ числѣ и захвативъ семейство какого-нибудь Болгарина, посылали самого его къ нашимъ войскамъ сказать, что баши-бузуки въ маломъ числѣ бьютъ и грабятъ въ деревнѣ, при чемъ они предупреждали Болгарина, что въ случаѣ неисполненія имъ ихъ приказанія они перерѣжутъ его семейство. Дѣлать было нечего, Болгаринъ шелъ и разсказывалъ въ нашемъ лагерѣ всю эту исторію, не смотря на свою ненависть къ исконнымъ врагамъ и свою завѣтную мысль освободиться отъ нихъ. Семья все-таки ему была дорога, а Турки въ случаѣ непослушанія Болгарина исполняли, не задумываясь, свои угрозы. Мы это знали и посылали всегда, если была необходимость и возможность, достаточно сильный отрядъ, и Турки поспѣшно уходили. Да и самъ Болгаринъ большею частью разсказывалъ всю правдивую исторію своего посольства, прося поскорѣе освободить его семейство.

Такъ почти до разсвѣта провозились мы съ «братушками», и только послѣ радушной кормежки и наболтавшись вдоволь, они насъ развели по своимъ «кештамъ» на ночлегъ, а утромъ уже мы размѣстились какъ слѣдуетъ, учредивъ на площади деревни караулъ, по взводу отъ эскадрона. Кромѣ того, ежедневно посылался взводъ въ разъѣздъ къ Новочину и Лютакову. Разъѣздъ этотъ, выступая на разсвѣтѣ, долженъ былъ пройти по горамъ верстъ 45 до Новочина, посмотрѣть, тамъ ли Турки, что̀ они дѣлаютъ и, зайдя на возвратномъ пути въ деревню, въ горахъ, смѣнить сторожевой постъ и къ вечеру вернуться домой.

При этомъ намъ поручалось составить кроки́ доро̀ги и описать все видѣнное. Рапортъ этотъ отсылался въ штабъ генерала Гурки.

Первый разъѣздъ вернулся поздно вечеромъ, пройдя весь путь, составивъ кроки́ и рапортъ. Оказалось, что на половинѣ дороги, въ деревнѣ Своды, стоялъ нашъ 4-й эскадронъ, который посылалъ разъѣзды къ Новочину и Лютакову. Далѣе, противъ укрѣпленій, стояли лейбъ-гусары, которые тоже наблюдали за этими укрѣпленіями днемъ. Обо всемъ этомъ мы въ штабъ донесли, прося разрѣшенія, въ виду сбереженія лошадей, разъѣздамъ ходить только въ деревню Своды.

Пришла моя очередь идти въ разъѣздъ. Чуть стала заниматься зорька, я выступилъ съ разъѣздомъ въ горы. Погода была прелестная,

утренній морозъ давалъ себя чувствовать, былъ Ноябрь мѣсяцъ. Дорога, тропинка, все время шла по горамъ, то пересѣкая небольшіе горные потоки, то лѣпясь съ боку гранитной стѣны, то поднимаясь, то опускаясь, то извиваясь вдоль ущелья. Мѣстами попадались небольшія площадки, окруженныя горами, покрытыми еще зеленымъ лѣсомъ. Проходя ущельемъ, слышу я кто-то кричитъ: «бра-туш-ка-а-а!.. бра-туш-ка-а-а!» Прислушиваюсь, крикъ продолжается. Мы оглядываемся во всѣ стороны, но никого не видно. Наконецъ, замѣчаемъ на самой вершинѣ горы машетъ руками Болгаринъ и бѣжитъ къ намъ. Мы остановились подождать его, сошли съ лошадей отдохнуть и оправиться, предполагая, что братушка хочетъ предупредить насъ о чемъ-нибудь важномъ, что, можетъ быть, ему съ вершины видно движеніе какого-нибудь Турецкаго отряда.

Болгаринъ быстро спускался, то пропадалъ въ зелени и за камнями, то снова появлялся, пока, еле переводя духъ, добѣжалъ до насъ Потъ съ него лилъ градомъ. «Добре дошли, братушка», говоритъ онъ, тяжело дыша и протягивая намъ руку.

«Здравствуй, братушка», отвѣчали мы, здороваясь съ нимъ. Братушка обошелъ всѣхъ насъ, со всѣми поздоровался, погладилъ лошадей и совершенно спокойно, какъ будто сдѣлалъ дѣло, пошелъ назадъ. Мы смотрѣли ему вслѣдъ, ожидая, что будетъ дальше; но братушка уходилъ къ себѣ обратно на вершину горы. Солдаты смѣялись. «Стоило бѣжать, чтобы поздороваться! Какъ вѣдь запыхался-то, я думалъ Черкесовъ увидалъ, или баши-бузуковъ», замѣтилъ кто-то. Болгарина я вернулъ и спросилъ, не видать ли гдѣ-нибудь съ вершины Турокъ. Оказалось, что Турокъ онъ не видалъ, а самъ съ семействомъ спасается тамъ отъ нихъ. Много намъ попадалось такихъ отшельниковъ въ укромныхъ уголкахъ Балканъ.

Дальше, намъ приходилось часто переходить въ бродъ быстрыя горныя рѣчки, съ каменистымъ дномъ, усѣяннымъ мелкимъ валунцемъ, по которому стучали подковы нашихъ лошадей, и эхо горъ повторяло этотъ звукъ. Дойдя до нашего 4-го эскадрона, въ деревнѣ Своды, я получилъ всѣ нужныя свѣдѣнія, выкормилъ лошадей и, отдохнувъ, выступилъ обратно. Тропинка пошла берегомъ рѣчки, подымаясь постепенно все выше и выше, и при этомъ настолько узкая, что двумъ коннымъ разъѣхаться было бы почти невозможно. Она проходила какъ бы по карнизу гигантскаго строенія: справа вздымалась гранитная стѣна, а слѣва—отвѣсный обрывъ въ рѣчку. На самой вершинѣ этой горы находилась деревушка, гдѣ стоялъ нашъ сторожевой постъ, ко-

торый я смѣнилъ, а тотъ спустился съ другой стороны въ долину. Уже въ темнотѣ вернулся я въ Ромны. Кромѣ этихъ разъѣздовъ, службы у насъ не было, и свободнаго времени было достаточно, такъ что мы отъ нечего дѣлать охотились по уткамъ по рѣкѣ Искеру. Охотничьи ружья замѣнили намъ Турецкія «пибоди»; часто промахнувшись по уткѣ, пуля рекошетировала очень красиво по водѣ, и нѣкоторые стрѣляли, чтобы только полюбоваться рекошетомъ.

Отчасти проводили мы время въ разговорахъ съ Болгарами, приходившими къ намъ съ распросами о событіяхъ войны и о томъ, возвратятся Турки, или мы ихъ гонимъ уже безвозвратно.

Какъ-то ночью, когда я былъ дежурный со взводомъ, прибѣжалъ Болгаринъ изъ сосѣдней деревушки съ извѣстіемъ, что живущій тамъ Турецкій Цыганъ занимается шпіонствомъ и только-что пришелъ изъ Турецкаго лагеря. Кромѣ того, онъ разсказывалъ, что около деревни ходилъ Турецкій скотъ. Меня немедленно послали арестовать этого Цыгана и забрать скотъ.

Я вышелъ еще въ потемкахъ. Болгаринъ, очень веселый, бѣжалъ со мной рядомъ, разсказывая разныя разности. На разсвѣтѣ я подошелъ къ небольшой деревнѣ. «Капитанъ», обратился ко мнѣ Болгаринъ, «дай мнѣ двухъ братушекъ, я съ ними пойду къ кештѣ Цыгана, чтобы онъ не убѣжалъ». Я ему далъ двухъ уланъ, сдѣлавъ имъ наставленіе быть осторожными и осмотрительными и не попасться въ ловушку. Братушка повелъ ихъ въ обходъ, а я съ остальнымъ взводомъ направился къ въѣзду въ деревню. Подъѣзжая къ околицѣ, мы увидали толпу народа, двигавшуюся по улицѣ къ намъ. Мужчины, женщины и дѣти всѣ выбѣжали встрѣчать насъ. Такую шумную встрѣчу намъ устроили братушки потому, что въ этой деревнѣ Русскихъ, какъ оказалось, видѣли въ первый разъ. Шумъ былъ страшный; всѣ на разные лады выражали привѣтствія; кто кричалъ: «добре дошли, братушки», кто—«живіо Русскіе войнцы», другіе кричали: «живіо царь Александръ и царь Николай!» Всѣ они хватали насъ за руки, похлопывали по ногамъ, нѣкоторые подпрыгивали и похлопывали по плечу, одни вели подъ уздцы нашихъ лошадей, остальные бѣжали сбоку. Насъ вели къ лачужкѣ Цыгана, гдѣ уже дожидался Болгаринъ съ двумя нашими уланами. Мы слѣзли съ лошадей; братушки сейчасъ же приняли ихъ и съ большимъ удовольствіемъ проваживали по площади; нѣкоторые взяли носить пики. Радость братушекъ была неимовѣрная; они, суетясь, бѣгали по всѣмъ направленіямъ. Появились котелки съ виномъ и медомъ и, не спрашивая, хочетъ кто или нѣтъ, подносили ко-

телокъ уланамъ ко рту, и они пили; другіе принесли хлѣба и опять-таки не спрашивая, хочетъ ли кто, одѣляли ихъ всѣхъ, давая куски въ руки или кладя ихъ прямо въ карманы, пихая туда же и папушники табаку. Все это выражало ихъ крайній восторгъ. Я полагаю, что братушкамъ просто хотѣлось посмотрѣть Русскихъ «войниковъ», и потому они придумали Цыгана-шпіона.

Цыгана и все его семейство, состоявшее изъ жены и младенца, я забралъ. Избушка была обыскана, и кромѣ заржавленнаго пистолета ничего не оказалось. Болгары накинулись на скудные пожитки Цыгана; одни кричали: «это мое», другіе—«это мое», и все растащили; даже въ печи стоявшіе горшки, въ которыхъ что-то варилось, были вынуты и переколоты. Ожесточеніе Болгаръ возрастало; были даже поползновенія на самого Цыгана, но я запретилъ его трогать. Турецкой скотины оказалось всего нѣсколько барановъ; братушки успѣли уже ее присвоить себѣ.

Напутствуемые благословеніемъ Болгаръ и желая, въ свою очередь, имъ всего хорошаго, мы выѣхали обратно, сопровождаемые за деревню всѣмъ населеніемъ.

Уланы были слегка навеселѣ и оживленно болтали дорогою о радушіи Болгаръ, находя ихъ «чудными». Нѣсколько братушекъ шли съ нами и проводили насъ вплоть до деревни. Цыгана и пистолетъ отправили въ штабъ генерала Гурко, а барановъ оставили себѣ.

Вскорѣ насъ перевели въ деревню Своды, гдѣ стоялъ нашъ 4-й эскадронъ. Здѣсь простояли мы недолго, продолжая содержать тѣже разъѣзды къ Лютакову и Новочину.

Въ одинъ изъ этихъ разъѣздовъ былъ посланъ полуэскадронъ, по взводу отъ 1-го и 2-го эскадроновъ, подъ общей командой поручика Будберга, въ томъ числѣ и мой взводъ. Выступивъ рано, мы вскорѣ по горамъ дошли до деревни Боженицы. Съ вершины горы, на которой она стояла, открывался видъ на всю равнину съ Турецкими укрѣпленіями.

У Турокъ все было спокойно, все было по старому, на своемъ мѣстѣ. Не успѣли мы спуститься въ долину, какъ я почувствовалъ себя что-то худо, голова кружилась; вслѣдствіе этого я принужденъ былъ возвратиться со своимъ вѣстовымъ въ дер. Боженицу. Дорога изъ Боженицы все время идетъ одноконная, по краю обрыва, надъ рѣчкой, постепенно спускаясь въ равнину Новочина.

Въ деревнѣ, расположившись въ домѣ у пылавшаго очага, я почувствовалъ себя лучше, а братушкѣ поручилъ приготовить что-нибудь поѣсть.

Накрапывавшій съ утра дождикъ пошелъ сильнѣе. Немного погодя, вернулся Будбергъ и тоже подсѣлъ къ очагу. Люди только-что успѣли поставить лошадей подъ навѣсъ и укрыться сами по избамъ, какъ дождь хлынулъ какъ изъ ведра. Братушка поставилъ передъ нами котелокъ съ какимъ-то варевомъ, за которое мы съ удовольствіемъ принялись, но не успѣли отвѣдать его приготовленія, какъ вбѣжалъ въ комнату Болгаринъ и кричитъ: «Черкесы, Черкесы!» Мы вскочили. «Бѣги, займи скорѣй опушку деревни», сказалъ мнѣ поручикъ Будбергъ. Я наскоро одѣлся и выбѣжалъ на улицу. Пор. Будбергъ стоялъ на балконѣ и смотрѣлъ въ бинокль на дорогу. Въ деревнѣ поднялась суматоха; жители, привыкшіе къ этимъ передрягамъ, всѣ были въ сборѣ. Скарбъ уже былъ уложенъ въ каруцы, а большинство на вьюки, и уходили уже въ горы. Я, собравъ выбѣжавшихъ на улицу своихъ людей, побѣжалъ съ ними къ опушкѣ деревни, обнесенной плетнемъ и обрытой впереди его канавой. Добѣжавъ до плетня, я приказалъ людямъ разсыпаться вдоль него, но не стрѣлять, боясь ошибки: могли и наши Кубанцы или Терцы идти съ той стороны. Въ это время съ пригорка спускалась сотня въ буркахъ и башлыкахъ, съ развѣвающимся впереди значкомъ. Прибѣжалъ и пор. Будбердъ съ остальными людьми. Приближавшіеся шли спокойно; мы выжидали, пока они подъѣхали къ изгороди, и тутъ я узналъ, что это Кубанцы, по впереди ѣхавшему сотенному командиру Парахоменко.

Посмѣявшись переполоху, произведенному ими, Болгары сейчасъ же увидали ошибку и тоже возвратились по домамъ.

Немного отдохнувъ, мы поѣхали въ деревню Своды; впереди поѣхалъ пор. Будбергъ, за нимъ по одному оба взвода, а я сзади ихъ. Разговаривая съ Парахоменко, мы немного отстали, и взводы ушли за поворотъ. Подъѣзжаемъ къ перекрестку. Болгаринъ-проводникъ, не зная куда идти, направо или налѣво, спросилъ меня; я шелъ въ первый разъ по этой дорогѣ и тоже не зналъ, куда слѣдуетъ повернуть; рѣшили вправо, зная по расположенію, что деревня правѣе.

Тропинка, сначала спускавшаяся, начала понемногу подниматься, и мы влѣзли, наконецъ, на вершину горы, у подножья которой мелькали огоньки нашей деревни, а спуститься нельзя—обрывъ.

Проводникъ побѣжалъ искать дорогу; мы его, конечно, выругали и слѣзли, чтобы отдохнуть, пока онъ вернется. Тутъ я чуть было не-

остался безъ лошади. Я ее пустилъ пощипать травы, а поводъ закинулъ за луку, какъ это бывало раньше. Когда Болгаринъ пришелъ, отыскавъ дорогу, я всталъ, чтобы взять лошадь, но она бросилась отъ меня и поскакала, скрывшись въ лѣсу. Вѣстовой, бывшій при мнѣ, поскакалъ за ней, но въ темнотѣ, да еще по камнямъ, не могъ догнать и вернулся съ пустыми руками. У Парахоменки въ сотнѣ на счастье оказалась заводная лошадь и, благодаря его любезности, я доѣхалъ въ деревню. Дивизіонъ нашъ уже ушелъ подъ Орханье, а на завтра намъ надо было его догонять. «На чемъ догонять?» думалъ я. Заводныхъ лошадей не было, и я рѣшилъ остаться здѣсь, пока мнѣ не пришлютъ изъ полка другого коня. Вечеромъ пришелъ унтеръ-офицеръ и доложилъ, что, сейчасъ на улицѣ кто-то скакалъ ему навстрѣчу; онъ окликнулъ и отвѣта не получилъ, а скакавшій повернулъ обратно. Мы подумали, не моя ли это лошадь, и оказалось вѣрно; потому что, когда всѣ заснули, она сама пришла и стала въ своемъ взводѣ.

Утромъ мы ушли подъ Орханье.

VI. Занятіе города Орханье.—Арабъ-Конакъ.

Къ полку нашъ дивизіонъ присоединился въ Орханейской долинѣ, во время рекогносцировки Орханейскихъ укрѣпленій отрядомъ генерала Эллиса, въ который вошелъ и нашъ полкъ. Мы подошли въ самый разгаръ этой рекогносцировки, когда наѣздники наши завязали перестрѣлку съ Черкесами, а пѣшая батарея посылала гранаты по укрѣпленіямъ, расположеннымъ за городомъ.

Турки отвѣчали изъ горныхъ орудій, но снаряды ихъ ложились въ цѣпи наѣздниковъ, не долетая до насъ, да и нашимъ девятифунтовымъ орудіямъ приходилось подрывать хоботъ, чтобы снарядъ достигалъ Турецкихъ укрѣпленій. Орханейская долина представляетъ довольно большую площадь, окруженную горами, а къ Югу виднѣлись вершины Большихъ Балканъ. Среди этой равнины расположенъ небольшой городъ Орханье, надъ которымъ возвышалась какая-то оранжевая башня; мы эту башню приняли за колокольню Греческой церкви, и не стрѣляли по ней. Городъ былъ брошенъ жителями и войсками. По долинѣ извивалось Софійское шоссе, проходя черезъ городъ и скрываясь въ ущельяхъ горъ, по склонамъ которыхъ расположены были редуты и ложементы, а за ними раскинулся Турецкій лагерь. Склоны горъ пестрѣли конусообразными бѣлыми палатками, а въ одномъ мѣстѣ виднѣлись двѣ соединенныя вмѣстѣ палатки оранжеваго цвѣта.

Предполагая, что это палатка самого паши, мы направляли по ней выстрѣлы, но впослѣдствіи оказалось, что это была конюшня паши.

Войскà въ Турецкомъ лагерѣ, видя нашу малочисленность и не предполагая ничего серьезнаго съ нашей стороны, оставались въ покоѣ и продолжали свои занятія. Кое-гдѣ дымились костры. Турки варили обѣдъ. Въ городѣ не было замѣтно никакого движенія, только изрѣдко мелькали Черкесы, наблюдая за нами.

Черезъ нѣсколько часовъ перестрѣлки, мы отошли назадъ на бивуакъ, за деревню Провцы.

На пути черезъ деревню Провцы, брошенную жителями, намъ попалось стадо свиней. Сейчасъ же началась охота по этому вкусному звѣрю. Многіе спѣшились и ловили ихъ арканами; а одинъ, желая свинью подловить на пику, погнался за ней верхомъ, проткнулъ ее, но не соразмѣрилъ удара: пика воткнулась въ землю и выбила улана изъ сѣдла. Онъ растянулся вмѣстѣ съ лошадью и свиньей на берегу пересѣкавшаго деревню ручья, чтò возбудило общій смѣхъ. Охота эта вышла неожиданная, и нельзя было видѣть безъ смѣха, какъ возились люди со свиньями, путая ихъ арканами, а тѣ вырывались съ неистовымъ крикомъ и сбивали ихъ съ ногъ. Хохотали всѣ, и зрители, и дѣйствующія лица. Наконецъ, къ общей радости, свиньи были переловлены, и мы поздравили себя съ хорошимъ ужиномъ. За деревней были расположены укрѣпленія Правецъ, взятыя л.-гв. Семеновскимъ полкомъ и стрѣлками. Впереди ихъ теперь стали наши аванпосты, а въ самыхъ укрѣпленіяхъ главный караулъ, полкъ же расположился на бивуакѣ. Офицеры нашего эскадрона помѣщались въ сараѣ на высокомъ каменномъ фундаментѣ, почему-то безъ одной стѣны, которую завѣсили палатками. Лѣстницы не было, и мы карабкались наверхъ по кирпичамъ.

Отрядъ нашъ, подъ командой генерала Эллиса, состоялъ изъ нашего полка, лейбъ-гусарскаго, пѣшей батареи, л.-гв. Московскаго полка и бригады стрѣлковъ, тогда какъ Турецкій отрядъ, защищавшій Орханейское ущелье, состоялъ изъ нѣсколькихъ таборовъ, т.-е. баталіоновъ, съ горною артиллеріей и нѣсколькихъ сотенъ Черкесовъ. На другое утро мы опять выступили подъ г. Орханье.

Взводъ нашего эскадрона, подъ командой корнета Гертига, занялъ ложементы, брошенные Турками лѣвѣе города и, какъ вчера, завязалась довольно жаркая перестрѣлка съ Черкесами. Батарея наша также выѣхала дальше впередъ на холмикъ и обстрѣливала Турецкій лагерь.

Мы сегодня хотѣли ближе познакомиться съ укрѣпленіями Турокъ, и офицеру генеральнаго штаба было поручено осмотрѣть ихъ.

Лейбъ-гусары въ это время осматривали Лютаковскія укрѣпленія. Часа въ четыре вернулись мы на бивуакъ, чтобы на завтра утромъ повторить опять тоже. На разсвѣтѣ услыхали мы сильную канонаду, какъ бы впереди насъ и позади Турокъ; никто не могъ объяснить намъ, что̀ это за канонада.

15-го Ноября въ обыкновенное время выступили мы подъ Орханье и, придя на старое мѣсто, нашли все какъ было на своихъ мѣстахъ. Казалось только, какъ будто палатки порѣдѣли и въ лагеряхъ было какое-то особенное движеніе, а дальше въ горахъ виднѣлись отдѣльныя части Турецкихъ войскъ. Эти колонны куда-то двигались Черкесы попрежнему выѣхали на перестрѣлку, но вскорѣ ушли. Орудія наши открыли огонь по лагерю, но отвѣта не послѣдовало.

На правомъ флангѣ нашего расположенія показалась сотня Черкесовъ, какъ бы желая атаковать насъ. Нашъ эскадронъ былъ высланъ навстрѣчу, и Черкесы, немедленно укрывшись въ городъ, ушли дальше въ укрѣпленія. Въ лагерѣ, какъ и всегда, кое-гдѣ дымились костры. Мы недоумѣвали, что̀ все это значитъ. «Не ушли ли они совсѣмъ», догадывались нѣкоторые, «а можетъ быть заманиваютъ?» Недоумѣніе было общее, и чтобы разсѣять его, нашъ полкъ послали пройти городъ, осмотрѣть его и пройти къ укрѣпленіямъ. Пошли на рысяхъ, кто прямо въ городъ, а кто въ обходъ. Въ городѣ ни души, вездѣ все тихо и пусто; идемъ дальше къ укрѣпленію—тоже нѣтъ никого. Турки бѣжали, и лагерь оказался брошенъ. Ихъ напугала, какъ оказалось, канонада, которую мы слышали утромъ. Они предполагали, что мы ихъ отвлекаемъ, тогда какъ другой нашъ отрядъ обходитъ ихъ съ тылу.

Впослѣдствіи оказалось, что это генералъ Гурко бралъ городъ Этрополь. Сейчасъ же былъ посланъ эскадронъ преслѣдовать Турокъ, но ихъ и слѣдъ простылъ, а повсюду попадались брошенныя телѣги съ кладью и патронами, да нѣсколько Турокъ засѣло въ караулкахъ на шоссе.

Генералъ Эттеръ подалъ сигналъ трубачамъ и приказалъ играть маршъ, чтобы съ музыкой войти въ городъ Орханье, но лишь только трубачи заиграли, какъ немедленно ихъ разогнали. Трубы оказались всѣ поломаны, такъ что невозможно было извлечь изъ нихъ сколько-нибудь пріятный звукъ. Меня послали со взводомъ узнать, не бѣжали ли Турки изъ Лютакова. Я поѣхалъ, но лишь только въѣхалъ на возвышенность, отдѣлявшую Орханейскую долину отъ Лютаковской, какъ изъ редута показался дымокъ, а вслѣдъ за нимъ разорвалась недалеко отъ насъ граната. Мы остановились. Турки сами заявляли о своемъ

существованіи, продолжая посылать по насъ гранаты. Постоявъ немного, мы повернули назадъ, чтобы доложить о пребываніи Турокъ въ Лютаковѣ. На спускѣ въ равнину намъ встрѣтился генералъ Эттеръ съ батареей и лейбъ-гусарами. Онъ шелъ на выстрѣлы. «Это по васъ стрѣляли Турки?» спросилъ онъ, поровнявшись со мной. «По насъ, сидятъ еще», сказалъ я и поѣхалъ отыскивать свой эскадронъ.

Пѣхота наша заняла ложементы Орханье, ожидая, не будетъ ли нападенія изъ Лютакова.

Проѣзжая мимо Турецкаго лагеря и замѣтивъ козъ, бродившихъ между палатками, мы заѣхали туда захватить ихъ.

По всѣмъ признакамъ, быстро, должно быть, Турки бросили свои позиціи: даже на кострахъ, еще тлѣвшихъ, стояли котелки съ варившимся въ нихъ рисомъ, и ложки были воткнуты въ нѣкоторыхъ изъ нихъ; никто не тронулъ этого риса, боясь какой-нибудь хитрости со стороны Турокъ.

Уланы осмотрѣли палатки и побрали тамъ всякой всячины. Много валялось въ лагерѣ свиней, которыхъ Турки покололи штыками, чтобы онѣ сдохли и не достались намъ. Въ одномъ мѣстѣ лежалъ убитый Болгаринъ, прикрытый какою-то тряпкой, вѣроятно заподозрѣнный въ шпіонствѣ или не исполнившій какихъ-нибудь порученій Турокъ.

Невольно залюбовался я тщательною отдѣлкой и замѣчательнымъ устройствомъ укрѣпленій; какъ игрушечные, красовались они, гдѣ посыпанныя песочкомъ, гдѣ зелѣнѣлись, обложенныя дерномъ. Въ ложементахъ для каждаго солдата устроено было небольшое углубленное сидѣнье, а между сидѣньями стояли ящики съ патронами; такъ они и были брошены.

Это изобиліе патроновъ поражало насъ; слѣдовательно Турокъ, сидя въ своемъ мѣстѣ, куда бы ни совалъ рукой, даже зажмурившись, непремѣнно попадалъ въ ящикъ съ патронами, и только этимъ порядкомъ можно объяснить себѣ тотъ убійственный огонь, которымъ они насъ постоянно угощали. Повидимому, Турки хлопотали не о нападеніи, а разсчитывали засыпать насъ свинцомъ и озадачить непрерывнымъ огнемъ.

Въ одномъ изъ ущелій за укрѣпленіями находилась деревня Врачеша; тамъ было захвачено нами нѣсколько Турокъ, сидѣвшихъ передъ очагомъ въ избѣ и мирно болтавшихъ, покуривая. Они ошалѣли, когда мы, привлеченные дымомъ изъ трубы, вошли въ избу.

Нѣкоторые было бросились къ ружьямъ, стоявшимъ въ углу, но сейчасъ же оставили ихъ въ покоѣ и сдались безъ сопротивленія. Они даже не подозрѣвали, что ихъ войска давно ушли и мы уже хозяйничаемъ у нихъ въ лагерѣ.

Изъ лагеря мы пошли догонять своихъ. Все шоссе было усѣяно ящиками съ патронами и гранатами, телѣгами, нагруженными палатками и всякимъ имуществомъ; зарядные ящики и все это доказывало ту поспѣшность, съ которой Турки уходили, чуть ли не превращая это отступленіе въ бѣгство. Кое гдѣ по шоссе стояли небольшія каменныя караулки, около которыхъ валялось по пяти-семи убитыхъ Турокъ. Это наши, преслѣдуя, бѣгущихъ, должны были выбивать «низамъ», засѣвшій въ эти караулки и стрѣлявшій изъ оконъ, чтобы задержать наше преслѣдованіе.

Корнетъ Брамсъ взялъ такую караулку приступомъ.

Вскорѣ намъ встрѣтился нашъ первый эскадронъ съ полков. Горденинымъ, возвращавшійся изъ преслѣдованія. Я спросилъ, гдѣ второй эскадронъ; полков. Горденинъ сказалъ, что идетъ слѣдомъ, но такъ какъ очередь выставить посты эту ночь была нашего эскадрона, то послалъ меня занять оба ущелья у деревни Врачеши постами.

Въ первомъ ущельѣ я поставилъ постъ еще засвѣтло; въ другомъ къ сторонѣ Лютакова пришлось ставить совсѣмъ въ темнотѣ, а деревня, расположенная въ этомъ ущельѣ, тянется безъ конца. Я не рѣшился идти далеко по ней, не зная мѣстности и на первой просторной площадкѣ поставилъ постъ съ приказаніемъ осмотрѣть и не зѣватч. Теперь мнѣ самому надо было выбраться изъ этого лабиринта, чтобы донести гдѣ мною поставлены посты. Долго не могъ я выѣхать изъ деревни, все попадая изъ двора во дворъ. Наконецъ влѣзъ на какую-то каменную высоту; лошадь остановилась и не идетъ; я слѣзъ, ощупываю ногами и чувствую, что стою на краю обрыва, повернулъ назадъ, кое-какъ спустился и выѣхалъ на открытое мѣсто, но сбился съ направленія куда ѣхать. Гдѣ-то игралъ пѣхотный рожокъ, я поѣхалъ на него; немного спустя, послышался стукъ копытъ по шоссе, топотъ приближался, я окликнулъ. Оказалось, нашъ унтеръ-офицеръ, посланный отыскивать меня. Тутъ уже по шоссе было не трудно добраться до эскадрона, который, ставъ въ главный караулъ у входа въ ущелье выставилъ постъ на шоссе къ сторонѣ Арабъ-Конака. Ночь была довольно морозная, а изъ ущелья, какъ изъ громадной трубы, дулъ сильный холодный вѣтеръ. Не было возможности даже развести костеръ: дрова разносило въ разныя стороны. Мы отошли немного на-

задъ и стали за выступомъ скалы, гдѣ вѣтеръ насъ не тревожилъ. По склону выступа, у котораго мы стояли, бѣлѣлись брошенныя Турецкія палатки; я съ двумя уланами полѣзъ туда и, выбравъ одну, притащилъ внизъ. Разставивъ ее, мы всѣ забрались въ нее и развели даже маленькій костеръ у входа.

Турецкія палатки очень удобныя, и я былъ доволенъ, что Орханье меня наградило одной изъ нихъ, въ которой я укрывался отъ непогоды и палящихъ лучей южнаго солнца весь походъ. Я привезъ ее съ собой въ Россію, гдѣ она долго служила мнѣ шалашомъ въ пчельникѣ.

Большіе склады достались намъ отъ Турокъ, въ которыхъ наши уже успѣли побывать и привезти оттуда черныя суконныя лазаретныя одѣяла съ зеленой луною на одномъ углу; они намъ послужили одѣялами и лошадямъ попонами. Тамъ же отыскали запасы пшеничныхъ галетъ Англійскаго приготовленія. Это родъ нашихъ сухарей, приготовленныхъ въ видѣ лепешекъ. Долго мы возились съ ними, чтобы размягчить ихъ, но все не удавалось; я разсердившись бросилъ галетку въ костеръ, она попала на уголь и черезъ нѣсколько минутъ мы замѣтили, что галетка распухаетъ, мы ее вытащили и попробовали на зубъ; оказалось, что она размякла, и секретъ былъ открытъ. Кромѣ того оказался громадный запасъ ячменю и другихъ вещей въ деревнѣ Врачеши, куда на другой день поставили пѣхотный караулъ, чтобы удалить оттуда непрошенныхъ хозяевъ.

Утромъ посты смѣнили, и полкъ пошелъ съ отрядомъ ген. Эллиса по Софійскому шоссе на Арабъ-Конакъ. Шоссе тянулось ущельемъ, извиваясь между скалъ, мѣстами покрытыхъ уже пожелтѣвшей травой и коряжникомъ, а вершины покрыты были, какъ шапкой, лѣсомъ.

Кое-гдѣ по краямъ шоссе торчали ноги или руки убитыхъ Турокъ, которыхъ въ торопяхъ кое-какъ только сверху засыпали землей. Не доходя Арбъ-Конака, занятаго и укрѣпленнаго Турками, насъ остановили и приказали расположиться вправо отъ шоссе.

Кое - какъ мы примостилиись на склонѣ горы у потока, гдѣ также расположился нашъ лазаретный фургонъ съ докторами. Никакихъ запасовъ ни людямъ, ни лошадямъ у насъ не было.

Такъ провели мы ночь. Утромъ сталъ накрапывать дождикъ. Мы ждали какого нибудь распоряженія, надо было позаботиться о хлѣбѣ насущномъ. Со стороны Турокъ послышалась перестрѣлка. Смотримъ, скачетъ ординарецъ нашего командира полка, поручикъ В. Ф. Ореусъ л.-гв. коннаго полка, прикомандированный къ намъ на время войны,

поѣхавшій къ генералу Элиссу, съ приказаніемъ нашему дивизіону немедленно выступить по шоссе къ палаткѣ начальника отряда. Живо посѣдлавъ на рысяхъ, подошли мы къ палаткѣ ген. Элисса, гдѣ остановились и спѣшились. Дождь полилъ какъ изъ ведра и хотя скоро кончился, но насъ промочило насквозь.

Наконецъ вышелъ нашъ полковой командиръ, скомандовалъ «садись!» и повелъ насъ по шоссе къ Арабъ-Конаку. Намъ сказали, что Турки бросили укрѣпленія какъ въ Орханье, и бѣгутъ, а мы идемъ ихъ преслѣдовать. Впереди шелъ авангардъ, взводъ 1-го эскадрона, подъ командою корнета Брамса. Между эскадронами шли два орудія гвардейской Донской батареи съ своимъ батарейнымъ командиромъ, полковникомъ Короченцевымъ; взводъ лейбъ-гв. Московскаго полка замыкалъ шествіе. Въ такомъ порядкѣ мы втянулись въ ущелье, упиравшееся въ высокую гору, вершина которой была окутана туманомъ; здѣсь шоссе сворачивало круто вправо, куда скрылся нашъ авангардъ.

Мы остановились у поворота; послышался залпъ. «Это залпъ, говорю я ротм. Баструеву».—«Нѣтъ, душа моя, это вѣтеръ шумитъ», отвѣтилъ онъ; но послышались новые залпы, убѣдившіе насъ, что это не вѣтеръ. Вернулся корн. Брамсъ со взводомъ и доложилъ ген. Эттеру, что Турки въ нѣсколько ярусовъ по обѣ стороны шоссе нарыли ложементы, сидятъ въ нихъ и встрѣтили его залпами. Мы были въ полномъ недоумѣніи: какъ же это Турки бѣгутъ и въ тоже время сидятъ въ ложементахъ и стрѣляютъ. Генералъ Эттеръ приказалъ выдвинуть орудіе и открыть огонь. «Куда прикажете стрѣлять, ваше превосходительство?» спросилъ полковникъ Короченцевъ. «Вотъ именно (это была его любимая поговорка) стрѣляйте куда нибудь» отвѣтилъ ген. Эттеръ сердясь, что выходитъ какое-то недоразумѣніе. Въ это время съ Турецкой стороны прибѣжалъ Болгаринъ, работавшій у нихъ на мельницѣ гдѣ-то неподалеку на горной рѣчкѣ и воспользовавшійся первой удобной минутой для побѣга.

Конечно его сейчасъ же засыпали вопросами, что̀ дѣлаютъ Турки, гдѣ они, уходятъ или нѣтъ? и т. д.

Болгаринъ сказалъ, что, напротивъ, Турки и не думаютъ уходить, а укрѣпляются и что главный редутъ ихъ, на который они тащутъ въ настоящее время орудія, именно эта гора, подъ которой мы теперь стояли, а что онъ какъ только услыхалъ, что Русскіе близко, бѣжалъ отъ Турокъ. Теперь всѣ встали втупикъ, какъ преслѣдовать непріятеля, не желающаго бѣжать, и чтобы разрѣшить этотъ вопросъ, послали поручика Ореуса доложить генералу Элису обо всемъ и спросить

дальнѣйшихъ распоряженій. Пор. Ореусъ вернувшись доложилъ, что генералъ Элисъ сказалъ: «примѣняйтесь къ обстоятельствамъ». Постоявъ немного въ раздумьѣ, мы повернули назадъ. Все это, какъ выяснилось потомъ, произошло черезъ небрежную рекогносцировку, произведенную офицеромъ генеральнаго штаба, рѣшившимъ только на основаніи слышаннаго шума, что Турки бѣгутъ, почему мы были посланы ихъ преслѣдовать и, благодаря туману, окутавшему ихъ главную батарею, которая обстрѣливала шоссе, они насъ не видали, и мы остались цѣлы.

VII. Въ Орханейской долинѣ. — Д. Чуріакъ. — Арабъ-Конакъ — Д. Лепсаны.

Дѣлать намъ на Арабъ-Конакѣ положительно было нечего, и насъ въ тотъ же день отпустили въ Орханейскую долину, куда мы пришли уже вечеромъ и стали на бивуакъ, не доходя города вправо отъ шоссе; а 2-ой дивизіонъ ушелъ на изслѣдованіе перевала въ Софійскую долину по тропинкамъ для обхода Арабъ Конака, по направленію къ дер. Чуріаку.

Поставили палатки, развели костры и предались отдыху. Я сразу почувствовалъ себя дома. Въ моей палаткѣ помѣстились всѣ офицеры нашего эскадрона. На другой день вернулся второй дивизіонъ, и полкъ перешелъ на другую сторону шоссе на полянку, гдѣ было нѣсколько хатъ, въ которыхъ размѣстились офицеры. Такъ мы простояли нѣсколько дней безъ всякаго дѣла.

Выйдя какъ-то утромъ наружу, мы услыхали со стороны Арабъ-Конака сильную стрѣльбу. Это всѣхъ взволновало; мы знали, что нашъ отрядъ на горахъ, сравнительно съ Турецкимъ, ничтоженъ, хотя и подошли туда еще пѣхота и артиллерія. Вскорѣ прибыли посланные съ Арабъ-Конака съ требованіемъ подкрѣпленія артиллеріи и съ донесеніемъ, что Турки атакуютъ наши позиціи всѣми силами. Послана была не помню какая батарея, а нашъ полуэскадронъ съ ротм. Баструевымъ во главѣ пошелъ въ прикрытіе. Взводомъ командовали я и корн. Гертигъ.

Въ сумеркахъ мы пришли на горы, куда за нами шли также и лазаретные фургоны.

Раненыхъ было порядочно. По шоссе всюду навстрѣчу намъ попадались фургоны съ ранеными, а кто могъ плелся пѣшкомъ; атака была отбита, и теперь шла разборка и приборка. Разсказывали про Московскій полкъ, какъ ихъ командиръ, полковникъ Грипенбергъ, подоспѣвшій съ баталіономъ навыручку нашихъ батарей, бывшихъ почти уже въ рукахъ насѣдавшихъ Турокъ, крикнувъ: «Разступись ар-

тиллерія, Московцы идутъ!», стремительной атакой въ штыки опрокинулъ неожидавшихъ такого натиска Турокъ, и орудія были спасены.

Батарею нашу сейчасъ же послали на горы, а насъ оставили ночевать. На другой день приказано было одинъ взводъ отпустить, а другому оставаться. Ротм. Баструевъ, чтобы рѣшить кому оставаться, а кому идти назадъ, далъ намъ съ корн. Гертигомъ тянуть узелки; мнѣ вышло оставаться. Взводъ мой поставили за главнымъ пѣхотнымъ карауломъ у потока. Поставили и забыли про насъ. Мы сидѣли около костра, поглядывая на огонекъ. Лошади стояли понуро, безъ корма. Людей разобрали для разныхъ командировокъ: одного поставили караулить муку, и онъ, чувствуя по себѣ, что мы голодаемъ, провернулъ дыру въ кулѣ и насыпалъ себѣ муки въ карманы, и когда его смѣнили, то принесъ намъ. Обрадованные такой находкой, мы отыскали жестяную крышку и, смазывая ее кусочкомъ завалявшагося сальца, немножко съ загарцемъ, начали печь не то блинцы, не то лепешки, которыми одѣлялъ насъ по очереди пекшій ихъ уланъ.

У пѣхоты, на небольшой полянѣ внизу, паслось цѣлое стадо барановъ; я далъ денегъ одному изъ людей и послалъ войти въ соглашеніе съ караульнымъ, но посольство оказалось неудачнымъ, и снова принялись за лепешки.

Весь слѣдующій день мы простояли ничего не дѣлая и не получая никакихъ приказаній; намъ даже не объяснили цѣли нашего пребыванія здѣсь.

На слѣдующее утро насъ разбудила ружейная и артиллерійская стрѣльба. Перестрѣлка мало-по-малу становилась серіозной, пули ложились, въ главномъ караулѣ нѣсколько человѣкъ было ранено. У меня обошлось благополучно; мы только послушивали, какъ они посвистывали на разные голоса. Начальство задвигалось, поскакали ординарцы, адъютанты, офицеры генеральнаго штаба; все пришло въ движеніе, одни мы оставались покойны и забыты. Когда перестрѣлка угрожала перейти въ наступленіе, то передъ нами явился штабный съ вопросомъ: «гдѣ вашъ офицеръ?» Я поднялся и подошелъ. «Я командую взводомъ», говорю ему. «Вамъ приказано, въ случаѣ если Турки собьютъ нашу пѣхоту и артиллерію, остановить ихъ своими атаками», сказалъ штабный. Я обернувшись посмотрѣлъ на своихъ людей, копошившихся у костра и, показывая ему, замѣтилъ: Кого же я остановлю? Вотъ весь мой взводъ, я самъ девятый».—«Это все равно», сказалъ онъ уходя, «такъ приказано».

Въ скоромъ времени взводъ Астраханскихъ драгунъ смѣнилъ насъ. Уходя изъ авангарда, мы прошли мимо палатки начальника отряда, который благодарилъ насъ отъ души. Дѣло это кончилось небольшимъ количествомъ убитыхъ и раненыхъ съ нашей стороны и массой у Турокъ. Отъ Арабъ-Конака до Орханье стояла уже летучая почта отъ нашего третьяго эскадрона. На пути къ Орханье намъ попался навстрѣчу корнетъ Гертигъ, который, чтобы поддразнить меня, пресеріозно сказалъ: «Тебя Баструевъ назначаетъ ѣхать за фуражемъ». Я, недовольный безтолковымъ сидѣньемъ на Арабъ-Конакѣ, сразу не понялъ шутки. «Ну нѣтъ», говорю, мы устали, и никуда я не поѣду, кромѣ какъ домой; ступай самъ за фуражемъ».

Жизнь на бивуакѣ около Орханье потекла скучная; даже маркитанта, помѣстившагося въ городѣ почти, не посѣщали: надоѣлъ.

Погода сдѣлалась измѣнчивая, временами моросилъ дождикъ и шелъ снѣгъ, сейчасъ же таявшій. Развлекались игрой въ штосъ, банкъ; но макао ихъ вытѣснило. Тишина нарушалась частыми перестрѣлками, доносившимися съ Арабъ-Конака. Слухи изъ-подъ Плевны приходили самые разнорѣчивые, имъ никто не вѣрилъ. Ждали съ нетерпѣніемъ развязки подъ Плевной и похода за Балканы. Это однообразіе было нарушено маленькимъ пожаромъ у офицеровъ 4-го эскадрона, устроеннымъ по винѣ корнета Ѳедорова, вернувшагося изъ Кавказской бригады обратно въ полкъ. Онъ, лежа на соломенной постели около печки, мечталъ по обыкновенію о чемъ-то, забавлялся подбрасываніемъ этой соломы въ печь и по разсѣянности не замѣтилъ, какъ загорѣлась постель, пока товарищи, увидавъ это, закричали ему. Бросились тушить; но моментально дымъ, наполнивъ маленькую комнатку, выгналъ всѣхъ вонъ. Сбѣжались деньщики и кое-какъ потушили этотъ пожаръ. Этотъ случай нѣсколько оживилъ насъ; шуткамъ не было конца.

Еще была довольно скучная и однообразная служба: содержаніе аванпостовъ по дивизіонно, чередуясь съ лейбъ-гусарами, противъ Лютаковскаго укрѣпленія, занятаго еще небольшимъ отрядомъ Турокъ, которые походили болѣе на засыпающихъ осенью мухъ и нисколько насъ не безпокоили.

На аванпостахъ промокали мы насквозь и, грѣясь кое-какъ у костровъ, попивая кипяченый въ котелкѣ чай, засыпали тутъ же на землѣ, покрытой лужами, вокругъ того же костра, кутаясь въ бурки. Не смотря на запрещеніе по уставу разводить костры на аванпостахъ, на каждомъ посту у насъ тлѣлись костры, по которымъ мы отыскива-

ли ихъ ночью для смѣны. Крайній, на лѣвомъ флангѣ, постъ былъ яблокомъ раздора: тамъ были двѣ плетневыя стѣны подъ крышей. Въ этой развалинѣ разводили мы костеръ, и весь постъ съ офицеромъ, исключая конечно часоваго, укрывался отъ непогоды. Этотъ крайній постъ стоялъ у подошвы возвышенности, занятой Финскими стрѣлками, которые, наблюдая зорко за укрѣпленіемъ, не позволяли Туркамъ ночью разводить костровъ; они стрѣляли почти безъ промаха по бродившимъ тѣнямъ около огней, результатомъ чего было, что тѣни разбѣгались и костеръ загасалъ, а Турки мерзли. Когда выпалъ снѣгъ, Лютаковъ былъ брошенъ Турками, и мы нашли тамъ нѣсколько человѣкъ замерзшими.

Разъ какъ-то ночью, смѣнившись съ постовъ, лежали мы бесѣдуя около костра; темнота была, какъ говорится, «хоть глазъ коли», такъ что посланный унтеръ-офицерскій разъѣздъ, не разглядѣвъ оврага, оборвался и свалился въ кручу; но все обошлось благополучно. Вдругъ слышимъ быстро приближающійся конскій топотъ. «Что такое? Ужъ не случилось ли что-нибудь въ цѣпи?» Всѣ насторожились. Прискакалъ нашъ унтеръ-офицеръ съ постовъ и докладываетъ командиру дивизіона, что у нихъ впереди цѣпи бѣгаютъ Турки съ какими-то огоньками и забѣгаютъ намъ въ тылъ. Мы удивились, зачѣмъ это Турки будутъ бѣгать, да еще съ огоньками и какимъ образомъ они могутъ забѣгать къ намъ въ тылъ. Сейчасъ же были посланы разъѣзды, которые ни Турокъ, ни огоньковъ не нашли; такъ мы и остались въ недоумѣніи, что̀ это могло быть.

Дни тянулись за днями. Но вотъ какъ-то будятъ насъ ночью: «приказаніе». «Что такое»? спрашиваемъ. «Приказано немедленно приготовиться къ выступленію, но куда не сказано», отвѣтилъ принесшій. Распоряженія по эскадронамъ были сдѣланы, и мы въ ожиданіи приказанія выступать заснули, привыкшіе къ измѣнчивости этихъ предупредительныхъ приказаній. Предусмотрительность наша оправдалась: мы проспали спокойно до утра, и выступать намъ не пришлось. Утромъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ извѣстій и приказаній, мы всѣ собрались посреди бивуака къ пріѣхавшему фотографу Иванову, который состоялъ при арміи. Изъ Орханье доносился какой-то гулъ. Только-что онъ успѣлъ снять съ насъ группы, какъ видимъ скачетъ изъ Орханье пор. Оресусъ, машетъ фуражкой, и что-то кричитъ. Когда онъ подскакалъ ближе, мы слышимъ: «Плевна взята! ура! Сразу ура огласило равнину, фуражки полетѣли вверхъ, восторгу не было конца, всѣ кричали ура, поздравляя другъ друга, обнимались, цѣловались; однимъ словомъ, восторгъ былъ всеобщій, да и было отчего. Вѣдь уже надоѣло намъ си-

дѣть сложа руки. Невольно не разъ вспоминались слова Пушкина: «ворчали старики, чтожъ на зимнія квартиры, не смѣютъ развѣ наши командиры изорвать чужіе мундиры о Русскіе штыки». Въ пылу восторга, слышимъ выстрѣлы, оборачиваемся въ ту сторону и видимъ пожаръ около нашей избы; бѣжимъ узнать что̀ случилось; оказывается горитъ шалашъ, въ которомъ помѣщались нашъ полковой караулъ и нѣсколько плѣнныхъ. Стрѣльба же происходила отъ патронныхъ сумокъ у караульныхъ, которые впопыхахъ не успѣхи ихъ взять изъ шалаша. Тушить было опасно, патроны лопались, и пули свистали въ разныя стороны. Шалашъ сгорѣлъ, но домъ остался цѣлъ.

Со стороны Арабъ-Конака послышались залпы изъ орудій и ружей. Это наши, узнавъ о паденіи Плевны, посылали привѣтствія при крикахъ ура по Турецкимъ укрѣпленіямъ, возвѣщая имъ о плѣненіи Османа-паши. Вѣроятно Турки не особенно были довольны такимъ привѣтствіемъ и ошеломленные внезапно посыпавшимися на нихъ снарядами не сразу поняли ихъ значеніе. Теперь мы узнали, что 28 Ноября Османъ-паша, желая прорваться изъ Плевны на Софійское шоссе, повелъ стремительную атаку на войска нашего обложенія, и этотъ натискъ всѣхъ силъ Турокъ на одно звено обложенія могъ имѣть временный успѣхъ и, чтобы задержать его быстрое движеніе по шоссе въ случаѣ прорыва, сдѣлано было распоряженіе нашему и лейбъ-гусарскому полкамъ подъ командой генерала Эттера выступить къ дер. Яблоницы, т. е. на средину между нами и Плевной, и прикрывать стоявшіе тамъ обозы нашего отряда.

Нашъ маленькій отрядъ, имѣя передъ собой многочисленныхъ Турокъ на Арабъ-Конакѣ, только и могъ выдѣлить навстрѣчу 40-тысячной арміи Османа два полка кавалеріи, и поэтому генералъ Эттеръ, сознавая, чего отъ насъ требуютъ и что поддержки ждать намъ нельзя, попросилъ придачи двухъ орудій нашимъ полкамъ, сказавъ вотъ именно что: «Дайте намъ два орудія, мы костями ляжемъ на пушкахъ и не отступимъ».

Съ паденіемъ Плевны, вся масса осаждавшихъ ее войскъ освободилась и, послѣ нѣкотораго отдыха, должна была двинуться на подкрѣпленіе передовымъ отрядамъ. У насъ начались приготовленія къ переходу Балканъ. Зима вступила и здѣсь въ свои права: равнины и горы покрылись глубокими снѣгами, на бивуакѣ стоять было холодно, и насъ перевели въ городъ, размѣстивъ по домамъ. Морозы и гололедки установились не хуже нашихъ Русскихъ, такъ что Турки и Болгары говорили съ увѣренностью, что мы съ собой принесли свои холода.

Г. Орханье оживился. Пріѣхалъ маркитантъ дѣйствующей арміи, Львовъ, открылъ лавочку и трактиръ, въ которомъ можно было получать обѣдъ изъ консервовъ; конечно, это было только громкое названіе той ужасной гадости, которую подавали намъ за одинъ рубль. Надо отдать справедливость, что цѣна обѣда была дешевая; за то уже все остальное отличалось непомѣрными цѣнами, и не смотря на это, въ трактирѣ происходили даже маленькіе кутежи, обходившіеся очень дорого. Лавочка положительно осаждалась съ утра до ночи желающими получить разные продукты. Толпа денщиковъ и вѣстовыхъ была громадная, а надъ толпой стоялъ шумъ и гамъ невообразимый. Приходилось по нѣскольку часовъ дожидаться очереди: двери были заперты, и торговля производилась въ окно; старались проникнуть черезъ заднюю дверь внутрь. Офицерамъ была нѣкоторая привилегія: ихъ пускали внутрь, но съ неохотою и только тѣхъ, которые хорошо уже поплатились. Иногда желавшіе получить извѣстное количество чего-нибудь получали меньше, отъ недостатка этого товара въ лавочкѣ. Вообще, продукты были не по цѣнѣ. Но мы мирились, признавая это неизбѣжнымъ зломъ войны.

Подкрѣпленія изъ-подъ Плевны мало-по-малу подходили, и всѣ и все готовились къ переходу Балканъ, а мы уже успѣли побывать тамъ. На нашу долю выпало наблюденіе за тропой перевала черезъ нихъ и за Турецкими войсками, расположенными въ Софійской долинѣ, у деревень Потопа и Еленицы.

Ежедневно чередуясь съ лейбъ-гусарами, ходили мы по полуэскадрону въ деревню Чуріякъ, расположенную по ту сторону Балканъ, у входа въ ущелье Софійской долины. Въ деревушкѣ этой стоялъ безсмѣнно третій эскадронъ Астраханскихъ драгунъ, къ которому присоединялись и мы, для охраны ущелья отъ вторженія Турокъ.

Пришла моя очередь идти въ Чуріякъ, и нашъ полуэскадронъ, утромъ выступивъ изъ Орханіи, пошелъ къ Арабъ-Конаку, а затѣмъ, не доходя его, свернулъ вправо на тропинку и стало подыматься по глубокому снѣгу въ горы.

Тропинка, доступная пѣшеходамъ и одиночнымъ всадникамъ съ вьюками, была чрезвычайно крута и въ настоящее время года, занесенная глубокимъ снѣгомъ, представляла довольно утомительное препятствіе. Слѣду не было, намъ пришлось спѣшиться и, утопая по поясъ въ снѣгу, карабкаться вверхъ, держась за намотанный на руку хвостъ лошади, поминутно останавливаясь, чтобы перевести духъ. Подъемъ считался верстъ восемь. Склоны горъ были покрыты лѣсомъ и кустарникомъ, куда набивало сугробы снѣга.

Съ большимъ трудомъ добрались мы до вершины перевала, гдѣ стоялъ казачій постъ. Тутъ у костра присѣли мы отдохнуть, но не успѣли придти въ себя, какъ послышались выстрѣлы, и мы, узнавъ отъ казаковъ, что это началась перестрѣлка въ Чуріякѣ, немедленно двинулись впередъ къ спуску, въ полной увѣренности, что спускаться будетъ легче; но вышло наоборотъ. Южный склонъ, покрытый рѣдкимъ лѣсомъ и подверженный сильнымъ вѣтрамъ, сдувавшимъ снѣгъ, представлялъ собой ледяную гору, по которой было такъ легко спускаться, что не знали за что̀ бы удержаться, чтобы не полетѣть торчмя головой, вмѣстѣ съ лошадьми, въ кручу. Приходилось лошадей, направивъ на какое-нибудь препятствіе, слегка поталкивать. Онѣ катились, часто садясь на крупъ, натыкаясь на камышекъ пріостанавливались и опять катились до слѣдующей остановки, а мы катились сами по себѣ вслѣдъ за ними, иногда кубаремъ. Навстрѣчу намъ попались вьюки драгунъ; отъ нихъ мы узнали, что Турки въ большомъ числѣ кавалеріи и Черкесы атакуютъ ущелье. Ускорить свое движеніе мы не могли, и катясь по одному, съѣхали, наконецъ, на уступъ, который былъ виденъ изъ ущелья. Тамъ дальше пошелъ спускъ нѣсколько легче, и по мѣрѣ нашего приближенія къ подошвѣ его перестрѣлка стала утихать. Турки, видѣвъ нашу растянутую вереницу и предположивъ, что насъ много, медленно начали отступленіе. Мы сошли въ долину и присоединились къ драгунамъ и гусарамъ, которые уже возвращались въ деревушку. Отъ нихъ мы узнали, что Турки сегодня въ большомъ количествѣ и настойчиво наступали въ ущелье. Мы думали, какъ бы не пришлось отступать, поэтому и вьюки отправили назадъ, но благодаря тому, что мы во-время появились на спускѣ, Турки отступили. Эта охрана ущелья въ Чуріякѣ было очень серьезное и въ тоже время безпокойное порученіе. Всего полтора эскадрона стояло противъ двухъ отрядовъ Турокъ, расположенныхъ лагеремъ при деревняхъ Потопѣ и Еленицѣ, въ составѣ всѣхъ родовъ оружій.

Наши полуэскадроны не разсѣдлывали и не раздѣвались, находясь всегда наготовѣ, тогда какъ драгуны, стоявшіе здѣсь, безъ смѣны разсѣдлывали.

Турки, аккуратно каждый день послѣ молитвы, такъ около 12-ти или часа, являлись на перестрѣлку, ведя ее съ меньшимъ или бо̀льшимъ азартомъ, смотря вѣроятно по вдохновенію, а затѣмъ отходили опять къ себѣ въ лагерь. Такъ случилось и при насъ. Только-что мы успѣли пообѣдать, какъ прискакалъ драгунъ и крикнулъ въ окно: «Черкесы наступаютъ!» Нашъ полуэскадронъ, какъ уже осѣдланный, сейчасъ же двинулся въ ущелье; вслѣдъ за нимъ пришли драгуны, спѣ-

шились, залегли по гребню за выступы и камни, поджидая приближенія Черкесовъ, но Черкесы почему-то близко не подъѣзжали. Поболтавшись недолго передъ нами и обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами, они ушли на Потопъ, а мы возвратились въ деревню. Черезъ нѣсколько времени опять насъ потревожили, но тоже напрасно.

Ночь прошла спокойно, и на другой день мы выступили обратно уже послѣ полудня, подождавъ на всякій случай, не замышляютъ ли Турки на сегодня чего-нибудь, но опасенія оказались напрасными: Черкесы не показывались.

Лѣзть обратно на гору по льду было очень затруднительно: вѣтеръ дулъ встрѣчный, сильный, духъ даже захватывало. Съ большими усиліями добрались мы до площадки, на вершинѣ перевала, къ казачьему посту, гдѣ отдохнули. Спускаться теперь было нѣсколько лучше; хотя снѣгу было много, но мы и наша смѣна протоптали тропу. Ближе къ шоссе встрѣтились намъ саперы и Преображенцы, присланные расчищать тропу для артиллеріи и для всего отряда генерала Гурко, т.-е. для общаго перехода чрезъ Балканы.

Орханье наполнялась прибывающими войсками и ихъ штабами, почему насъ перевели изъ Орханье назадъ по шоссе, въ дер. Лежаны. Мы поселились въ домѣ, гдѣ жило семейство Болгаръ, въ которомъ была весьма древняя старуха, помнившая еще походъ Русскихъ при Николаѣ I, въ 1828-мъ г., и не особенно лестно отзывавшаяся о нихъ. Когда на ея разговоры о ходѣ военныхъ дѣйствій, мы ей стали разсказывать, что мы скоро перейдемъ Балканы, возьмемъ Филипополь, Адріанополь, а потомъ Константинополь, и освободимъ ихъ, и что скоро у нихъ будетъ свой князь и т. д., старуха сказала: «Знаю я Москова; сичко земе и Едрене [1]), и кокошку [2]), и Константинполь земѣ и бюилѣ [3]) и сичко земе. Добро тука [4]) направили Московы съ царемъ Николаемъ».

Въ домѣ, занимаемомъ нами, въ окнахъ были вставлены рамы, съ натянутой промасляною бумагой; это все-таки нѣсколько предохраняло насъ отъ стужи и вѣтра, которые въ настоящее время не уступали нашимъ.

[1]) Адріанополь.
[2]) Курица.
[3]) Буйволы.
[4]) Здѣсь.

Мнѣ пришлось какъ-то ѣхать за приказаніями. Былъ сильный морозъ и страшная гололедка. Я въ полушубкѣ и буркѣ, накинувъ на голову башлыкъ, отправился въ деревню Врачешу. Это разстояніе хотя верстъ пять, но при гололедкѣ и вѣтрѣ, да на плохо кованной лошади, поѣздка очень непріятная и затруднительная. Дѣлать нечего, ѣхать было надо. Какъ только выѣхалъ я на шоссе, у лошади ноги раскатились въ разныя стороны, и мы съ ней чуть не растянулись; пришлось свернуть въ сторону и ѣхать краемъ шоссе по снѣгу. Стемнѣло; то и дѣло лошадь то скользитъ, то вязнетъ, вѣтеръ нижетъ насквозь, я ругаюсь; лошадь что-то споткнулась, я ее ударилъ нагайкой, она сразу подалась въ сторону, и я почувствовалъ, что опустился внизъ и ни съ мѣста. Оказалось, что въ сторонѣ отъ дороги была занесенная снѣгомъ яма, въ которую мы съ лошадью и провалились. Пришлось самому сначала выкарабкиваться, а потомъ лошадь вытаскивать. Кое-какъ я добрался до Врачеши. Я не зналъ, гдѣ стоитъ генералъ Раухъ, у котораго слѣдовало получить приказаніе, а въ темнотѣ и въ безалаберно построенной деревнѣ трудно найти что-нибудь. Спрашивалъ я у попадавшихся на улицѣ пѣхотныхъ солдатъ: «гдѣ стоитъ генералъ Раухъ?»—«Не могу знать». Это всегдашній отвѣтъ, который я нахожу очень безсмысленнымъ и который меня всегда сердитъ Не даромъ Суворовъ не любилъ этого отвѣта и называлъ такихъ солдатъ «немогузнайками». Уже по второму отвѣту я началъ ругаться. Проѣзжая мимо одного изъ домовъ, вижу стоитъ часовой у дверей. «Кто здѣсь живетъ?» спрашиваю. «Не могу знать».—«Да какъ же ты не знаешь, у кого стоишь на часахъ?»—«Не могу знать», упорно заладилъ онъ. Съ такимъ дуракомъ не о чемъ было больше разговаривать, и я поѣхалъ дальше. Въ потьмахъ натыкаюсь на сарай, откуда слышится говоръ: вижу выходитъ пѣхотный унтеръ-офицеръ. «Гдѣ живетъ генералъ Раухъ?» кричу я ему. Онъ началъ мнѣ объяснять. Я обрадовался, что наконецъ мои поиски увѣнчались успѣхомъ. «Доведи, братъ, меня пожалуйста», говорю ему. Унтеръ-офицеръ ведетъ меня къ дому, гдѣ стоялъ часовой. «Вотъ здѣсь, ваше высокоблагородіе», говоритъ. «Ну спасибо, братецъ», поблагодарилъ я его и, привязавъ къ забору лошадь, вошелъ въ дверь. Большая комната была полна солдатъ, разныхъ родовъ оружія и наименованій. Тутъ были и строевые, и нестроевые, пѣхотные, артиллеристы и кавалеристы, писаря, вѣстовые, ординарцы и т. д. Все это состояло при штабѣ. Противъ двери тянулась, пересѣкая комнату, стойка, что̀ показывало, что здѣсь раньше была лавка или трактиръ. За стойкой сидитъ писарь. «Гдѣ здѣсь получить приказаніе?» спрашиваю его. «Вотъ извольте списать», говоритъ онъ, подавая мнѣ писанный приказъ. Я сажусь, списываю; вижу

до насъ это совсѣмъ не касается, но дѣлать нечего, доканчиваю. «Больше приказаній нѣтъ?» спрашиваю писаря. «Отъ генерала еще будетъ, извольте подождать».—«Гдѣ же, здѣсь ждать?»—«Такъ точно». Я оглянулся кругомъ. Комнату застилалъ густой дымъ отъ табаку и печки. Солдаты, сидя и лежа, расположились на полу, по всѣмъ угламъ комнаты. Отъ постоянно отворявшейся двери въ комнату всякій разъ врывался бѣлый клубъ холоднаго пара, и морозъ въ ней былъ такой же, какъ и на улицѣ. «Куда эта дверь?» спросилъ я писаря, ткнувъ пальцемъ по направленію двери, виднѣвшейся въ туманѣ, въ лѣвой сторонѣ комнаты. «Тамъ живетъ адъютантъ генерала; они и приказаніе принесутъ». Я пошелъ къ адъютанту и отрекомендовавшись сказалъ, что пріѣхалъ за приказаніемъ, но что оставаться въ той комнатѣ невозможно. Не дождавшись приглашенія, я расположился, поджавши ноги, на полу. Тутъ встрѣтился знакомый конно-гренадерскій офицеръ, тоже пріѣхавшій за приказаніемъ. Адъютантъ, видя мою безцеремонность, сказалъ: «подождите здѣсь, приказъ будетъ часа черезъ два». Завязался разговоръ, во время котораго я перебрался потихоньку на кровать адъютанта и полеживалъ, въ ожиданіи приказа. Такъ благодушествовалъ я съ часъ, пока адъютанту не пришла мысль спросить меня, какого я полка. Вопросъ этотъ не могъ показаться страннымъ въ то время, потому что костюмы у всѣхъ были чрезвычайно разнообразны: всякій ходилъ въ чемъ попало; только было приказано, чтобы на всякомъ костюмѣ были погоны, для отличія офицеровъ отъ нижнихъ чиновъ. На мнѣ былъ черный полушубокъ, подпоясанный саблей, и Кубанская папаха, такъ что на самомъ дѣлѣ было трудно опредѣлить, какого я полка. «Лейбъ-уланскаго», отвѣтилъ я. «Такъ вѣдь вамъ приказаніе нужно получить въ Орханіе, а не у насъ. Вы отряда графа Шувалова, а не нашего».—«Да какъ же меня послали сюда?»—«Это ошибка».—«Ну такъ до свиданья». Досадно мнѣ было, что даромъ прокатился въ такую погоду, и теперь надо возвращаться обратно, такъ какъ Орханіе находилось на полпути отъ насъ во Врачешу.

Въ Орханіе пришлось тоже ожидать приказаній, получивъ которыя я часа въ два ночи пріѣхалъ въ нашу канцелярію къ адъютанту. «Ну», говорю ему, «спасибо за такую прогулку».—«А, что?»—«Да то, что ты меня вмѣсто Орханіе послалъ во Врачеши». «Такъ это ошибка», отвѣтилъ онъ, хладнокровно позѣвывая.

Приказаніе особеннаго ничего не заключало: дѣлались различныя распоряженія относительно приготовленій къ переходу Балканъ. Приготовленія эти шли дѣятельно: запасались фуражемъ, сухарями, одеждой и провизіей, спиртомъ, вообще и каждый отдѣльно запасался кто чѣмъ

могъ. Изъ бараньихъ и овечьихъ шкуръ шили самодѣльныя подобія сапогъ или, лучше сказать, насапожники, что-то въ родѣ трубокъ, надѣвавшихся на сапоги и такія же трубки на руки, долженствовавшія изображать рукавицы.

Маркитантъ Львовъ торговалъ на славу. Картежная игра не прекращалась, всѣ вошли во вкусъ. Я помню, какъ-то вечеромъ у насъ въ избѣ собралось человѣкъ десять, и началась игра въ макао или макашку, какъ мы ее называли; это была у насъ излюбленная. Сначало ставка была рубль, затѣмъ прибавилась до золотого, а потомъ и пошла во всю. Горячились сильно; мнѣ везло, я набилъ золотыми всѣ карманы рейтузовъ и боковой мундира и ужъ наколачивалъ задніе карманы, когда фортуна повернулась ко мнѣ затылкомъ, и карманы мало-по-малу опустѣли. Кое-кто сильно проигрался. Въ банкѣ стояло нѣсколько сотъ золотыхъ; шли кто сколько хотѣлъ, шли и ва-банкъ. Къ общему удовольствію игра кончилась почти ни въ чью.

Почти ежедневно по утрамъ снаряжался полуэскадронъ съ офицеромъ въ д. Врачешу, за ячменемъ. Это была цѣлая комедія, потому что тотъ, кого будили ѣхать, увѣрялъ, что очередь не его, а называлъ кого нибудь другого; будили этого другого, который конечно не соглашался ѣхать и въ концѣ концовъ, перебудивъ всѣхъ, чтобы только поспорить и посердить любителей спанья, ѣхалъ конечно первый разбуженный, довольный тѣмъ, что надѣлалъ общаго сумбура.

Для полученія фуража отъ начальства выдавался ярлыкъ эскадроннымъ командирамъ на то количество ячменя, которое позволяется ему взять изъ Врачешскихъ складовъ. Вѣсъ конечно опредѣлялся на глазокъ, другого приспособленія не было. Ярлыки эти выдавались для того, чтобы каждая часть получала столько, сколько ей нужно корма, а не тащили бы безъ толку. Наши эскадронные командиры были недовольны такимъ стѣсненіемъ, и вотъ какими-то судьбами квартирмейстеръ нашего эскадрона унтеръ-офицеръ Дутченко нашелъ въ концѣ Врачеши цѣлый домъ на отшибѣ, биткомъ набитый ячменемъ и плохо охраняемый часовыми, о чемъ, конечно, донесъ ротмистру. Ротмистръ возрадовался и сейчасъ же снарядилъ полуэскадронъ за фуражемъ. Послѣ утренняго сумбура выяснилось, что на самомъ дѣлѣ была моя очередь ѣхать.

Собравшись я спросилъ ярлыкъ; оказалось, что ярлыка нѣтъ. «Вы, душа моя, такъ возьмите: Дутченко знаетъ», говоритъ Николай Никитичъ. «Да вѣдь меня прогонятъ и ничего не дадутъ», возразилъ я. «Попробуйте, душа моя: Дунченко проведетъ, онъ знаетъ», уговари-

валъ меня Баструевъ. Дѣлать нечего, я поѣхалъ. «Надо, ваше высокородіе, свернуть влѣво и зайти сзаду деревни», говорилъ мнѣ таинственно Дутченко, когда мы подходили къ Врачешѣ; «тамъ мы черезъ крышу достанемъ». Я направился по его указанію. «Ну», говорю ему, «ты дѣлай какъ знаешь, только чтобы намъ не попало». Подъѣхали къ дому, который, какъ видно, Турки, заперевъ изнутри двери и окна, насыпали какъ закромъ подъ самыя балки. Разобрали крышу и начали набивать кули. Часовой, поговоривъ съ Дутченко, ушелъ за уголъ и тамъ караулилъ другой домъ. Насыпавъ полные мѣшки, положили мы ихъ на переднія луки сѣделъ, сѣли сами и справа по одному двинулись въ обратный путь къ шоссе, теперь уже черезъ деревню по мощеной камнемъ и изрытой улицѣ, не допускавшей другого построенія. Прежнимъ путемъ проѣхать съ такимъ грузомъ было нельзя.

Пришлось проѣзжать площадью, занятою пѣхотнымъ карауломъ, гдѣ тутъ же въ домѣ жилъ комендантъ, слѣдившій за правильнымъ расходованіемъ складовъ.

Какъ ни въ чемъ не бывало, я впереди, а за мной чуть не цѣлый эскадронъ выѣхали шагомъ на площадь и пошли къ выѣзду. Мѣшки наши сразу бросились въ глаза караульнымъ, намъ что-то закричали. Я продолжалъ идти дальше; тогда выбѣжалъ унтеръ-офицеръ, а я, какъ будто ничего не замѣчая, скомандовалъ «рысью» и отъѣхалъ въ сторону, пропуская мимо себя людей, какъ бы осматривая, въ какомъ порядкѣ они идутъ.

Унтеръ-офицеръ, добѣжавъ до меня, сказалъ: «комендантъ спрашиваетъ, что̀ везете?» «Ячмень», говорю. «Пожалуйте ярлыкъ!» продолжаетъ онъ приставать. «Какой ярлыкъ?» спрашиваю удивленно. «На отпускъ изъ склада». «Сейчасъ поищу», отвѣтилъ я и полѣзъ по всѣмъ карманамъ искать ярлыкъ, посматривая искоса на уходившій полуэскадронъ. Люди, видя, что пожалуй могутъ остановить и отобрать все, прибавили ходу. Дождавшись, когда послѣдній солдатъ съѣхалъ съ площади, я объявивъ, что ярлыка у меня нѣтъ, повернулъ коня и ускакалъ вслѣдъ за своими изъ деревни, предоставя кричащимъ мнѣ вслѣдъ остановиться, вернуться и разбираться самимъ, какъ имъ заблагоразсудится.

Отбѣжавши отъ деревни порядочно, мы пошли шагомъ и доставили благополучно ячмень домой къ великой радости Баструева. Долго мы смѣялись надъ этой продѣлкой и вѣроятно, благодаря нашимъ разнообразнымъ костюмамъ, караульные не могли опредѣлить, какого мы были полка, почему и въ полкъ не сдѣлали запроса. «Ну, что̀ если бы меня поймали, что̀ бы вы стали дѣлать?» смѣялся я Баструеву.

Орханіе и окрестности все больше и больше оживлялись. Освободившіяся изъ подъ Плевны войска все прибывали. Мы иногда отправлялись на шоссе посмотрѣть, не попадется ли кто изъ знакомыхъ. Тутъ мнѣ пришлось видѣть, какъ-то поздно вечеромъ, проходившій пѣхотный полкъ. Сильно утомлены солдаты, но идутъ бодро приткнувшись одинъ къ другому, а какъ только кто упадетъ и не встаетъ, «что такое?», оказывается уже спитъ. И много труда стоило растолкать такого. Намъ говорили, что даже на ходу ухитрялись спать, продолжая машинально шагать. Въ этотъ вечеръ къ гололедицѣ и холоду присоединилась еще мятель; положеніе этого полка было очень затруднительное.

Съ каждымъ днемъ приближался знаменитый переходъ черезъ Балканы. Наконецъ получили приказъ, назначавшій на слѣдующій день выступленіе. Обозы велѣно было оставить на мѣстѣ, а выступать только съ вьюкомъ. Долго выбирали, кого оставить командовать обозомъ и вѣроятно, какъ самаго младшаго, потому что охотника не находилось, оставили меня. Не смотря на скверную перспективу хожденія по горамъ, по поясъ въ снѣгу, холодному и голодному, я все-таки былъ ею доволенъ.

III часть.

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЯ *).

Колѣно I.

Ой за моремъ, ой за синимъ
По степи растетъ бурьянъ;
Ой за моремъ, ой за Чернымъ
Расплодился Мусульманъ.

*

Тамъ растетъ бурьянъ богатый,
Машетъ красной головой;
Мусульманъ качаетъ важно
Разноцвѣтною чалмой.

*

Взяли бабы косы въ руки
И пошли бурьянъ косить;
Наши храбрые гвардейцы
Стали Турокъ сильно бить.

*

Накосили бабы сѣно,
Извели въ степи бурьянъ;
А гвардейцы настрѣляли
Словно птицу Мусульманъ.

*

Взяли бабы и руками
Опололи степь кругомъ;
Такъ и Турокъ, братцы, надо
Изъ Европы съ корнемъ вонъ.

*

Колѣно II (другой напѣвъ).

Въ семьдесятъ седьмомъ году
Пришли къ Туркѣ ко врагу
Русскія войска. (2)
Шли сюда мы не гулять,
Пришли Турокъ побѣждать
Русскими штыками (2)

*) Сложенная солдатами гвардіи на походѣ 1877—1878 гг.

Повстрѣчался Мусульманъ,
Безъ похмелья сталъ онъ пьянъ.
Что онъ ошалѣлъ? (2)
Какъ подъ Горнымъ Дубнякомъ
Мы валили ихъ рядкомъ,
Знатно разнесли. (2)
Черезъ два дня Телишъ сдали,
Ружья, пушки побросали,
Сами въ плѣнъ пошли. (2)
А изъ Дольня-Дубняка
Турки задали дерка,
Въ Плевну убрались. (2)
Турки въ Плевну убрались
Тамъ задачей задались
Насъ не допущать. (2)
Мы задачи ихъ рѣшали,
Не такія стѣны брали.
Эту, братъ, возьмемъ. (2)
Вспомни, братецъ ты Дубнякъ,
Не командуй въ Плевнѣ такъ,
Лучше покорись. (2)
А не то сами прійдемъ
Нашимъ войскомъ разобьемъ
Осману-пашу. (2)
Груды лягутъ передъ нами,
Мы потопчемъ васъ ногами
Точно въ Дубнякѣ! (2)

Колѣно III (напѣвъ другой).

Мы Дунай переходили,
Турокъ знатно колотили,
Какъ и въ старину.
Не прошло и двѣ недѣли,
Какъ къ Балканамъ подлетѣли
Словно на парахъ.
Шипку занялъ храбрый Гурко,
На утекъ бѣжали Турки,
Кто куда поспѣлъ.
Храбрый Скобелевъ герой
Вздумалъ, братцы, той порой
Плевну потрясти.
А на Шибкѣ нашъ Радецкій
Разгромилъ по молодецки
Весселя-пашу.
Мы къ Софіи подступали,
Города всѣ перебрали,
Турки все бѣгутъ.
Всю Европу удивили,
Что морозы захватили
Чуть не въ облакахъ.

Полтораста тысячъ Турокъ
Мы набрали словно чурокъ,
Пушки, знамена.
Мы пойдемъ въ Константинополь
И возьмемъ Адріанополь,
Будемъ пировать!

*

ЗА БАЛКАНЫ КЪ КОНСТАНТИНОПОЛЮ.

I. Стоянка въ городѣ Орханье, въ горахъ.

12-го Декабря 1877 г. полкъ нашъ ушелъ къ подножью тропы черезъ Балканы дожидаться своей очереди идти на перевалъ, который онъ и перешелъ 16 Декабря черезъ Имургагъ. Я былъ оставленъ съ больными лошадьми завѣдывать обозомъ, стоявшимъ въ д. Правцы, куда я немедленно и перебрался. Первые дни не найдя себѣ квартиры, я воспользовался любезнымъ приглашеніемъ Бирюкова поселиться у него. Комната была такъ низка и мала, что я не могъ стоять во весь ростъ и, каждый разъ забывая объ этомъ, стукался макушкой въ потолокъ или на ходу стукался лбомъ о балки. Понятное дѣло, эти постоянныя стукушки выводили меня изъ терпѣнія; я неистово ругался и, наконецъ послѣ одной изъ болѣе чувствительныхъ стукушекъ, выскочилъ изъ комнаты, чтобы болѣе туда не возвращаться. Да и хозяинъ этой квартиры оказался человѣкъ не веселый и въ другихъ отношеніяхъ не подходящій.

Поискавъ не долго, я нашелъ себѣ маленькую комнатку въ Болгарскомъ семействѣ, куда денщикъ перетащилъ небольшой мой скарбъ. Напротивъ моей избы жилъ старикъ Исеновъ, сотникъ Осетинскаго дивизіона Кавказской казачьей бригады, оставшійся по нездоровью съ нѣсколькими своими Осетинами-всадниками, тоже больными. Кромѣ того онъ поджидалъ съ Кавказа сына, шедшаго съ дополнительной Осетинской сотней.

Занятій у насъ никакихъ не было, и я большую часть времени проводилъ у нихъ. Жарили шашлыки, пили красное винцо, однимъ словомъ благодушествовали, насколько позволяли обстоятельства. Наблюдавшій за общимъ порядкомъ въ нашемъ округѣ, жандармскій полковникъ Шевичъ, началъ конечно заводить свои порядки; въ томъ числѣ было приказано передвинуть обозы въ г. Орханье. Надо было и мнѣ устраиваться, но только въ смыслѣ порядка, такъ какъ все продовольствіе обоза, людей и лошадей возложено было на Бирюкова, который до невозможности началъ экономничать.

Приходилось фуражъ возить изъ ближайшихъ деревень, и я для большаго удобства отправилъ всю команду больныхъ лошадей въ деревню неподалеко отъ Орханье, гдѣ было достаточно фуража.

Выбравъ старшаго по лѣтамъ службы унтеръ-офицера, которымъ оказался унтеръ-офицеръ 4-го эскадрона Игнатовъ, я назначилъ его за старшаго въ командѣ. Самъ же я помѣстился въ г. Орханье въ домѣ занятомъ казначеемъ Кубанскаго полка, сотникомъ Н. М. Закрѣпой, и священникомъ Преображенскаго полка, состоявшимъ при Красномъ Крестѣ и вскорѣ съ нимъ вмѣстѣ ушедшимъ за войсками.

Рядомъ съ нами въ домѣ вскорѣ помѣстился вновь назначенный комендантъ Орханье, у котораго каждый вечеръ передъ его домомъ играли зорю: горнистъ, трубачъ и барабанщикъ, каждый по своему. Этотъ концертъ было что-то невообразимое ушираздирающее

Подходилъ праздникъ Рождества Христова. Изъ полка вернулся корнетъ Лёвстремъ, поморозивъ себѣ ногу, и также помѣстился у насъ, а вслѣдъ за нимъ и священникъ нашъ протоіерей Смѣловъ, ушедшій съ полкомъ пѣшкомъ черезъ Балканы, тоже обморозивъ себѣ ноги, вернулся изъ Чуріака назадъ.

Въ окрестностяхъ города, въ деревнѣ, куда я поставилъ свою команду, водились бараны и всякая живность, не находившая себѣ хозяина; а все, что не находило себѣ хозяина, считалось Турецкимъ, а слѣдовательно нашимъ, такъ что этой живностью питалась моя команда, о которой нашъ провіантмейстеръ совсѣмъ позабылъ, и еще привозилось къ нашему столу. Этотъ порядокъ полученія провизіи напоминалъ намъ житье помѣщика зимой въ городѣ и привозъ ему изъ подгородней деревни всякой снѣди къ празднику.

По поводу помѣщиковъ могу сказать, что ихъ тутъ развелось много: это отсталые солдаты, не торопясь догонявшіе свои части, или нарочно отставшіе, или просто такіе, которые почему либо не хотѣли идти дальше и располагались въ брошенныхъ деревняхъ. Они обзавелись хозяйствомъ, открывали даже торговлю мясомъ, табакомъ и т. п. и благодушествовали себѣ, какъ будто такъ и слѣдовало быть. Ихъ-то мы и прозвали помѣщиками. Жандармы, слѣдившіе за порядкомъ въ тылу арміи, ловили этихъ самозванныхъ помѣщиковъ, препровождая къ своимъ частямъ; но конечно были счастливцы, которые оставались незамѣченными.

Сотникъ Закрѣпа уѣхалъ въ свой обозъ, обѣщавшись привезти намъ оттуда телка, что̀ и исполнилъ, такъ что къ празднику провизіи у насъ было вдоволь.

Бродя какъ-то по городу, я встрѣтилъ унтеръ-офицера нашего полка Стравинскаго и узналъ отъ него, что онъ везетъ тѣло штабсъ-ротмистра Добошинскаго, убитаго 18 Декабря подъ Ташкисенами на рекогносцировкѣ.

Наконецъ наступило Рождество Христово. Встрѣтили мы его радостно, но чего-то недоставало: недоставало благовѣсту, къ которому мы привыкли дома, и церковной службы, такъ какъ церкви въ Орханье не было. День провели довольно весело за обѣденнымъ столомъ, пили здоровье родныхъ и знакомыхъ, оставшихся на далекой родинѣ, вспоминая, какъ встрѣчаютъ у насъ обыкновенно праздникъ и сколько хлопотъ и веселья бываетъ съ елкой.

Даже и въ зимніе мѣсяцы выпадали тепленькіе дни, и на улицахъ появились лужицы. Ежедневно проходили черезъ Орханье войска за Балканы, а также проходили маршевыя команды на пополненіе которымъ приходилось нагонять свои части.

Отъ нечего дѣлать я иногда прогуливался по улицамъ г. Орханье, которыя уже существовали только въ воображеніи, потому что всѣ заборы были разобраны на топку, да и часть построекъ тоже пошла туда же, такъ что если уцѣлѣла половина города, и то слава Богу.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ, идя по улицѣ къ мосту, вижу ѣдетъ навстрѣчу пѣхотный солдатъ на неосѣдланной лошади. Эта была нерѣдкость, я не обращая вниманія, пошелъ дальше. Слышу окликнули меня. Оборачиваюсь, тотъ же пѣхотный ѣдетъ ко мнѣ назадъ. Я, не обративъ опять таки на него вниманія, ищу по сторонамъ, кто меня окликнулъ, но никого нѣтъ; только когда этотъ же пѣхотный остановился передо мной и заговорилъ, я узналъ Д. В. Бартенева. «Ты какими судьбами тутъ?» «Съ обозомъ иду; посылали за палатками». «Гдѣ обозъ стоитъ?» — «Во Врачешѣ!» «Ну, пойдемъ ко мнѣ» пригласилъ я его. Мы отправились на мою квартиру, куда затѣмъ каждый день пріѣзжалъ Бартеневъ изъ обоза, а потомъ совсѣмъ поселился у насъ.

Тутъ, закусывая и попивая красное винцо, доставленное тоже изъ подгородныхъ деревень, я узналъ всѣ похожденія моего земляка и товарища дѣтства, какъ онъ попалъ сначала въ Красный Крестъ, а потомъ въ дѣйствующій полкъ и участвовалъ въ дѣлахъ. Воспоминаніямъ не было конца, и мы всѣ на радостяхъ, изрядно нагрузившись винцомъ и разными яствами, отошли ко сну. Компанія у насъ собралась веселая. Домъ, въ которомъ мы стояли, былъ еще новый и неотдѣланный внутри. Мы занимали угловую большую комнату, съ желѣзной печкой посрединѣ, которую постоянно накаливали докрасна, потому что чуть

она остывала, комната тоже понемногу охлаждалась *). Остальныя комнаты занимались нашими денщиками, казаками и кладовой, въ которой разная провизія, какъ въ лавкѣ, висѣла подвѣшанная къ перекладинамъ. Дровъ было довольно трудно достать, и потому мы понемногу разбирали казавшіяся намъ ненужными части дома, употребляя ихъ на отопленіе нашей кухни и желѣзной печки въ нашей комнатѣ.

Каждый имѣлъ въ этой комнатѣ свой уголъ, гдѣ на полу, или еще какъ-нибудь, была устроена постель углового жильца, но такъ какъ въ комнатѣ было полныхъ три угла, а четвертый съ дверью, то Бартеневу, какъ послѣднему прибывшему, пришлось расположиться посреди комнаты, у печки. Мы смѣясь говорили, что онъ живетъ въ столовой, потому что мы у печки собирались обѣдать. Обѣдали мы, конечно, на полу, сидя вокругъ котелка, поджавши подъ себя ноги, какъ говорится, по-турецки, при чемъ каждый приносилъ свою ложку и ножъ; другой сервировки не полагалось, и мы не сожалѣли объ этомъ, имѣя сытный и свѣжій столъ. Одно было горе: нашихъ ложекъ не было, глубокихъ, а были Турецкія, небольшія, плоскія, съ длинными ручками. Рисъ и пилавъ ими удобно брать, но щи и другую жидкость, чтобы поймать, надо было много потрудиться.

Рядомъ съ нашимъ домомъ, въ маленькой плохенькой избушкѣ, поселилось семейство Болгаръ, заявившихъ права на нашъ домъ и претензію на его разборку; мы ихъ кое-какъ успокоили, давъ нѣсколько монетъ и объявивъ, что дровъ нѣтъ, а морозы сильные, и топить надо. Братушки успокоились и куда-то исчезли.

Понемногу собирались жители, занимая уцѣлѣвшіе дома и удивляясь исчезновенію безслѣдно садовъ, заборовъ и большинства домовъ.

Устраивалось самоуправленіе городомъ, съ участіемъ Болгаръ. Уже выбранъ былъ изъ нихъ старшина, «чурбаджа», и какіе-то еще чины правленія. У всѣхъ у нихъ были самодовольныя лица, и вооружены они были всякимъ оружіемъ. И не мудрено, что лица были радостныя, и оружія навѣшано много: вѣдь много вѣковъ надъ ними властвовали Турецкіе чиновники, запрещая Болгарамъ носить оружіе, а тутъ вдругъ они сами стали большіе. Есть чему порадоваться!

Лошади мои, мало-по-малу и безъ посредства медикаментовъ, поправились. Мы, чтобы убить время, играли въ карты: въ банкъ, штосъ и макашку. Всегда въ началѣ игры мнѣ везло, и всѣ ставки переходили ко мнѣ на колѣни, въ полы полушубка, образуя цѣлую груду

*) Иногда прибѣгали къ „мангалу“.

полуимперіаловъ, «желтичекъ», какъ называли Болгары наши золотые. «Этой груды мнѣ хватитъ доѣхать до Россіи», говорилъ я шутя; но къ концу игры или, лучше сказать, къ концу дня, оказывалось, что полы моего полушубка были пусты, и игра кончалась безобидно: никто никого не обыгрывалъ.

Скуки ради, мы заходили къ еще не уѣхавшему маркитанту, снаряжавшему свои повозки вслѣдъ войскамъ.

Тутъ встрѣчали иногда знакомыхъ: нѣкоторые догоняли полкъ, другіе пріѣзжали запастись кое-чѣмъ; но больше запасались чаемъ и сахаромъ. Сахаръ въ походѣ очень цѣнился; рѣдко приходилось на походѣ пить въ накладку, а по большей части въ прикуску, а то въ полномъ смыслѣ въ прилизку: т.-е. остается бывало кусочекъ, и бережешь его, какъ невѣсть какую драгоцѣнность, запрятывая куда-нибудь подальше, чтобы не потерять, а попивая чай, этотъ кусочекъ вынешь, пригубишь и опять спрячешь. Стакановъ часто не бывало (стекло вещь хрупкая), и мы изобрѣли дѣлать ихъ изъ тыквъ, имѣющихъ видъ пузыря, съ длиннымъ горлышкомъ. Вотъ эти-то горлышки служили намъ стаканами, которые также аккуратно гдѣ-нибудь прятались; ну а въ случаѣ раздавится, не трудно было найти матеріалъ для новаго.

Вспомнили, наконецъ, объ насъ: пришло приказаніе идти съ обозомъ въ Софію, а оттуда на Филиппополь и Адріанополь, къ которому уже подходили наши войска.

Бартеневъ бросился въ д. Врачешу, къ своему обозу, и съ ужасомъ узналъ, что обозъ ушелъ, и ему пѣшкомъ приходилось догонять его, но къ неописанной радости огорченнаго, сотникъ Н. М. Закрѣпа откуда-то досталъ бричку и взялъ его съ собой.

Я и Лѣвстремъ верхами, съ вьюками и больными лошадьми при обозѣ, пошли по Софійскому шоссе, на перевалъ къ Арабъ-Конаку.

Шоссе уже исправили, и обозы потянулись чрезъ перевалъ, а изъ Софійской долины на встрѣчу шли транспорты съ ранеными въ послѣднихъ сраженіяхъ. Часто приходилось останавливаться обозамъ; подъемы задерживали измореныхъ лошадей, и въ такихъ случаяхъ, общими усиліями солдатъ и лошадей, съ гиканьемъ, повозку втаскивали въ нѣсколько пріемовъ на подъемъ, подкладывая для отдыха подъ колеса камни.

Мы въѣхали на вершину перевала, гдѣ еще оставались Турецкія укрѣпленія. Прекрасный видъ открывался передъ нами на Балканы и на Софійскую долину, растилавшуюся къ Югу у подножья ихъ. Тутъ

происходила борьба зимы съ весной. Сѣверный склонъ и вершины горъ были покрыты еще льдомъ и снѣгомъ, а южный склонъ и равнина уже зеленѣли. Снѣга стаяли, и съ горъ бѣжали потоки.

Съ нами былъ проводникъ-братушка, котораго мы не приглашали, а онъ такъ самъ откуда-то явился. Онъ обѣщался провести насъ горами на Татаръ-Базарджикъ и Филиппополь, что̀ будетъ несравненно ближе, чѣмъ по шоссе на Софію. Мы и по картѣ видѣли, что на Софію крюкъ порядочный, а потому, желая сохранить силы только-что поправившихся въ деревнѣ лошадей, я, полюбовавшись съ вершины Арабъ-Конака на открывавшуюся панораму Софіи, приказалъ Игнатову, спустившись съ перевала, свернуть влѣво съ шоссе и идти на д. Дольныя Коморцы. Съ Закрѣпой условились съѣхаться тамъ же. Горною тропой отправились мы съ корн. Лёвстремомъ и вьюками напрямикъ, чтобы осмотрѣть мѣсто и приготовить фуражъ. Такимъ образомъ на нѣкоторое время мы разстались съ обозомъ, который не могъ идти горами, а долженъ былъ слѣдовать по шоссе.

Въ д. Дольныя Коморцы мы пріѣхали поздно и сотника Закрѣпу не отыскали въ темнотѣ, а утромъ онъ рано уѣхалъ. Лошади также не пришли и, какъ оказалось впослѣдствіи, ихъ остановилъ Бирюковъ при обозѣ, не знаю на основаніи какихъ высшихъ соображеній. Мы же, предположивъ, что лошади прошли дальше къ Филиппополю, перепутавъ дороги, снова пустились въ путь по горнымъ тропинкамъ къ Филиппополю.

Часто попадались намъ небольшія горныя деревушки, гдѣ мы брали проводниковъ Болгаръ, чтобы не сбиться съ дороги. Въ одинъ изъ такихъ переходовъ поднялась метель и загнала насъ въ горную деревушку, дворовъ въ пять не больше, гдѣ, пережидая погоду, мы простояли цѣлый день. Во время пути мы удивлялись неутомимости проводниковъ: въ той же курткѣ, что̀ и лѣтомъ, надѣвая иногда такую же мѣховую сверху, они бѣжали съ длинною палкой въ рукѣ (впереди лошади), перескакивая съ камня на камень, и при этомъ что-нибудь разсказывали, размахивали руками и, повидимому, нисколько не уставали и легко дышали. Это я наблюдалъ весь походъ и пришелъ къ заключенію, что Болгары прекрасные ходоки: изъ нихъ выйдетъ неутомимая пѣхота. Разстоянія пути въ Болгаріи не измѣренныя, а считаются у нихъ по часамъ; часъ ходьбы равняется пяти верстамъ. «Сколько до такого-то селенія?» спросишь Болгарина. «Два саадъ, братушка», отвѣтитъ, или сколько тамъ нужно; часто ѣдемъ, ѣдемъ, и все «два саадъ» отвѣчаютъ попадавшіеся навстрѣчу Болгары. Если же Болгаринъ не знаетъ, сколько часовъ ходьбы, то отвѣчаетъ: «не самъ ходилъ», т.-е. онъ тамъ

не былъ и слѣдовательно собственными шагами не мѣрилъ, а потому не знаетъ и врать не желаетъ.

Наконецъ мы добрались до селенія Панигюрища*), живописно раскинутаго въ горахъ; какъ теперь помню, это было въ Субботу. Первый попавшійся братушка, къ которому мы обратились съ вопросомъ о квартирѣ, сказалъ, что надо обратиться въ управленіе, и привелъ насъ прямо на дворъ этого управленія. Болгаринъ побѣжалъ въ домъ, откуда черезъ секунду высыпали въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ, со всевозможнымъ оружіемъ, братушки. Оказалось, что въ Панигюрищѣ было уже устроено управленіе изъ Болгаръ, и вотъ эти-то администраторы высыпали толпой на дворъ къ намъ съ привѣтствіями: «добре дошли, братушки» и пожимали намъ руки.

Когда они узнали, что намъ нужна квартира, то немедленно снарядили одного изъ членовъ своего управленія отвести намъ квартиру. Братушка, махнувъ рукой, сказалъ намъ: «Айда, капитанъ», и зашагалъ впередъ, мы за нимъ Пройдя нѣсколько улицъ, онъ остановился предъ какимъ-то домомъ и ввелъ насъ туда. Домъ снаружи и внутри былъ очень хорошъ. Хозяйка его, вдова, у которой Турки недавно зарѣзали мужа, встрѣтила насъ радушно, отведя для насъ чистенькую, просторную комнату. Потомъ она повела насъ осматривать домъ и садъ, гдѣ показала могилу мужа, тутъ же въ саду подъ окномъ. Вообще въ домахъ, какъ Турокъ, такъ и Болгаръ, замѣчается чистота, въ особенности у мало-мальски зажиточныхъ. Они не ходятъ по полу въ верхней обуви, какъ у насъ, а въ однихъ чулкахъ, оставляя башмаки на крыльцѣ. Въ грязную погоду, идя по хозяйству на дворѣ, они надѣваютъ деревянныя скамеечки на ноги, вмѣсто башмаковъ. Скамеечки эти бываютъ богато инкрустированы перламутромъ, серебромъ и т. п Что же касается до жителей побѣднѣе, то хотя тамъ и чище, чѣмъ у нашихъ крестьянъ въ избѣ, но тамъ ходятъ безъ церемоніи въ сапогахъ и башмакахъ, конечно въ сухую погоду, а въ грязную оставляютъ ихъ у дверей. Спятъ Болгары не раздѣваясь, что совершенно противуположно наружной чистоплотности; конечно, это могло быть исключеніемъ въ наше время, какъ въ тревожное, военное, когда нужно было быть постоянно на-чеку. Въ нашей комнатѣ на одномъ изъ шкаповъ попалась мнѣ тетрадка на Болгарскомъ языкѣ, по ботаникѣ, изслѣдованіе какихъ-то растеній. Оказалось, что это одинъ изъ родственниковъ хозяевъ дома занимался этими изслѣдованіями.

*) Это родина памятнаго многимъ въ Москвѣ Ксенофонта Ивановича Жинзифова. Судьба не дала ему дожить до свободы собратій. П. Б.

Вскорѣ пришелъ родственникъ хозяйки, молодой Болгаринъ, сказалъ обычное Болгарское привѣтствіе: «Добре дошли, братушки», усѣлся, поджавши ноги, и пустился въ разговоръ съ нами о всякихъ интересовавшихъ его вопросахъ. Осматривалъ онъ съ любовью наше оружіе, разсказывая, что Турки не позволяли имъ носить его, а что теперь можно, но, къ сожалѣнію у него нѣтъ никакого. У корнета Лёвстрема были двѣ сабли, и онъ одну подарилъ Болгарину, который пришелъ въ неописанный восторгъ, цѣловалъ насъ, цѣловалъ саблю и успокоившись просилъ дать ему записку, что сабля ему эта подарена, чтобы никто не могъ отобрать ее у него. Конечно записка была выдана за нашей подписью. Вполнѣ счастливый Болгаринъ, опоясавшись саблей, съ запиской въ рукѣ побѣжалъ домой, сказавъ, что вечеромъ зайдетъ за нами и куда-то насъ поведетъ.

Пообѣдавъ, мы легли отдохнуть и не успѣли проснуться, какъ братушка былъ у насъ: онъ пришелъ пригласить насъ къ себѣ. Мы, конечно, съ удовольствіемъ приняли приглашеніе, и втроемъ пошли уже по темнымъ улицамъ Панюгирища, вслѣдъ за братушкой, все время оживленно болтавшаго и махавшаго руками. Подойдя къ одному изъ домовъ онъ постучалъ условнымъ стукомъ. За дверью послышались шаги и окликъ; нашъ братушка отвѣтилъ, и дверь отворилась. «Это мой домъ, сказалъ онъ, пропуская насъ; я пустилъ сюда пріятеля жить; онъ бѣжалъ отъ Турокъ». Дверь сейчасъ же за нами затворилась, и мы очутились въ неосвѣщенной комнатѣ. Когда мы поздоровались въ потьмахъ съ обитателями дома, насъ провели дальше въ маленькую безъ оконъ комнату. Въ ея углубленіи вдоль стѣны находилось возвышеніе, покрытое коврами съ подушками, куда насъ и посадили; а братушки, усѣвшись, кто гдѣ попало, начали свои обычные разспросы, живо интересуясь какъ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, такъ и будущей судьбой своей. Мы, по возможности, удовлетворяли ихъ любопытству. Подали маленькій, кругленькій на невысокой же круглой ножкѣ столъ, на столѣ приборы и какое-то блюдо съ кушаньемъ, что-то въ родѣ пилава, но очень вкусное. Появилось вино красное и бѣлое; бѣлое особенно хвалили, и въ самомъ дѣлѣ оно было великолѣпное; мы его пили въ первый разъ. Братушки, взявъ стаканы съ виномъ, привѣтствовали насъ словами: «добре дошли и будь здравъ»; мы ихъ благодарили и въ свою очередь поздравляли съ освобожденіемъ.

Разговоръ оживился, и мы не видали, какъ около меня растворилась маленькая низенькая, до сихъ поръ незамѣченная нами дверь, откуда, какъ изъ подземелья, вылѣзла громадная фигура Болгарина съ веревками въ рукахъ. Всѣ смолкли, я невольно отшатнулся отъ

двери, не понимая что такое происходитъ и зачѣмъ явилась эта фигура. Вдругъ общій взрывъ радости охватилъ Болгаръ, и они кинулись обнимать пришедшаго. Послѣ первыхъ изліяній чувствъ, пришедшій поздоровался съ нами и, подсѣвъ къ столу, началъ разсказывать, показывая веревки, которыми онъ былъ связанъ, какъ попался онъ Туркамъ въ плѣнъ и какъ ухитрился отъ нихъ убѣжать. Со всѣхъ сторонъ посыпались ему похвалы и поздравленія съ освобожденіемъ. Вино полилось рѣкой, провозглашали тосты за Царя Александра и Царя Николая. Мы имъ объяснили, что у насъ Царь Александръ, а Царь Николай давно померъ, а есть Великій Князь Николай, братъ Царя, который командуетъ всѣми Русскими войсками. Долго еще мы вели оживленные разговоры на смѣшенномъ Русско-Болгарскомъ языкѣ, пили, поздравляя другъ друга съ разными разностями и уже поздно ночью, поблагодаривъ любезныхъ хозяевъ за ихъ радушный пріемъ, отправились домой. Болгаринъ проводилъ насъ до дому и на прощанье сказалъ, что завтра Воскресенье, и онъ пойдетъ утромъ на охоту, а затѣмъ придетъ къ намъ.

Прекрасно выспавшись и напившись чаю, пошли мы гулять по городу и на мосту встрѣтили нашего вчерашняго пріятеля Болгарина, возвращавшагося съ охоты. Онъ просилъ насъ немного подождать, сказавъ, что сейчасъ догонитъ. Черезъ нѣсколько минутъ братушка вернулся и повелъ насъ по городу, разсказывая о всякихъ выдающихся предметахъ. Зашли мы въ церковь, сожженную Турками. Это довольно большое каменное зданіе, внутри котораго по срединѣ два ряда мраморныхъ колоннъ поддерживаютъ его верхъ, колонны были всѣ испорчены огнемъ. «Что это такъ потрескались колонны?» поинтересовались мы, «неужели отъ жару?» «Нѣтъ,» пояснилъ намъ братушка, «Турки зажгли церковь и когда замѣтили, что колонны остались цѣлы, то облили ихъ нефтью». Жаль было смотрѣть на эти исковерканныя колонны, всѣ потрескавшіяся и какъ-то расщепленныя, съ отвалившимися въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кусками. Не менѣе печаленъ былъ видъ и всего храма безъ оконъ и дверей, съ обгорѣлыми стѣнами и грудами обгорѣлаго мусора на полу. Все деревянное было уничтожено пламенемъ, а все каменное закопчено.

Болгаринъ намъ разсказалъ, что Панигюрище замѣчательно тѣмъ, что въ немъ было первое возстаніе въ Болгаріи, за что Турки и наказали ихъ пожаромъ и убійствами.

Разсказывалъ онъ также намъ, гуляя съ нами по широкимъ улицамъ города, какъ маленькій Русскій отрядъ отбивался тутъ отъ Турокъ. Услышавъ звуки музыки, мы пошли на нихъ и увидали на пло-

щади танцы; намъ объяснили, что это всегда бываетъ по праздникамъ и Воскресеньямъ.

На другой день, распростившись съ радушной хозяйкой и услужливымъ ея родственникомъ-братушкой, выѣхали мы дальше на деревню Петричево, которая оказалась выжжена Турками; это была не рѣдкость, такія выжженныя деревни попадались на каждомъ шагу. Мы выѣхали на шоссе, извивавшееся въ горахъ поросшихъ лѣсомъ. Кое-гдѣ въ горахъ лежалъ снѣгъ, а мѣстами скаты обледенѣли отъ таявшаго снѣга, схваченные морозомъ. Не смотря на то, что въ Панигюрищѣ мы гуляли по лѣтнему въ однихъ мундирахъ, теперь было довольно свѣжо, а подчасъ просто холодно.

Въ одномъ мѣстѣ довольно крутой и заледенѣлый подъемъ чуть было не заставилъ насъ вернуться. Верхомъ не было возможности въѣхать, а потому мы рѣшили сойти съ лошадей и ползкомъ взбираться наверхъ до площадки, надѣясь, что лошади отъ насъ не отстанутъ. Такъ и случилось: онѣ также кое-какъ вскарабкались вслѣдъ за нами.

Еще засвѣтло мы доѣхали до Татаръ-Базарджика, также выжженнаго Турками, гдѣ успѣлъ уже пріютиться маркитантъ и открылъ трактирчикъ.

Здѣсь, какъ и въ Панигюрищѣ, было устроено управленіе, куда и обратились мы за разрѣшеніемъ квартирнаго вопроса. Власти города дали намъ Болгарскаго жандарма для отвода квартиры. За поясомъ у него торчали пара пистолетовъ и ятаганъ. Онъ насъ подвелъ къ какимъ-то запертымъ воротамъ и когда хозяева узнали, что намъ нужна квартира, то наотрѣзъ отказали и подняли страшный гвалтъ; жандармъ тоже кричалъ и, сказавъ, что на нихъ нечего смотрѣть, отперъ ворота и вошелъ. За нимъ и мы вошли при общемъ крикѣ какихъ-то растрепанныхъ бабъ и грязныхъ ребятишекъ, тоже участвовавшихъ въ общемъ гамѣ своею визготнею. Пройдя дальше въ домъ, мы попали въ неописанную грязь и вонь, такъ что сразу выскочили назадъ; оказалось, что мы попали къ Жидамъ. Плюнувъ на всю эту грязь и выругавъ приличнымъ случаю словомъ всѣхъ, мы ушли.

Когда мы проѣхали немного по указанію жандарма, котораго мы просили къ Жидамъ насъ больше не водить, намъ попался на улицѣ молодой Болгаринъ, одѣтый въ статскій костюмъ и, узнавъ, что мы ищемъ квартиру, пригласилъ насъ къ себѣ, гдѣ мы и расположились довольно удобно. Чтобы чѣмъ-нибудь отблагодарить за его радушіе, мы пригласили его съ собой въ трактиръ обѣдать, гдѣ въ разговорѣ

узнали, что онъ получилъ образованіе въ Парижѣ, говорилъ на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ и собирался играть видную роль въ будущемъ правительствѣ княжества, обѣщаясь сильно насолить Туркамъ за какія-то гадости, которыя они ему лично сдѣлали. Въ настоящее же время, одержимый массою фантазій относительно будущаго, рисовавшаго ему, можетъ быть, портфель министра, онъ состоялъ въ полиціи и собирался кого-то изъ Жидовъ или Грековъ вѣшать. Вообще онъ, будучи довольно образованнымъ, выказывалъ серіозный и крутой нравъ; можетъ быть, это и былъ будущій Стамбуловъ.

Въ Татаръ-Базарджикѣ мы дневали и осматривали городъ, представлявшій полное разрушеніе. Повсюду виднѣлись груды обгорѣлыхъ бревенъ, кучи мусора, да кое-гдѣ торчали закоптѣлыя трубы и каменныя полуразрушенныя стѣнки.

II. Филиппополь.

На слѣдующій день мы выѣхали въ Филиппополь. Погода стояла теплая. Оставя позади Балканскія выси, съ лежавшимъ еще на вершинахъ снѣгомъ, мы шли теперь долиной рѣки Марицы, чистыя и быстрыя воды которой уже освободились отъ ледяного покрова. Вдали разстилался живописно расположенный Филиппополь. Почти годъ, какъ мы не видали большихъ городовъ, а потому съ любопытствомъ приближались къ нему. Въѣхавъ въ городъ, мы сразу очутились въ массѣ разнаго люда, наполнявшаго улицы и занятаго каждый своимъ дѣломъ; военныхъ людей было мало, сравнительно съ вольными (это солдаты такъ называли невоенныхъ). Тутъ попадались всякія народности: Болгары, Турки, Греки, Жиды, а также и другія національности. Здѣсь были консульства, оставшіяся на своихъ мѣстахъ. Кое-какъ отыскали мы полицію и просили отвести намъ квартиру; сейчасъ же снарядили съ нами жандарма, и опять мы съ нимъ попали къ Жидамъ.

Гвалтъ поднялся, какъ и въ Татаръ-Базарджикѣ, но при этомъ тѣже вонь и грязь невообразимыя. Видя, въ чемъ дѣло, мы успокоили жандарма, который уже начиналъ ругать Жидовъ, разгоняя ихъ по ихъ вонючимъ угламъ плетью, сказавъ, что у Жидовъ останавливаться мы не хотимъ. Блюститель порядка успокоился и повелъ насъ дальше. Долго мы ходили по улицамъ, разыскивая квартиру. Наконецъ хожденіе это надоѣло и, встрѣтивъ Болгарскаго священника, я объяснилъ ему, что ищемъ квартиру и не поможетъ ли онъ намъ указать какую-нибудь, гдѣ бы намъ остановиться на одинъ день. Немного подумавъ и узнавъ, что насъ только двое, онъ пригласилъ насъ къ себѣ. Небольшой домикъ священника стоялъ на скалѣ, возвышающейся надъ

остальной частью города, такъ что съ крыльца открывалась прелестная панорама на городъ и окрестности, съ синѣвшимися вдали горами и извивавшейся по долинѣ голубой лентой Марицы. Домикъ состоялъ изъ прихожей, возлѣ которой была крошечная кухонька (полъ и печи въ ней были высѣчены въ скалѣ) и еще одной большой комнаты, гдѣ помѣщалась вся семья священника. Около домика находились кое-какія хозяйственныя постройки. Къ домику вела узкая извивавшаяся по склону горы лѣстница, ступеньки которой высѣчены были также въ скалѣ.

Семья священника состояла изъ жены, маленькой дочки и служанки.

Когда мы обмѣнялись привѣтствіями съ обитателями маленькаго домика и усѣлись на низенькіе диваны, тянувшіеся вдоль стѣнъ комнаты, начались обычные разспросы. Маленькая дочка священника принесла на подносѣ два стаканчика воды и графинчикъ. Священникъ налилъ въ воду чего-то изъ графина, и въ стаканѣ получилась жидкость молочнаго цвѣта. Дочка подала намъ, а священникъ предлагалъ выпить. Мы выпили, пожелавъ здоровья хозяину. Оказалось, это была гвоздичная водка, чрезвычайно пахучая и довольно пріятная, которую Болгары пьютъ съ водой. Замѣтивъ наше удивленіе, что водку мѣшаютъ съ водой, священникъ предложилъ намъ чистой водки. Мы выпили и нашли, что она безъ воды гораздо лучше.

Не желая обременять священника расходами, мы послали денщика закупить провизію къ обѣду; но какъ только священникъ узналъ объ этомъ, онъ отобралъ деньги и принесъ намъ, говоря, что мы его гости и что это его дѣло заботиться о нашемъ питаніи и если пошлемъ купить провизію, то обидимъ его. Какъ мы ни старались убѣдить священника, чтобы онъ не принималъ на себя расхода на нашу кормёжку, что намъ достаточно его радушнаго пріема, но священникъ не соглашался и стоялъ на своемъ. Пришлось, поблагодаривъ его, согласиться. Вскорѣ, какъ всегда и вездѣ, узнавъ о нашемъ прибытіи, пришли знакомые и родственники священника.

Посыпались все тѣже вопросы о войнѣ, о будущемъ Болгаріи и т. п. Мы разсказывали все что̀ знали. Но кромѣ обычныхъ вопросовъ, явился вопросъ, который до сихъ поръ намъ не приходилось слышать ни разу: Болгаръ встревожилъ слухъ, будто бы Русскіе хотятъ всѣхъ Болгаръ увести къ себѣ въ Россію. Мы удивились такому вопросу и слуху и поспѣшили увѣрить ихъ, что ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ, что у насъ и безъ Болгаръ, слава Богу, народу много, что цѣль войны—это только освобожденіе Болгаріи, которая, выйдя изъ подъ власти Турокъ, сдѣлается самостоятельнымъ княжествомъ, будетъ уп-

равлять ею свой князь, будетъ свое войско, однимъ словомъ, будетъ новое государство, наравнѣ съ другими.

Въ свою очередь мы спросили, откуда у нихъ такіе нелѣпые слухи. Священникъ намъ разъяснилъ, что слухи эти распускаетъ Греческое духовенство по наущенію Турокъ и по ненависти къ намъ. Греки вообще не любятъ Русскихъ и стараются всѣми способами возстановить противъ насъ Болгаръ, которые, конечно, не желаютъ покидать своей родины. Въ концѣ концовъ доводы наши успокоили и разубѣдили Болгаръ, и пренія наши закончились.

Въ комнату внесли кругленькій низенькій Болгарскій столикъ, поставивъ его на полу, устланномъ цыновками, кругомъ разложили подушки. Священникъ пригласилъ насъ къ столу. Маленькая дочка его прочла «Отче Нашъ»; мы всѣ выслушали стоя молитву и, перекрестившись, сѣли кругомъ стола на подушки обѣдать. Перемѣнъ было мало, но поѣли сытно. Послѣ обѣда подали въ маленькихъ чашечкахъ кофе. Этотъ напитокъ совсѣмъ не то, что̀ мы привыкли пить у насъ. Турецкій кофе приготовляется иначе. Его мелятъ, передъ тѣмъ, какъ варить въ круглой небольшой мѣдной мельницѣ, затѣмъ высыпаютъ въ небольшую мѣдную луженую кострюльку съ длинной ручкой, варятъ на угольяхъ, прибавляя по вкусу сахару, а если кто хочетъ, то и сливокъ (но это уже отступленіе, а настоящій Турецкій кофе черный). Когда кофе вскипитъ, то его вмѣстѣ съ гущей выливаютъ въ маленькія фарфоровыя чашечки, безъ ручекъ, но съ серебрянными подставочками, изящной филигранной работы, въ видѣ тѣхъ рюмочекъ, какія у насъ употребляютъ для яицъ. Кофе этотъ очень крѣпкій и вкусный; его пріятно, покуривая трубочку, прихлебывать маленькими глотками, пока покажется осѣвшая на дно гуща, которую конечно оставляютъ. Послѣ обѣда разговоры возобновились и продолжались до вечера. Наконецъ наступило время спать, начали стлать постели. Родственники не уходили. Мы, видя, что тѣсно и безъ насъ, заявили, что пойдемъ спать въ кухню; но священникъ воспротивился и сказалъ, что мѣста всѣмъ хватитъ. Весь полъ устлали различными цыновками, коврами, матрасиками и всякой всячиной. Набралось, должно быть, насъ человѣкъ восемь, всѣ мы размѣстились на полу въ разныхъ углахъ комнаты. Мы съ корн. Лёвстремомъ легли у двери въ кухню и мирно уснули. Вдругъ среди ночи будитъ меня шопотъ, прислушиваюсь и слышу: «ѹгонь! ѹгонь! Турцы! има тука Турцы», говорилъ священникъ. Огонь—значитъ пожаръ. Ну думаю, будетъ исторія, какъ Турки подожгутъ городъ. Окна были за вѣшаны, и я не могъ видѣть зарева. Предполагая, что это такъ себѣ, разговариваютъ проснувшіеся, я успокоился и началъ дремать, но вижу,

что священникъ и родственники его, наскоро одѣвшись, вышли на улицу. Нѣтъ, думаю, что-то неладно, и разбудилъ корн. Лѣвстрема. «Пожаръ, кажется!» говорю ему, «говорятъ, что Турки тутъ остались; надо посмотрѣть, въ чемъ дѣло». Пока мы собирались, послышались выстрѣлы. Это насъ удивило, и мы предположили, что не бунтъ ли это устроили Греки съ укрывавшимися баши-бузуками. «Вотъ такъ попали въ передрягу!» говоримъ.

Выйдя на крыльцо, гдѣ уже стоялъ священникъ и его родственники, мы увидѣли зарево, а внизу по улицѣ бѣгали огоньки: это жители съ фонарями выбѣжали изъ домовъ на крикъ «ȣгонь» и на выстрѣлы. Выстрѣлы продолжались, просвистѣла пуля, другая; спрашиваемъ, «что̀ значатъ эти выстрѣлы», но получаемъ все тотъ же отвѣтъ: «ȣгонь, братушка, ȣгонь». Ну думаемъ, огонь, такъ огонь; будемъ ждать, что̀ будетъ дальше, тѣмъ болѣе, что люди наши, стоявшіе подъ горой въ улицѣ, не приходили къ намъ, слѣдовательно у нихъ было все благополучно. Болгары внимательно ко всему прислушивались и приглядывались. Стрѣльба участилась, пули стали чаще посвистывать и рикошитировали по скалѣ и крышамъ. Мы опять приставали къ священнику, чтобы онъ намъ объяснилъ, что̀ все это значитъ и почему пули-то летаютъ, бунтъ это или что другое. Наконецъ удалось намъ вывести его изъ наблюдательнаго состоянія, и онъ началъ объяснять, что это пожаръ и что, по его предположенію, поджигаютъ оставшіеся Турки, стрѣляютъ же потому, что такъ принято у нихъ возвѣщать о пожарѣ. «Зачѣмъ же пулями-то стрѣляютъ?» добивались мы. А потому, что война, и оружіе у всѣхъ заряжено». «Да вѣдь такъ, кого нибудь можно подстрѣлить», говоримъ мы. «Могутъ и убить!» пожимая плечами, соглашался съ нами священникъ: «война!» Мы конечно вполнѣ удовлетворились этимъ объясненіемъ; но обычай возвѣщать о пожарѣ въ многолюдномъ городѣ стрѣльбой, да еще пулями, показался намъ очень страннымъ.

Остатокъ ночи прошелъ спокойно, и утромъ мы пошли осматривать городъ.

Филиппополь—большой, но довольно грязный городъ, съ массой узкихъ и кривыхъ улицъ, переулковъ и закоулковъ. Есть большіе каменные дома, но большею частью дома деревянные. Одни фасадомъ на улицу, другіе скрыты въ глубинѣ дворовъ. Ѣзды въ это время по улицамъ замѣчалось мало; мѣстные жители больше появлялись пѣшіе, иногда же на ослахъ верхомъ, или въ каруцахъ (телѣгахъ), запряженныхъ парой сѣрыхъ огромныхъ буйволовъ, и рѣдко верхомъ на коняхъ.

Немало попадалось и нашихъ обозныхъ телѣгъ, запряженныхъ конечно лошадьми съ фуражиромъ на козлахъ, съ интенданскимъ чиновникомъ или какой либо кладью внутри. Толпа, среди которой сновали наши солдатики и офицеры, всѣхъ родовъ оружія, по костюмамъ, физіономіямъ и народностямъ, была самая разношерстная. Тутъ суетились торгаши съ товарами на головахъ, привлекая крикомъ на разные лады покупателей; Греки и Болгары въ національныхъ костюмахъ, первые въ красныхъ фескахъ съ синими кисточками, а вторые въ барашковыхъ шапкахъ, наши же въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Тутъ же, въ этой пестрой толпѣ, выступали очень важно Греческіе попы въ черныхъ люстриновыхъ рясахъ, въ высокихъ люстриновыхъ же шапкахъ на головѣ, въ родѣ нашей камилавки, но съ небольшимъ карнизикомъ на верху, съ синей бархатной макушкой въ сборкахъ и пуговкой на срединѣ. Противуположность имъ представляли Болгарскіе попы, одѣтые въ такія же рясы и почти въ такихъ же шапкахъ, только съ гладкимъ люстриновымъ же верхомъ, и видъ ихъ былъ не гордый, а какой-то приниженно загнанный.

Все это пѣшее и конное двигалось посреди улицъ, не обращая никакого вниманія на узкіе изрытые тротуары, окаймляющіе дома. Масса лавокъ самыхъ первобытныхъ виднѣлась по улицамъ. Въ городѣ есть крытый пассажъ, внутри котораго справа и слѣва тянутся разгороженныя между собой, чѣмъ попало, маленькія коморки-лавки, съ прилавками, на которыхъ сидѣли, поджавши подъ себя ноги, продавцы, перекликиваясъ со своими сосѣдями и торгуясь въ тоже время съ покупателями. Шумъ и гамъ наполняли зданіе. Хорошихъ товаровъ не было: ситецъ, шитыя полотенца, платки, серебряныя подвѣски, обувь и вообще всякая мелочь, всякій сбродъ. Тутъ же на жаровенкѣ поджаривалась рыба или что-то другое, отчего распространялась повсюду невообразимая вонь гарью. Всѣ эти товары вечеромъ собираются купцами и уносятся домой, а утромъ снова приносятся и раскладываются. Попадались и спеціальные магазины, но только ѣды и часовъ. Съѣстныя лавки очень непривлекательны: тутъ же на улицѣ на прилавкѣ стоитъ маленькая жаровня съ раскаленными угольями, на ней лежитъ рѣшетка, а на рѣшеткѣ лежитъ рыба, поджариваемая снизу жаромъ углей. Тутъ же на веревкахъ болтаются сушеная баранина, рыба, красный перецъ. Все это покрыто пылью и распространяетъ ѣдкій запахъ.

Войдя въ часовой магазинъ, мы очутились въ маленькой комнаткѣ, даже можно сказать въ чуланѣ. На лавкѣ сидитъ, поджавши ноги, часовой мастеръ, ковыряя какіе-то часы; рядомъ съ нимъ мѣшокъ, въ которомъ заключается весь его магазинъ, частью разложенный на при-

лавкѣ, для приманки прохожихъ. Вывѣсокъ, какъ у насъ, нѣтъ. Я купилъ часы съ Турецкими цифрами, но вскорѣ пришлось отдать ихъ чинить, и на другой день мастеръ мнѣ ихъ возвратилъ, сказавъ съ серьезнымъ лицомъ: «Хубово направилъ, братушка, хубова», т.-е. хорошо починилъ; но все-таки они скоро опять стали и съ тѣхъ поръ не двигались. Вообще, все это отчасти напоминало намъ деревенскій базаръ или Петербургскій Апраксинъ дворъ и толкучку; но у насъ въ Апраксиномъ можно достать очень цѣнныя вещи, а тутъ ихъ не видать; конечно, этому, можетъ быть, была причина и война.

Солдатики наши изъ Евреевъ и тутъ не упускали случая устроить какой-нибудь хандель, скупая и перепродавая всякую дрянь. Въ городѣ есть мечеть, выдѣляющаяся своими стройными минаретами, и церкви, но колоколовъ на нихъ нѣтъ: Турки не позволяютъ, потому, какъ мнѣ сказали, что благовѣстъ будто бы безпокоитъ ихъ. Бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ нашего Краснаго Креста, и Турецкій бѣлый флагъ надъ Турецкимъ лазаретомъ съ Красною Луной, мирно развѣвались надъ городомъ. Каждый лазаретъ лѣчилъ своихъ.

Отъ Филиппополя начиналась единственная въ наше время желѣзная дорога, чрезъ Адріанополь и Санъ-Стефано въ Константинополь, станція которой расположена далеко за городомъ.

Бродя по улицамъ, подошли мы къ каменному дому, предъ которымъ на площади стояли въ рядъ пожарныя трубы и другія принадлежности. Намъ объяснили, что это домъ городскаго управленія и пожарная команда. Немного спустя, мы видѣли эту пожарную команду, скакавшую на пожаръ.

Идя посреди улицы въ толпѣ, осматривая все, что̀ попадалось на глаза, мы вдругъ услыхали сзади неистовый крикъ, покрывшій уличный гамъ толпы. Обертываемся и видимъ какого-то сумасшедшаго, съ выпученными глазами, съ бревномъ на плечѣ, бѣгущаго что̀ есть мочи по улицѣ, расталкивая и сбивая съ ногъ прохожихъ, невольно кидавшихся опрометью въ разныя стороны. Невольно и мы отшатнулись и удивленно ждали, что̀ будетъ дальше: станетъ ли онъ гвоздить кого-нибудь этимъ бревномъ, или его схватятъ; но сейчасъ же все выяснилось: это былъ не сумасшедшій, за котораго мы его приняли, а передовой пожарный, который у насъ обыкновенно скачетъ верхомъ впереди части.

Вслѣдъ за ѣздовымъ бѣжали четыре здоровенныхъ человѣка, неся на плечахъ огромную пожарную трубу, которую мы только-что видѣли

у присутственнаго мѣста. Сзади бѣжало еще нѣсколько человѣкъ съ какими-то пожарными принадлежностями, а за ними бѣжали всѣ любители пожаровъ, изображая собой вольную дружину. Все это кричало, толкалось и едва ли много пользы приносило дѣлу. Мы отъ души посмѣялись надъ своей ошибкою и подобнымъ выѣздомъ пожарной команды.

Въ толпѣ мы наткнулись на казака сотника Закрѣпы. «Гдѣ сотникъ?» спрашиваемъ. Казакъ насъ довелъ до сотника, который помѣстился въ свѣтлой и чистой комнатѣ. Бартенева уже не было: онъ ушелъ догонять полкъ. Сотникъ Закрѣпа пригласилъ меня къ себѣ куда я и перебрался, поблагодаривъ священника з г степриимство.

III. По шоссе къ Адріанополю.

Проживъ нѣсколько дней, мы рѣшили ѣхать дальше. Купили боченокъ вина, наварили и нажарили мяса и птицы, взяли большихъ луковицъ и выѣхали съ сотникомъ Закрѣпой въ телѣжкѣ, запряженной тройкою въ дышло, съ казакомъ за кучера на козлахъ; а корнетъ Лёвстремъ съ вьюками и денщикомъ поѣхалъ верхомъ. Улицы Филиппополя хотя и мощеныя, но такъ скверно и съ такими выбойнями, что телѣжка наша, какъ мячикъ, прыгала по камнямъ. Николай Мироновичъ только кряхтѣлъ: онъ былъ не совсѣмъ здоровъ. Эта тряска только прекратилась тогда, когда мы выѣхали за заставу, на шоссе къ Адріанополю. Сейчасъ же за заставой раскидывалось большое Турецкое кладбище, усѣянное очень разнообразными каменными памятниками, торчавшими вкось и вкривь среди зеленѣвшихся кустовъ и стройныхъ пирамидальныхъ тополей. Нѣкоторыя плиты были обтесаны, другія торчали въ видѣ обломковъ, нѣкоторыя лежали плашмя на могилахъ, но большинство ихъ стояло стоймя. Одни были отдѣланы въ видѣ столбиковъ разной величины, съ рѣзьбой; другія, также столбики, были увѣнчаны высѣченной изъ того же камня чалмою; это означало, вѣроятно, болѣе важныхъ покойниковъ. На многихъ памятникахъ пестрѣли очень красивыя Турецкія надписи. За кладбищемъ намъ представилась не очень живописная картина: лежало рядомъ пять дохлыхъ буйволовъ. Дальше валялась еще какая-то падаль; но зловонія не было, потому что она быстро засыхала на солнцѣ. По правую сторону шоссе тянулся рядъ телеграфныхъ столбовъ, очень оригинальныхъ: вмѣсто одного столба, какъ у насъ, Турки ставили два столба наклонно, соединяя ихъ верхушками вмѣстѣ и перекладинами въ серединѣ, въ видѣ лѣстницы. Наверху каждаго столба прикрѣплялись проволоки.

Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, мы увидѣли станцію желѣзной дороги и нѣсколько вагоновъ. Поѣзда еще не ходили, подвижной составъ

былъ еще не въ порядкѣ, да и путь былъ испорченъ. Наши инженеры и желѣзнодорожныя команды хлопотали о приведеніи всего этого въ должный видъ.

Шоссе тоже было испорчено во многихъ мѣстахъ: перекопано, мосты уничтожены, и мѣстами, съ виду очень ровное шоссе, представляло въ сущности невылазное болото, благодаря какимъ-то ямамъ, затопленнымъ вровень съ краями жидкой грязью, происхожденіе которыхъ никто не могъ объяснить. (Подозрѣвали работу Турокъ, желавшихъ какъ-нибудь задержать наше нашествіе). Обозамъ и всѣмъ слѣдовавшимъ по шоссе приходилось обходить такія мѣста, что замедляло нѣсколько движеніе. Мы, не замѣтивъ такой ловушки, ухнули въ одну изъ нихъ, всадивъ лошадей по брюхо въ наполнявшую ее жижу. Тележка наша колыхалась какъ на волнахъ, и намъ пришлось прыгать назадъ на твердую землю, а всю упряжку вытаскивать съ помощью попутныхъ солдатъ. Надъ всѣми этими препятствіями копались наши саперы, заваливая фашинами ямы и топи и строя мосты. Все шоссе было покрыто цѣлою вереницей тянувшихся къ Адріанополю обозовъ, полками и отдѣльными людьми; намъ приходилось все это обгонять стороной.

Вся дорога по бокамъ положительно была усѣяна трупами людей, буйволовъ, лошадей, изломанными телѣгами и разбросаннымъ скарбомъ. Картина эта очень непріятно дѣйствовала на насъ въ началѣ, но такъ какъ она тянулась вплоть до Адріанополя, то мы подъ конецъ привыкли и отъ нечего дѣлать разсматривали изъ брички трупы, дѣлая свои предположенія, при какихъ условіяхъ застигла смерть свои жертвы.

Мѣстами попадались цѣлыя группы телѣгъ, а около нихъ валялись люди во всевозможныхъ положеніяхъ, всякаго возраста и пола. Такія мѣста мы называли оазисами смерти, и эти оазисы были Турецкіе и Болгарскіе, смотря чьи трупы валялись. Въ нѣкоторыхъ телѣгахъ буйволы такъ и издохли запряженными. Трупы валялись даже на дорогѣ, нѣкоторые были растоптаны и перемѣшаны съ грязью. Это были Турецкіе и Болгарскіе обозы, которые уходили съ Турецкими войсками, преслѣдуемые и уничтожаемые нашей кавалеріей. Болгарскихъ же оазисовъ надѣлали Турки, угонявшіе съ собой Болгаръ, чтобы показать этимъ свое недовольство нашимъ заступничествомъ: мы должны были думать, что Болгары бѣгутъ отъ насъ вмѣстѣ съ Турками; но, въ виду насѣдавшей нашей конницы, Турки, чтобы хоть чѣмъ-нибудь отомстить намъ, избивали безъ жалости Болгаръ цѣлыми семействами.

Много такихъ невеселыхъ картинъ насмотрѣлись мы на протяженіи этого шоссе. Сидитъ, напримѣръ, Турокъ, уже сѣдой, около телеграфнаго столба, да такъ и умеръ, обнявъ его. Солдатики, работавшіе тутъ, разсказывали, что ему предлагали хлѣба, но онъ не бралъ и воды тоже не бралъ, а такъ съ голоду и померъ; вѣроятно, не хотѣлъ осквернить себя, принявъ пищу отъ гяура.

Еще такого старика мы нашли въ почти разваленной хатѣ; повидимому, это была прежде корчма, куда мы заѣхали отдохнуть, у огонька очага, разведеннаго нашими блуждавшими повсюду отсталыми солдатами. Вошли въ хату; у печки сидятъ нѣсколько нашихъ солдатиковъ, что-то варятъ. Сказавъ имъ продолжать свое дѣло и не обращать на насъ вниманія, подсѣли мы къ огню варить чай. Слышимъ кто-то стонетъ. «Кто это стонетъ?» спрашиваемъ. «Тутъ старая Турка съ мальчикомъ лежитъ, ваше высокоблагородіе», отвѣтилъ кто-то. Мы подошли къ углу, откуда слышались стоны; видимъ лежитъ сѣдой, исхудалый и, повидимому, больной Турокъ, за которымъ ухаживаетъ мальчикъ. Поговорить съ нимъ мы не могли, не зная Турецкаго языка, а потому и не могли узнать, что̀ съ нимъ и чѣмъ бы ему помочь. Напоили его чаемъ, дали немного денегъ и сказали солдатикамъ, которые тутъ оставались, чтобы они его не обижали и кормили бы. Конечно, мы это сказали, чтобы сказать что-нибудь, зная хорошо, что нашъ солдатъ и безъ того не обидитъ такого несчастнаго, а послѣднимъ да подѣлится съ нимъ. Хотя наши солдаты и увѣряли, что у Турки души нѣтъ, а что у него паръ, и считали его нехристемъ и басурманомъ, но безъ причины никогда не затрогивали и не обижали.

«Ишь, вѣдь тоже пьетъ!» удивлялись иногда они, глядя съ участіемъ на Турку, жадно пившаго на какомъ-нибудь переходѣ въ жару. Они относились съ какимъ-то своеобразнымъ состраданіемъ къ плѣннымъ, точно это были не люди имъ подобные, а такъ какія-то недодѣланныя жалкія существа. «Лопочатъ, а не разберешь что!» разсуждали они между собой, конвоируя ихъ.

Иногда солдатъ дастъ хлѣба Туркѣ и смотритъ, какъ онъ съ голодухи уплетаетъ его, и опять-таки удивляется и сожалѣетъ, что у нихъ нѣтъ чернаго хлѣба, а ѣдятъ они рисъ или галеты, что̀ нашимъ было не по вкусу.

Напившись чаю и покормивъ лошадей, мы тронулись дальше въ путь. Опять потянулись тѣже картины смерти и разрушенія. Въ одномъ мѣстѣ, какъ сейчасъ помню, влѣво отъ дороги, возвышались какіе-то холмы, и по нимъ валялось человѣкъ десять Болгаръ въ самыхъ разно-

образныхъ положеніяхъ. Вѣроятно они бѣжали отъ Турокъ, а тѣ ихъ перестрѣляли какъ воробьевъ.

Среди всѣхъ этихъ труповъ и обломковъ бродили наши отсталые солдаты, въ самыхъ невозможныхъ костюмахъ, подбирая, что̀ попадалось получше. Одинъ гулялъ въ клѣтчатыхъ штанахъ въ родѣ Шотландца; другіе въ Турецкихъ шинеляхъ, башмакахъ и фескахъ. Всѣ эти костюмы, конечно являлись вслѣдствіе того, что свое износилось, а Турецкое попалось покрѣпче.

Деревни по дорогѣ въ большинствѣ были пусты, въ особенности Турецкія.

Мы останавливались для ночлега въ пустыхъ домахъ и у Болгаръ. Всюду виднѣлось разореніе. Пожитки цѣнные прятались въ кадкахъ, зарытыхъ въ землю, которыя иногда нечаянно находились нашими; ячмень также зарывался въ землю. Какъ Турки отъ насъ, такъ и Болгары отъ нихъ все прятали. Въ одной деревнѣ, гдѣ мы остановились на ночь у Болгарина въ домѣ, я спросилъ: «нѣтъ ли курицы или утки, или чего-нибудь такого? «Хичь *) нема, братушка, хичь нема», щелкнувъ ногтемъ о зубы, сказалъ Болгаринъ, «сичко земе Турцы». Но уже не говорили, какъ раньше: «айда на Балканъ» теперь говорили они: «айда на Стамбулъ».

Въ то время какъ Болгаринъ разсказывалъ мнѣ всю эту околесину, подъ кадушкой, тутъ же стоявшей, закричала курица. Болгаринъ смутился; но я сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ происшедшаго и, еле сдерживая смѣхъ, далъ ему денегъ, сказавъ, чтобы онъ поискалъ на деревнѣ и купилъ бы мнѣ курицу, а самъ ушелъ въ избу и разсказалъ сотнику Закрѣпѣ штуку съ курицей. Черезъ нѣсколько времени Болгаринъ принесъ курицу, говоря, что насилу нашелъ.

Часто, не находя на шоссе селенія или удобнаго мѣста для дневнаго отдыха, мы двигались большею частью шагомъ и закусывали, сидя въ бричкѣ. «А что̀, Василій Васильевичъ, не закусить ли намъ?» говорилъ Закрѣпа. «Можно, Николай Мироновичъ», отвѣчалъ я. «Или, наоборотъ, я спрашивалъ, если хотѣлъ ѣсть раньше, и одобреніе получалось немедленно. «Достань-ка, Кузьма, поѣсть!» говорили мы казаку. Тотъ лѣзъ подъ козлы, доставалъ переметныя сумы съ закуской и боченокъ вина. Все это раскладывалось на колѣняхъ на бурки, и мы, продолжая двигаться, попивали вино, закусывая ломтиками лука съ солью и перцемъ, бараниной, курочкой и вообще всѣмъ, чѣмъ богата

*) Хичь—ничего.

была наша кухня, подъ управленіемъ того же казака Кузьмы, который тоже уплеталъ за обѣ щеки.

Разговоры если и возбуждались, то больше о попадавшихся на глаза предметахъ. Немало занимали насъ наши помѣщики, поселившіеся въ деревняхъ близъ шоссе и вдали его. Дичи всякой всюду было много. Часто слышались выстрѣлы: это стрѣлялъ по гусямъ или почему другому нашъ солдатикъ-помѣщикъ, вышедшій поохотиться.

Иногда эти помѣщики попадались съ телѣгами, запряженными буйволами; значитъ, уже обзавелись хозяйствомъ, а Русскій человѣкъ быстро вообще обсѣдаетъ и пускаетъ корни. «Чтò ты тутъ дѣлаешь?», спросилъ я его. «Да вотъ, ваше высокоблагородіе, отсталъ отъ полка и не знаю, гдѣ онъ?»—«Ну и что же?»—«Пока тутъ у Болгаръ и проживаю».

Иные отговаривались нездоровьемъ.

Какъ видно, имъ было хорошо, и многіе, вѣроятно, такъ и остались тамъ на жительство.

Говориил мнѣ, что одного такого нашли, который остался еще отъ прошлаго похода 1828-го года. Онъ женился, обзавелся хозяйствомъ и теперь уже въ глубокой старости съ большой семьей доживаетъ свой вѣкъ. Обрадовался старикъ, увидавъ Русскихъ, много разспрашивалъ, и видимо хотѣлось ему побывать на родинѣ, да ужъ лѣта не позволяли.

На пути къ мѣстечку Мустафа-пашѣ, мѣстность представляла открытую равнину съ изрѣдка разбросанными кое-гдѣ группами деревьевъ. Эта мѣстность считалась опасной, подвергаясь почему-то набѣгамъ баши-бузуковъ, и намъ совѣтовали присоединиться къ шедшей къ Адріанополю батареѣ подъ конвоемъ сотни Донскихъ казаковъ. Намъ это показалось черезчуръ долгимъ, и мы, пройдя немного за батареей, пустились впередъ одни, въ надеждѣ на нашъ всесильный Русскій «авось» и благополучно достигли Мустафа-паши, конечно, тоже брошеннаго и на половину разрушеннаго. Вдоль всего шоссе, какъ и повсюду, разбросанные по дорогамъ Болгаріи и Турціи, намъ попадались и чрезвычайно нравились во всѣхъ отношеніяхъ колодцы-фонтаны. Они высокіе въ ростъ человѣка, сложенные изъ камня или мрамора, украшенные Турецкими письменами, имѣли видъ стѣнки съ углубленіемъ въ серединѣ. Въ нижней части продѣлано отверстіе и вставленъ желобокъ, изъ котораго бѣжитъ постоянно ключевая вода въ приставленную каменную же колоду.

Вода въ этихъ фонтанахъ всегда чистая и холодная, что неоцѣнимо въ жаркихъ странахъ. Шоссе, по которому мы двигались все время, тянулось невдалекѣ, то удаляясь, то приближаясь, къ рѣкѣ Марицѣ, довольно широкой, мѣстами поросшей камышомъ, несшей свои весеннія голубыя и быстрыя воды въ Эгейское море. Весна была въ полномъ разгарѣ, природа пробудилась. Всюду чувствовалась жизнь, зеленѣла трава, одѣвались деревья, и солнце припекало порядочно. Мы часто любовались то пролетомъ вереницы утокъ, то Греческимъ строемъ гусей, то закатомъ или восходомъ солнца. Какъ-то залюбовались мы чрезвычайно красивой картиной: переправлялся черезъ Марицу на зыбкомъ паромѣ Донской казакъ съ своимъ конемъ, освѣщенный лучами заходящаго солнца, отражавшагося въ рѣкѣ.

Нерѣдко, если мѣстечко намъ нравилось, разстеливъ бурки, мы дѣлали привалъ и отдыхали отъ длиннаго пути. Тутъ же на берегу Кузьма разводилъ костеръ и жарилъ шашлыки, которые мы запивали краснымъ винцомъ. Разъ какъ-то мы съѣхались съ Краснымъ Крестомъ, шедшимъ тоже въ Адріанополь; оказались тамъ знакомые, и немедленно было рѣшено сдѣлать привалъ. Лежа на травѣ, мы вспоминали прошедшее и рисовали будущее, а люди готовили завтракъ. Вдругъ слышимъ желѣзнодорожный свистокъ, вскакиваемъ и видимъ идетъ: поѣздъ. Давно уже мы не видали поѣзда отъ самой Румыніи. Что-то родное представилось намъ въ этомъ поѣздѣ, управляемомъ нашими солдатами желѣзнодорожнаго баталіона. Поѣздъ напомнилъ намъ Россію; мы подпрыгивая побѣжали къ нему, махали шапками и платками; съ поѣзда намъ отвѣчали, мы радовались какъ малыя дѣти. Это былъ первый поѣздъ, шедшій изъ Филиппополя въ Адріанополь. Вообще насъ радовало все, что мало-мальски напоминало Россію. Даже погонщикамъ, какъ они ни были жалки на видъ и на самомъ дѣлѣ со своими изнуренными лошадьми, и тѣмъ мы радовались, видя ихъ одѣтыхъ въ сермяги или поддевки.

Услышимъ, бывало, пѣсню заунывную Русскую; поетъ ее отдыхающій солдатикъ, прислушаешься, и такъ станетъ хорошо, пріятно и весело на душѣ, но въ тоже время и призадумаемся, что-то теперь дѣлается дома; скоро ли вернемся, или еще насъ ожидаетъ впереди такая же бурная жизнь; цѣлый рой подобныхъ мыслей зашевелится въ головѣ, далеко унося мечтателя отъ дѣйствительности.

Пришлютъ, бывало, кому-нибудь письмо изъ дому, это производитъ общее волненіе, его читаютъ чуть не въ слухъ, всѣ интересуются.

Радовались мы, хотя и завидовали въ тоже время тѣмъ, которые

по какимъ-нибудь казеннымъ дѣламъ ѣхали въ Россію домой. Всегда имъ давалось пропасть всякихъ порученій и словесныхъ, и письменныхъ, и конечно все это наполовину исполнялось.

Тотъ не пойметъ этого чувства, кто не былъ заброшенъ далеко отъ своей родины, въ непріятельскую землю, кончилъ боевую, полную всякихъ лишеній, жизнь, остался живъ и ждетъ не дождется, когда придетъ приказъ отправляться домой.

Наболтавшись вдоволь, мы простились съ Краснымъ Крестомъ въ надеждѣ встрѣтиться въ Константинополѣ и на отдохнувшихъ лошадяхъ тронулись впередъ, оставляя за собой обозы, двигавшіеся шагомъ.

Отъ Мустафы-паши оставалось недалеко до Адріанополя; путь ничѣмъ не отличался отъ пройденнаго.

Какъ и по всему пути отъ Филиппополя, такъ и здѣсь, шоссе проходитъ открытымъ мѣстомъ, равниной, отчасти холмистой, на которой мѣстами виднѣлись рощи и отдѣльныя группы деревьевъ.

IV. Адріанополь.

Всему бываетъ конецъ; такъ и теперь кончался нашъ путь: мы подъѣзжали къ Адріанополю, а по турецки «Эдерне», второй столицѣ Турецкой имперіи. Мы подъѣзжали къ редутамъ, окружавшимъ городъ, но не исполнившимъ своего назначенія, потому что Турки ихъ бросили, не защищая. За ними стоялъ рядъ орудій побольше сотни, отбитыхъ въ послѣднее время у Турокъ, а дальше открывался прелестный видъ самаго Адріанополя съ возвышавшимися надъ нимъ стройными, бѣлыми, уходившими чуть не въ самыя небеса, минаретами, увѣнчанными блиставшими при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца полумѣсяцами. Вскорѣ мы въѣхали въ предмѣстье Адріанополя, грязное и запруженное всевозможными обозами и артиллерійскими парками съ конвоировавшими ихъ казаками; повозки и артиллерійскіе ящики прыгали по камнямъ изрытой глубокими ямами булыжной мостовой. Изнуренныя лошади еле тащили ихъ, останавливаясь чуть не на каждомъ шагу. Гамъ погонщиковъ и шумъ колесъ и подковъ стоялъ невообразимый. Почти немыслимо было продраться сквозь это столпотвореніе; но нашъ Кузьма не унывалъ, то и дѣло покрикивая сторониться; онъ какъ вьюнъ скользилъ между повозками. «Эй, станишникъ! Посторонись-ка!» кричалъ онъ Донскому казаку, и тотъ кое-какъ тискался въ обозѣ, и мы проѣзжали. Казаки незнакомые между собой или разныхъ войскъ всегда называютъ другъ друга станишниками; «назвать иначе, обидится», объяснилъ мнѣ Кузьма. Такимъ образомъ, еще засвѣтло пробрались мы

сквозь скопище и въѣхали на высокій каменный мостъ съ каменными будками по бокамъ середины его. Тутъ уже проѣздъ былъ свободный. Въ одной изъ этихъ будокъ сидѣли два молодыхъ Кубанскихъ казака и обнявшись орали во все горло какую-то казачью пѣсню. «Чтò вы горланите, черти!» крикнулъ имъ, поровнявшись, сотникъ Закрѣпа. «Чтò вы въ станицѣ что ли у себя, дураки!» Казаки конечно вскочили, увидавъ своего офицера, и отдали ему подобающую честь. «Вотъ подите съ ними, и въ усъ себѣ не дуютъ, горланятъ какъ дома», обратился онъ, смѣясь, ко мнѣ. Не знаю ужъ, почему они его такъ раздосадовали.

На мосту попались какіе-то люди, одѣтые въ обыкновенные Турецкіе костюмы, но въ необыкновенныхъ фескахъ, скомканныхъ и свѣшивавшихся шлыками на бокъ и безъ кисточекъ.

За мостомъ, налѣво, потянулось Мусульманское кладбище, а направо какіе-то развалины, миновавъ которыя, мы въѣхали въ городъ. Улицы, какъ и въ Филиппополѣ, были полны народа; но тутъ преобладалъ нашъ военный людъ: тутъ была главная квартира главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, стояли войска, много пріѣзжихъ и проѣзжихъ.

Выѣзжая на главную улицу, мы встрѣтили корнета Лёвстрема, пріѣхавшаго нѣсколько раньше насъ; онъ шелъ съ поручик. Степаномъ Ѳедоровичемъ Джунковскимъ. Я вылѣзъ изъ телѣжки, и мы обнялись съ Джунковскимъ, съ которымъ давно уже не видались. Онъ насъ пригласилъ остановиться у него. Простившись съ Закрѣпой и обѣщавшись на завтра свидѣться, мы втроемъ отправились на квартиру Джунковскаго. Но свидѣться съ Закрѣпой такъ и не пришлось, потому что въ Адріанополѣ оказалось еще больше закоулковъ и переулковъ, чѣмъ въ Филиппополѣ. Поручикъ Джунковскій занималъ въ домѣ какого-то зажиточнаго Грека чистую и просторную комнату съ атаманками вдоль стѣны и столомъ по срединѣ. Немедленно было подано красное винцо, и мы поздравили другъ друга со встрѣчей, съ тѣмъ, что до сихъ поръ живы и здоровы, и съ близкимъ возвращеніемъ домой. Долго мы бесѣдовали, передавая другъ другу все, чтò произошло съ каждымъ изъ насъ за послѣднее время, пока усталость не взяла свое, и мы, разлегшись по атаманкамъ, заснули, какъ невинные младенцы. Черезъ день поручикъ Джунковскій уѣхалъ, и мы перебрались на другую квартиру, а немного спустя и корнетъ Лёвстремъ уѣхалъ въ полкъ. Я пошелъ бродить по городу, встрѣчая на каждомъ шагу знакомыхъ; съ нѣкоторыми приходилось увидѣться впервыя послѣ Петербурга.

Адріанополь представлялъ собой большой военный лагерь, улицы полны офицеровъ, всѣхъ родовъ оружій, съѣхавшихся по разнымъ об-

стоятельствамъ изъ различныхъ отрядовъ дѣйствующій арміи. Великій Князь жилъ въ «канакѣ»; это большое каменное зданіе, лучшее въ городѣ, стояло въ глубинѣ обширнаго двора на главной улицѣ города. Когда ожидался выѣздъ главнокомандующаго, масса народа и офицерства толпилась на дворѣ и на пути его слѣдованія. Часто Великій Князь останавливался, разговаривалъ и шутилъ съ окружающими. Я заходилъ въ «канакъ» къ своимъ товарищамъ, ординарцамъ Великаго Князя. Они жили въ прекрасной квартирѣ, отведенной въ канакѣ: лѣстница съ ковромъ, кровати съ чистымъ бѣльемъ, сами, какъ и вся остальная свита, чистенькіе, умытые, приглаженные, такъ что намъ, уже порядкомъ обносившимся, измазаннымъ, небритымъ и давно отвыкшимъ отъ всякихъ удобствъ, казалось сразу, что мы попали въ другой міръ. По поводу этихъ удобствъ нерѣдко мы подтрунивали и дразнили состоявшихъ при главной квартирѣ. Вся жизнь съѣхавшагося этого военнаго мірка сосредоточилась на улицахъ. Встрѣчавшіеся шли въ первую попавшуюся кофейню, чтобы за стаканомъ краснаго вина спокойно поболтать. Тутъ же заводились быстро новыя знакомства, и такимъ образомъ уличная жизнь процвѣтала. Всѣ кофейни были биткомъ набиты офицерами: сидятъ за столами, пьютъ, ѣдятъ, болтаютъ. Въ походѣ какъ-то забывается разность положеній и чиновъ: всѣ товарищи. Иногда не знаешь, какъ и звать и фамилію, а между тѣмъ пріятели и на ты. Гдѣ нибудь встрѣчались, и съ удовольствіемъ опять встрѣчаешься и прямо въ кабачокъ за стаканъ добраго вина, гдѣ разговоръ какъ-то легче и веселѣе идетъ; а тутъ еще кто-нибудь подсядетъ, и образуется такимъ порядкомъ компанія оживленная и веселая.

Чуть не въ каждомъ домѣ города были открыты маленькія кофейни или родъ какихъ-то закусочныхъ весьма грязныхъ и угощавшихъ посѣтителей кушаньями подозрительнаго качества, но тѣмъ не менѣе они были полны.

Всѣ эти трактиры содержались Греками, а частью разными иностранцами. Разговаривать съ ними приходилось на Французскомъ языкѣ, который они тоже плохо понимали, такъ что сказанное дополнялось жестами. Въ городѣ было нѣсколько гостинницъ, одна очень чистая и даже съ нѣкоторыми претензіями на комфортъ, съ общимъ столомъ и извозчиками во дворѣ, ожидавшими желающихъ прокатиться: полуколяска или, какъ ее называли, фаэтонъ парой въ дышло, на высокихъ козлахъ котораго возсѣдалъ кучеръ Грекъ въ національномъ костюмѣ съ длиннымъ бичемъ. Какъ Филиппополь, такъ и Адріанополь не отличались чистотой: повсюду грязь, вонь, кучи мусора и навоза. Станція желѣзной дороги также была за городомъ, и шоссе, ведущее къ ней,

обсаженное деревьями, представляло прекрасную аллею, гдѣ ежедневно подъ вечеръ происходило катанье. По бокамъ аллей расположились бивуакомъ Болгары, бѣжавшіе отъ Турокъ. Станція была оживлена, и правильное движеніе открыто между Филиппополемъ и Адріанополемъ и даже нѣсколько дальше, до линіи, занимаемой нашими войсками. Ѣздить по этой желѣзной дорогѣ можно было съ особаго разрѣшенія.

Самое замѣчательное зданіе въ городѣ это мечеть «Султана Селима», очень высокая обширная съ четырьмя по угламъ высокими минаретами въ нѣсколько ярусовъ, окаймленныхъ рѣзными балкончиками, на которые выходятъ глашатые—«муедзины», въ положенные часы, сзывать правовѣрныхъ на молитву.

Идя какъ-то по улицѣ и не подозрѣвая, что тутъ происходитъ правильное моленіе Мусульманъ, я услыхалъ протяжный крикъ; оглядываюсь во всѣ стороны, но не вижу, кто кричитъ. Крикъ повторяется и какъ будто гдѣ-то наверху. Ища виновника моего недоумѣнія, я нечаянно взглянулъ на одинъ изъ красивыхъ балкончиковъ стройнаго минарета мечети Султана Селима, гдѣ замѣтилъ муедзина-глашатая въ чалмѣ и подпоясаннаго, въ широкомъ цвѣтномъ халатѣ, который, приставивъ ладони къ ушамъ въ видѣ крыльевъ и обходя по балкончику вокругъ минарета, поперемѣнно на всѣ четыре стороны выкрикивалъ призывъ правовѣрнымъ на молитву. И правовѣрные собирались со всѣхъ концовъ города. Я тоже пошелъ въ мечеть, чтобы осмотрѣть ее. Это было каменное, высокое, красивое, бѣлое зданіе съ куполообразной крышей, съ четырьмя высокими стройными минаретами по угламъ, обнесенное бѣлой же каменной оградой съ воротами на каждой сторонѣ. Главные ворота выходятъ на улицу; стоитъ невдалекѣ канакъ.

Войдя въ ворота ограды, я попалъ на довольно обширный дворъ, очень чистый, съ мраморнымъ водоемомъ по срединѣ и бьющимъ изъ него фонтаномъ. Кругомъ сидѣли и лежали нищіе и желавшіе отдохнуть. Входныя двери въ мечеть высокія, около которыхъ стояли ряды башмаковъ правовѣрныхъ, ушедшихъ внутрь въ чулкахъ. Пройдя въ двери, я очутился внутри зданія, напоминающаго нашъ храмъ. Въ противуположной отъ входа стѣнѣ такое же круглое съ окнами углубленіе внаружу, какъ нашъ алтарь, и на одну ступеньку выше, чѣмъ весь полъ, а по срединѣ этого полукруга, на раскинутой подставкѣ, лежитъ большой раскрытый Коранъ.

Русскій глазамъ не вѣритъ, любитъ пощупать руками, а поэтому и Коранъ не остался въ покоѣ: его каждый перелистывалъ, разсматривая. По срединѣ изъ купола спускалась большая люстра, а по сто-

ронамъ были маленькія. По стѣнамъ вверху висѣли бѣлые круги, съ черными Турецкими письменами и, вѣроятно, изреченіями изъ Корана. Вправо отъ алтаря устроено возвышеніе, на которое ведетъ лѣстница ступенекъ въ десять, съ площадкой наверху, съ которой муллы говорятъ проповѣди, поучая правовѣрныхъ. Все это возвышеніе было сдѣлано изъ бѣлаго мрамора. Перила и бока этой вышки, изящной ажурной работы, говорили, что будто бы она вся высѣчена изъ цѣлаго куска мрамора. Вдоль стѣны, надъ входной дверью, на столбахъ устроены хоры, на которыхъ стоятъ во время богослуженія женщины, не допускаемыя и въ мечети въ общество мужчинъ. Они скрываются отъ взоровъ любопытныхъ за деревянною въ мелкую косую клѣточку рѣшеткой. Вдоль стѣнъ мечети, кому гдѣ удобно, на коврикахъ, въ фескахъ, но безъ обуви (которая снимается и оставляется при входѣ, или ставится на коврикахъ рядомъ съ собой) стояли на колѣнахъ, сидя на пяткахъ, нѣсколько Турокъ, сосредоточенно молившихся. Они не обращали никакого вниманія на окружавшій ихъ шумъ любопытныхъ, осматривавшихъ мечеть и ихъ самихъ. Это замѣчательная черта Магометанъ—отдаваться вполнѣ молитвѣ, оставляя всякое занятіе, какъ только услышатъ призывъ муедзина. Чистота въ мечетяхъ замѣчательная. Богослуженіе отправлялось въ положенные часы, не стѣсняясь пребываніемъ Русскихъ, и было одно вечернее торжественное богослуженіе, на которомъ присутствовалъ Великій Князь со свитой и всѣ желающіе. На этотъ разъ мечеть и минареты снаружи были иллюминованы сверху донизу разноцвѣтными фонарями, а внутри также ярко освѣщена зажжеными люстрами.

По улицамъ города часто встрѣчалось магометанское духовенство; у нѣкоторыхъ были зеленыя чалмы, у другихъ бѣлыя; одѣты они въ длинные широкіе халаты, въ родѣ нашихъ подрясниковъ, подпоясанныхъ въ нѣсколько разъ обернутымъ вокругъ шарфомъ, кажется, по цвѣту чалмы. Вообще въ Адріанополѣ видно было, что наше присутствіе не стѣсняло жителей. Началась торговля всевозможнымъ восточнымъ хламомъ, продаваемымъ за дорогую цѣну. Пріѣзжалъ какой-то иностранецъ съ знаменитыми саблями, принадлежавшими будто бы, какъ увѣрялъ онъ, разнымъ султанамъ и знаменитымъ пашамъ. Я ихъ видѣлъ, зайдя въ гостиницу, гдѣ онъ ихъ выставилъ. Правда, очень хорошія и дорогія сабли, но цѣна была баснословная.

Въ одну изъ своихъ прогулокъ по городу я встрѣтилъ сотника Владикавказскаго полка, Александра Васильевича Верещагина, и мы пошли съ нимъ бродить по улицамъ и трактирчикамъ. Зашли въ «Османъ-Базаръ»; это тоже пассажъ, какъ и въ Филиппополѣ, камен-

ный, представляющій длинный корридоръ со сводами и каменнымъ поломъ. Направо и налѣво тянулись прилавки, разгороженные деревянными стѣнками на маленькія отдѣленія. Въ каждомъ отдѣленіи сидѣлъ, поджавши ноги, на прилавкѣ хозяинъ. Товаръ самый разнообразный: тутъ и ковры, и ситцы, и сукна, и подвѣски металлическія и серебряныя, и конская сбруя, и много другой всякой всячины.

Народъ сновалъ по всѣмъ направленіямъ. Отойдя немного отъ базара, мы попали на рынокъ, тутъ же неподалеку расположенный, гдѣ торговали съѣстнымъ разнаго рода и во всякомъ видѣ, какъ въ сыромъ, такъ и въ готовомъ, т.-е. на рѣшеткахъ поджареннымъ.

Увидавъ живую рыбу, мы рѣшили варить себѣ уху по своему и, купивъ какую-то большую, въ родѣ нашего налима, пошли на квартиру сотника Верещагина, приказавъ здѣсь же взятому мальчику тащить за нами рыбу. Верещагинъ жилъ въ чистенькой и уютной комнаткѣ Греческаго дома. Хозяева по-русски не понимали, и мы, принеся рыбу, спросили хозяйку, гдѣ у нея кухня, объясняя ей, указывая на рыбу, что хотимъ готовить. Она повела насъ на кухню и очень любезно предложила намъ свои услуги; но какъ мы ни бились, стараясь растолковать приготовленіе ухи по-русски, пришлось покориться судьбѣ, и мы ушли къ себѣ въ комнату, оставивъ приготовленіе ея на усмотрѣніе хозяйки. Хотя уха была и не по нашему приготовлена, но вышла вкусная, а главное свѣжая, и мы остались довольны, что поѣли порядочнаго кушанья.

Становилось уже не на шутку жарко; о снѣгѣ, конечно, давно не было помину. Городъ мало-по-малу пустѣлъ. Войска уходили впередъ, обозы подтягивались и располагались въ предмѣстьяхъ его. Главная квартира собиралась переходить въ Санъ-Стефано. Все стремилось въ сторону Стамбула.

Наконецъ выѣхалъ Великій Князь, а съ нимъ и вся главная квартира. Городъ совсѣмъ опустѣлъ. Я стоялъ на квартирѣ въ маленькой гостинницѣ, низъ которой занималъ кафе-ресторанъ. Здѣсь я совершенно случайно досталъ сладковатое розовое вино, что-то въ родѣ ликера, котораго мы раньше нигдѣ не встрѣчали. Хозяинъ этого заведенія былъ Болгаринъ; онъ мнѣ объяснилъ, что это вино любятъ очень Турецкія женщины, когда удаляются кейфовать съ подругами въ бани.

Скука была препорядочная, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ приказа присоединиться къ полку.

Выйдя утромъ какъ-то на балконъ изъ своего номера, я увидѣлъ разгуливавшаго по двору гостиницы нашего корнета Болдырева. Ока-

залось, что онъ также былъ оставленъ съ партіей больныхъ лошадей и стоялъ верстахъ въ семи отъ Адріанополя въ Турецкой деревнѣ. Сейчасъ же было рѣшено, что я съ лошадьми переѣду къ нему.

V. Присоединеніе къ полку.

Къ вечеру въ тотъ же день мы уже были въ деревнѣ, гдѣ лошадямъ было гораздо покойнѣе и ближе къ продовольствію. Обозъ остался въ городѣ. Деревня эта Турецкая, стояла въ равнинѣ, окруженной возвышенностями. Чурбаджа этой деревни, Грекъ, еще молодой человѣкъ, пригласилъ насъ остановиться въ его домѣ.

Домъ у него былъ довольно помѣстительный, съ большимъ дворомъ спереди и сараями по краямъ его. Говорилъ онъ немного по-французски, но такъ плохо, что мы едва могли понять его. Любимое слово у него было «фрапронъ»; это слово онъ говорилъ очень часто, оно выражало, смотря по надобности, и драку, и охоту, и стрѣльбу, и еще многое кое-что. Поэтому мы, не зная какъ его звать, прозвали его «фрапрономъ».

Устроились мы въ этой деревнѣ удобно и покойно; воздухъ чистый, корму и людямъ и лошадямъ, благодаря любезности «фрапрона», было вдоволь. Турки были вполнѣ мирные; ни малѣйшей непріязни они намъ не выказывали наружно, посылая въ душѣ, вѣроятно, насъ въ преисподнюю.

Турчанки, какъ и вездѣ, не показывали своего лица; а намъ очень хотѣлось посмотрѣть, каковы онѣ. Видя, что въ извѣстное время утромъ и вечеромъ онѣ небольшими партіями ходятъ неподалеку отъ насъ къ колодцу за водой, съ высокими кувшинами на плечахъ и, разыгравшись иногда между собой, бѣгаютъ одна за другою раскрытыя, не боясь любопытнаго мужского глаза, подмѣтивъ это, мы какъ-то рано утромъ пришли къ колодцу, и такъ какъ онъ былъ на открытомъ мѣстѣ, то залегли неподалеку, за небольшимъ валикомъ, въ надеждѣ, что Турчанки насъ не замѣтятъ и будетъ возможность полюбоваться ими на свободѣ. Вскорѣ пришли Турчанки, но тотчасъ открывъ нашу засаду, съ крикомъ бросились бѣжать въ деревню, а мы, смѣясь надъ испугомъ ихъ и своей неудачей, тоже вернулись домой, и уже больше не повторяли попытокъ подсматривать.

Хозяинъ нашъ оказался очень милый человѣкъ; мы съ нимъ сдружились, и онъ постоянно сидѣлъ у насъ, или мы у него. Училъ онъ насъ играть въ какую-то игру, напоминавшую наши шашки, но совсѣмъ другого вида, увѣряя, что въ эту игру любитъ играть султанъ, и

партнеръ его обязательно долженъ проигрывать, въ противномъ случаѣ онъ подвергается султанской немилости. Показывалъ онъ намъ, какъ рѣдкость, иллюстрированную исторію на Французскомъ языкѣ Наполеона I го и его походовъ.

Турки уважали своего чурбаджу и нашего «фрапрона», и мы удивлялись, какъ они его, Грека, выбрали своимъ начальникомъ. При насъ онъ произвелъ какое-то судебное разбирательство надъ Турками и однаго изъ нихъ отправилъ въ Адріанополь для дальнѣйшаго слѣдствія и наказанія. Отъ нечего дѣлать, мы ѣздили изрѣдка въ Адріанополь узнать новостей и сдѣлать кой-какія закупки.

Начался перелетъ утокъ; мы сожалѣли, что нѣтъ у насъ ружей и нельзя поохотиться. Сожалѣніе свое высказали какъ-то фрапрону, онъ оказался охотникомъ и предложилъ намъ свои охотничьи ружья.

Обрадованные такой находкой, каждый день на вечерней зарѣ мы отправлялись за деревню озеромъ на перелетъ утокъ. Садясь между озеръ, мы поджидали лётъ ихъ и какъ только начинало смеркаться, изъ многочисленныхъ заливчиковъ доносилось кряканье утокъ, и селезни начинали летать въ разныхъ направленіяхъ надъ нашими головами. Мы открывали по нимъ огонь; но такъ какъ сумерки очень непродолжительны и темнота наступала почти слѣдомъ за закатомъ солнца, то приходилось подъ конецъ стрѣлять не по видимой цѣли, а на угадъ по шуму крыльевъ. Но все-таки почти каждый разъ мы приносили домой трофеи нашей охоты. Фрапронъ радовался, утокъ жарили и съѣдали всѣ сообща. Иногда и онъ ходилъ съ нами и какъ-то разъ предложилъ поѣхать съ нимъ на охоту къ его брату, жившему недалеко на хуторѣ. Мы, конечно, съ удовольствіемъ приняли предложеніе и на другое утро, съ разсвѣтомъ, верхами отправились къ его брату. Верстахъ въ десяти въ небольшой рощѣ стоялъ хуторокъ «чифликъ», (какъ здѣсь называется) брата фрапрона. Хозяинъ любезно предложилъ намъ сначала закусить, потомъ показывалъ свое хозяйство и затѣмъ пригласилъ идти на охоту. Собакъ съ нами не было. Отойдя немного отъ «чифлика», мы разошлись и начали, равняясь, охоту. Зайцы выскакивали чуть не на каждомъ шагу, но подпускали насъ на ружейный выстрѣлъ, а другой дичи не попадалось, и мы, походивъ достаточное время и не сдѣлавъ ничего путнаго, повернули домой. Закинувъ ружье за плечи и о чемъ-то разговаривая, шелъ я съ фрапрономъ по дорогѣ, а корнетъ Болдыревъ съ его братомъ нѣсколько поодаль. Вдругъ у насъ изъ-подъ ногъ съ шумомъ поднялась стая куропатокъ; это было такъ неожиданно, что мы, увлеченные бесѣдой, отскочили въ сторону

и съ удивленіемъ смотрѣли на удалявшуюся стаю. Корнетъ Болдыревъ съ Грекомъ хохотали. Сообразивъ въ чемъ дѣло, мы бросились бѣгомъ къ мѣсту, гдѣ сѣли куропатки, но ничего тамъ не нашли. Такъ съ пустыми руками и вернулись домой.

Такъ текла наша мирная жизнь въ Турецкой деревушкѣ, пока не пріѣхалъ изъ полка корнетъ Медвѣдевъ, осмотрѣлъ лошадей и передалъ намъ приказаніе идти къ полку. Корнетъ Болдыревъ ушелъ раньше, а я, черезъ нѣсколько дней, съ обозомъ также двинулся къ Санъ-Стефано. Шоссе къ Санъ-Стефано пролегало по открытой плоской мѣстности, вдоль котораго по сторонамъ часто попадались помѣщичьи усадьбы, «чифлики», постройки которыхъ большею частью были каменныя, обнесенныя такой же стѣной. Усадьбы частью были брошены, частью разорены, но кое-гдѣ и обитаемы.

Я съ больными, т. е. уже выздоровѣвшими, лошадьми шелъ обыкновенно впереди обоза, дѣлая привалы, а обозъ шелъ своимъ порядкомъ, застрѣвая кое-гдѣ и обыкновенно приходилъ на ночевку къ вечеру, когда мы успѣемъ уже отдохнуть и задать кормъ лошадямъ. Предполагалась дневка всему обозу въ одномъ мѣстечкѣ и какъ всегда, такъ и теперь, впередъ я послалъ унтеръ-офицера, чтобы приготовить мѣсто для стоянки и отыскать фуражъ, который мы брали, гдѣ попадется.

Дойдя до мѣстечка, гдѣ предполагалась дневка, мы увидали полнѣйшее разрушеніе, и по донесенію моего унтеръ-офицера фуража было много въ деревушкѣ, верстахъ въ пяти въ сторону отъ шоссе. Я рѣшилъ пройти въ эту деревушку и тамъ дневать.

Деревушка была Болгарская и, повидимому, очень зажиточная: сѣна и ячменя было вдоволь. Я помѣстился въ семействѣ стараго Болгарина, который принялъ меня очень радушно: сейчасъ же разостлалъ ковры у очага, наложилъ на нихъ подушекъ и пригласилъ меня отдохнуть. Въ тоже время бабы по приказанію его начали стряпать кушанья для меня, сынъ былъ посланъ принести зайца. «Поди, застрѣли капитану зайца», сказалъ старикъ сыну. Я удивился такому приказанію, какъ будто зайцы эти были непремѣнно на намѣченныхъ мѣстахъ и ихъ можно было по желанію во всякое время находить и стрѣлять. Сынъ взялъ ружье и вышелъ. Небольше какъ черезъ полчаса къ моему удивленію онъ вернулся, неся зайца. Я спросилъ, какъ это удалось ему такъ скоро найти зайца; но оказалось, что ихъ такъ много въ этихъ мѣстахъ, что можно во всякое время настрѣлять, сколько

угодно. Солдаты были довольны обиліемъ фуража и угощеніемъ Болгаръ.

Старикъ все время не отходилъ отъ меня, показывалъ хозяйство и окрестности, разспрашивалъ о Россіи и очень удивился моему отвѣту на вопросъ, во сколько дней можно пройти изъ конца въ конецъ Россію, что на это надо не нѣсколько дней, а нѣсколько мѣсяцевъ, а то и въ годъ не пройдешь. Также онъ интересовался численностью войскъ, дѣйствовавшихъ и оставшихся дома, и всему удивлялся. Спрашивалъ, гдѣ будетъ граница Болгарскаго княжества; узнавъ, что Адріанополь отойдетъ къ Турціи, очень огорчился и, обратясь къ своимъ домочадцамъ, объявилъ имъ, что переѣдетъ отсюда въ Болгарское княжество. «Ни за что не останусь съ этими проклятыми», заключилъ онъ.

Простоявъ сутки въ полномъ довольствіи, утромъ мы выступили, и я пошелъ въ мѣстечко, гдѣ долженъ былъ стоять обозъ, но къ крайнему нашему удивленію обоза не оказалось. Намъ сказали, что онъ не стоялъ, а переночевалъ и пошелъ дальше. Мнѣ пришлось пройти въ этотъ день верстъ подъ шестьдесятъ, чтобы догнать ихъ въ городкѣ, въ которомъ они должны были остановиться. Дорога все время шла съ возвышенности на возвышенность, по открытой мѣстности, и лошади немного утомились большимъ переходомъ, хотя было сдѣлано нѣсколько приваловъ. Попадавшіеся по дорогѣ Болгары увѣряли, что городъ близокъ, а между тѣмъ его еще не было видно, и я предположилъ, что Болгары, какъ всегда, врутъ по своимъ немѣреннымъ часамъ. Въ это время мы подходили по возвышенности къ спуску, и вдругъ, подойдя къ самому обрыву, передъ нами сразу открылся весь городъ, расположенный внизу на равнинѣ. У насъ вырвался невольный крикъ удивленія, «вотъ онъ городъ!» Спустившись и войдя въ него, мы увидали, что онъ почти пустъ. Турецкіе дома были всѣ брошены. Въ городѣ было уже устроено управленіе, во главѣ котораго, какъ и вездѣ, стоялъ нашъ офицеръ-администраторъ. Обозъ свой мы застали тутъ же. Выбравъ мѣсто для стоянки лошадей, я расположился въ Турецкомъ домѣ, куда вскорѣ пришелъ нашъ ветеринарный докторъ Подшиваловъ, прося разрѣшить ему перебраться ко мнѣ отъ Бирюкова, съ которымъ онъ остановился, но что-то не подѣлили. Подшиваловъ уже успѣлъ обѣгать весь городъ, нашелъ какой-то складъ оружія въ мечети и притащилъ оттуда какія-то вещи, предлагая купить какую-то ломаную шарманку. Онъ уже зналъ, гдѣ что̀ въ городѣ находится, о чемъ сообщилъ мнѣ; но я, уставъ порядочно, отказался сопутствовать ему и улегся спать. Здѣсь мы дневали.

На одномъ изъ ночлеговъ пришлось остановиться въ разоренномъ мѣстечкѣ, гдѣ намъ сказали, что всѣ колодцы отравлены и только одинъ чистъ, но этотъ чистый каждый указывалъ, гдѣ попало. Думать было нечего: взяли на угадъ, варили и чай пили и, слава Богу, никто не отравился.

Все ближе и ближе подвигались мы къ передовымъ войскамъ, чаще встрѣчали разоренныя и брошенныя деревни и города, въ которыхъ намъ приходилось дѣлать дневки и ночлеги. Въ одномъ изъ такихъ городковъ, сдѣлавъ дневку, я расположился въ брошенномъ Турецкомъ домѣ съ баней. Вообще о Турецкихъ домахъ, конечно богатыхъ, можно сказать, что они устроены съ роскошью и своеобразнымъ удобствомъ и фантазіей: повсюду мраморъ, кругомъ тѣнистые сады, которые охлаждаются различными водоемами и фонтанами. Большинство же домовъ строятся не каменные, а деревянные на высокомъ, составляющемъ первый этажъ, фундаментѣ. Часто, въ домахъ средняго класса, каменный низъ представляетъ конюшню и скотный дворъ, гдѣ стоятъ лошади и буйволы, покрытые зимой теплыми одѣялами, и всякая другая хозяйственная живность. Крыши черепичныя, красныя, внутренняя отдѣлка большею частью деревянная, буковая; потолки, стѣны сплошь обшиты буковыми дощечками, выложенными въ различные рисунки съ разными украшеніями, иногда же стѣны и потолки расписываются по штукатуркѣ красками. Въ расположеніи комнатъ никакой системы не соблюдается: изъ большой комнаты попадешь въ какой-нибудь чуланъ, дальше опять комната, какъ комната. Въ одной и той же комнатѣ разной величины и формы окна и двери. Почти всѣ комнаты отдѣляются одна отъ другой или высокимъ порогомъ, или лѣсенкой въ нѣсколько ступенекъ, внизъ или вверхъ. Во всѣхъ стѣнахъ разной величины шкафчики, потайныя маленькія дверки, въ которыя нужно пролѣзать ползкомъ, а тамъ опять просторная комната. Однимъ словомъ, какой-то лабиринтъ съ переходами, ходами, лазейками и всевозможныхъ размѣровъ комнатами. Въ женскомъ отдѣленіи окна дѣлаются рѣшетчатыя, въ косую клѣтку, или другихъ рисунковъ плетенки; клѣточки такъ малы, что и руку нельзя въ нихъ просунуть, а свѣту не мѣшаютъ. Это отдѣленіе всегда въ сторонѣ отъ любопытныхъ глазъ, и доступъ туда, кромѣ мужа и самыхъ близкихъ родственниковъ, запрещенъ подъ страхомъ смерти. На этой половинѣ, въ одной изъ комнатъ въ углу дѣлается маленькое отдѣленіе для частыхъ омовеній, по магометанскому закону, со шкафомъ, съ покатымъ къ углу мраморнымъ поломъ и дыркой для стока воды. Тутъ же устраивается небольшой котелъ для нагрѣванія воды; кромѣ того дѣлаются и большіе водоемы,

какъ въ домахъ, такъ и въ садахъ, смотря по избытку хозяина. Въ мужской половинѣ тоже устроены отдѣленія для омовенія и другихъ надобностей, съ мраморными полами и отверстіемъ по срединѣ. Объ Европейскихъ удобствахъ не имѣютъ понятія. Для омовенія служитъ мѣдный кувшинъ, «кунганъ», высокій, съ длиннымъ носкомъ.

Въ болѣе богатыхъ домахъ пашей, въ одномъ изъ которыхъ остановился я въ этотъ разъ, устроена была баня. Мы поспѣшили воспользоваться таковой и вымыться какъ слѣдуетъ. Начали топить баню и грѣть воду въ особыхъ глиняныхъ горшкахъ. Баня, какъ и у насъ, съ передбанникомъ, но безъ полка. Крыша въ банѣ куполообразная, съ круглыми окнами, закрытыми стеклянными колпаками, чрезъ которые проходящіе солнечные лучи распространяютъ пріятный свѣтъ и какую-то таинственность, располагающую къ нѣгѣ. Полъ и невысокія скамейки вдоль стѣнъ передбанника—все это мраморное. Полъ въ банѣ на столько накаливается отъ трубъ, проходящихъ подъ нимъ для нагрѣванія, что надо надѣвать деревянныя скамеечки на ноги, чтобы не обжечь подошвы ногъ. Баня для восточныхъ людей, какъ и для Русскихъ, составляетъ высшее наслажденіе, а для женщинъ Востока она служитъ мѣстомъ развлеченія. Въ нихъ Турчанки устраиваютъ празднества; собираютъ подругъ и удаляются въ баню на цѣлый день, гдѣ онѣ купаются, а въ передбанникѣ на коврахъ и мягкихъ подушкахъ онѣ предаются развлеченіямъ, попивая различные прохладительные напитки, ѣдятъ фрукты и сласти, угощая подругъ, курятъ кальяны, поютъ пѣсни, слушаютъ музыку и пляшутъ граціозные, страстные восточные танцы. Однимъ словомъ, наслаждаются полнымъ отдыхомъ и нѣгой.

Для насъ мытье въ этой банѣ было тоже праздникомъ. Съ самой Россіи не видѣли мы бани, и мытье продолжалось до поздней ночи, потому что сразу размѣръ бани не позволялъ мыться многимъ.

Утромъ мы пошли дальше изъ этого мѣстечка и, сдѣлавъ двѣ или три ночевки, подошли къ Чаталджинскимъ высотамъ. На этомъ пути ничего особеннаго намъ не попалось, если не считать верблюдовъ, навьюченныхъ котлами, съ погоньщиками—нашими солдатами. Это была для насъ новинка, и на нашихъ лошадей этотъ караванъ произвелъ большое впечатлѣніе: они начали испуганно фыркать и кидаться въ стороны.

Мы подходили къ Чаталджинскимъ высотамъ, усѣяннымъ Турецкими редутами, которые тоже оставлены были ими безъ боя.

Позиція эта, расположенная на командующихъ высотахъ, впереди которыхъ лежитъ болото, съ перекинутою чрезъ него гатью, представлялась мало доступной, и почему Турки не попытали счастья на ней, не знаю. Теперь же наша пѣхота стояла на этихъ высотахъ бивуакомъ. Здѣсь мы узнали, что полкъ нашъ стоитъ еще дальше, въ деревнѣ Нифасъ, куда мы и направились, радуясь окончанію нашего странствія и скорой встрѣчѣ съ товарищами.

Подъ самымъ уже Нифасомъ по дорогѣ попалось намъ нѣсколько Турецкихъ солдатъ, безъ оружія, шедшихъ по своимъ дѣламъ. Странно ихъ было видѣть теперь, мирно и спокойно идущихъ мимо насъ, тогда какъ нѣсколько дней тому назадъ они издали осыпали насъ градомъ пуль. Въ деревнѣ Нифасѣ на улицѣ встрѣтилъ насъ полковой командиръ. Поздоровавшись со мной и съ людьми, онъ приказалъ спѣшиться и сдѣлать выводку лошадямъ. Убѣдившись въ ихъ порядкѣ, генералъ Эттеръ благодарилъ людей и меня и, отпустивъ ихъ, пригласилъ меня къ себѣ, распрашивая о подробностяхъ нашего пребыванія въ отдѣлѣ отъ полка.

VI. Деревни Нифасъ и Айпа.

Нифасъ—это довольно большая Греческая деревня, съ нѣсколькими пересѣкающимися по разнымъ направленіямъ улицами. Дома въ ней почти всѣ двухъэтажные, низъ каменный, верхъ деревянный, окружены дворами съ каменной или плетневой оградой, смотря по достоянію хозяина. При въѣздѣ въ деревню, на площадкѣ, обсаженной пирамидальными тополями, стояла небольшая Греческая церковь, съ черепичною крышей, съ крестомъ надъ алтаремъ. Колокольни не было, а вмѣсто колоколовъ была привѣшена у двери, на стѣнѣ церкви, чугунная доска, «било», такая, какія употребляются у насъ караульными въ деревняхъ; въ эту доску бьютъ палкой, призывая жителей къ богослуженію. Внутренность церкви такая же, какъ и у насъ; но по срединѣ стояли два ряда колонъ, между которыхъ устроены сидѣнья.

Эта деревня расположена на высокомъ берегу оврага, поросшаго кустарникомъ, вдоль котораго стояли наши часовые, а на противоположномъ берегу его стояли Турецкіе часовые. Это была демаркаціонная линія, проходившая отъ Константинополя верстахъ въ шести. Всѣ дома были заняты чинами нашего полка; въ однихъ жили офицеры, а въ другихъ солдаты.

Въ Нифасѣ стояло три эскадрона, 1-й, 2-й и 3-й, а 4-й стоялъ верстахъ въ двухъ, въ деревнѣ Айпѣ. На главной улицѣ, въ большомъ угловомъ домѣ, открылъ трактиръ Итальянецъ «Вокаро», который, узнавъ о прибытіи Русскихъ войскъ, немедленно пріѣхалъ изъ Кон-

стантинополя, гдѣ онъ занимался торговлей, въ Нифасъ. Это былъ еще молодой человѣкъ, средняго роста, довольно образованный, услужливый, сумѣвшій сразу насъ расположить въ свою пользу. Ему помогалъ его меньшой братъ. Онъ привезъ съ собой поваровъ и всевозможную провизію. Вокаро сразу установилъ порядокъ въ своемъ трактирчикѣ: были назначены часы завтрака и обѣда, къ которымъ собирались почти всѣ офицеры. На каждый день писалось меню и, кромѣ того, можно было заказывать по картѣ. Закуска была хорошая, но нашей водки и чернаго хлѣба не было. Хотя иногда и доставалъ Вокаро по заказу водку, но все-таки она была не Русская, за то пиво изъ Тріеста было свѣжее и вкусное. Еще въ большомъ ходу была марсала. Цѣны на все были порядочныя, но все-таки не такія, какія брали наши маркитанты-Жиды.

Буфетъ или, какъ мы называли, кабачекъ, занималъ небольшую угловую комнату во второмъ этажѣ. Слѣдующая большая, съ лѣстницей внизъ, была столовая, съ длиннымъ посрединѣ столомъ, кругомъ котораго стояли стулья, табуретки и скамейки. Съ другой стороны столовой двѣ комнаты занимались: одна деньщиками, другая—офицерами третьяго эскадрона. Въ нижнемъ этажѣ комнатку занимали нѣсколько офицеровъ второго эскадрона, а нѣсколько ступеней ниже помѣщалась кухня нашей столовой. Остальные офицеры размѣстились по всей деревнѣ компаніями въ нѣсколько человѣкъ и по одному.

Къ нашему кабачку примыкала площадь, на которой стоялъ денежный полковой ящикъ съ часовымъ. На эту же площадь выходилъ домъ, въ которомъ помѣщался штабъ полка и штандартъ; эти дома оба стояли на околицѣ деревни, и изъ оконъ ихъ открывался видъ на Турецкую сторону оврага, изъ-за котораго грандіозно вздымались бѣлые минареты Стамбула и частью виднѣлся самый городъ. Странно намъ казалось, отчего мы стоимъ здѣсь, а не тамъ, гдѣ высятся эти гордые минареты.

Мѣстность, отдѣлявшая насъ отъ Константинополя, ровная, открытая, безъ всякихъ признаковъ какихъ-либо укрѣпленій и даже войскъ.

Жизнь потянулась однообразная и скучная. Скучная она была потому, что дѣлать было нечего; мы ожидали возвращенія домой, а слухи не подтверждали этого.

Я поселился въ дер. Айпѣ, вмѣстѣ съ ротм. Сафоновымъ, вернувшимся изъ Россіи по излѣченіи своей раны, и корнетомъ Ѳедоровымъ, въ маленькой комнаткѣ большого Турецкаго дома, остальныя комнаты котораго занимались другими офицерами и деньщиками.

Каждый день верхомъ или пѣшкомъ мы отправлялись въ Нифасъ, въ кабачекъ; тутъ пили, ѣли, играли въ карты и вечеромъ возвращались домой.

Вскорѣ четвертый эскадронъ перевели въ Нифасъ, такъ что весь полкъ стоялъ теперь вмѣстѣ.

Сюда намъ привезли изъ Россіи новые мундиры, и уланы пріодѣлись и почистились; но офицерамъ трудно было пріодѣться: не было портныхъ и матеріала. Нѣкоторые было пробовали, но ихъ надували и вмѣсто настоящаго синяго сукна ставили такое, которое выгорало быстро на солнцѣ и получалось коричневое или лиловое, смотря потому, какимъ оно было до краски въ синій цвѣтъ.

Кабачокъ Вокаро сдѣлался полковымъ клубомъ: все сосредоточивалось въ немъ, здѣсь рѣшались всѣ полковыя дѣла, сюда собирались и отсюда расходились всѣ слухи, интересовавшіе насъ. Во всякое время можно было встрѣтить тутъ офицеровъ.

Газетъ не было, и мы, какъ древніе Греки, которые были охотники до новостей, ловили всюду эти новости; но главный источникъ ихъ былъ въ Санъ-Стефано, гдѣ находилась въ настоящее время главная квартира. Каждый, возвратившись оттуда, являлся въ столовую, и его обступали съ вопросами «что̀ новенькаго?» Прибывшій громогласно разсказывалъ все, что̀ узналъ, послѣ чего начинались обсужденія и догадки. Часто вечеръ заканчивался жженкой. Всѣ присутствовавшіе дѣлали складчину и варили жженку, для чего на срединѣ стола ставили большую кострюлю, и кто нибудь занимался варкой. Остальные сидя кругомъ, чистили фрукты, совѣтовали чего еще туда подложить и любовались игравшимъ въ темнотѣ голубовато-краснымъ огонькомъ въ кострюлѣ на сахарѣ. Нерѣдко звали трубачей, которые на изломанныхъ трубахъ, стоя внизу у лѣстницы, играли все, что̀ приходило имъ въ голову.

Заслышавъ звуки трубъ, офицеры собирались со всѣхъ концовъ Нифаса; разговоръ мало-по-малу оживлялся. Корнетъ Миллеръ обыкновенно начиналъ говорить спичи, которые онъ говорилъ прекрасно и могъ долго говорить безъ запинки на всякія темы.

Но скоро некому уже было говорить рѣчи: пришелъ приказъ откомандировать всѣхъ кирасирскихъ офицеровъ по своимъ полкамъ, и мы проводили корнета Миллера, устроивъ ему на прощаніе генеральную жженку.

Въ Нифасѣ мы простились также съ своимъ боевымъ полковымъ командиромъ, генераломъ Эттеромъ. Сначала разнесся слухъ, что гене-

ралъ Эттеръ, находившійся въ отпуску въ это время въ Россіи, сдастъ полкъ генер. Струкову, получивъ новое назначеніе, а вскорѣ и самъ онъ, вернувшись изъ отпуска, пріѣхалъ проститься съ полкомъ.

Полкъ выстроился, офицеры собрались на правомъ флангѣ. Ген. Эттеръ вышелъ и благодарилъ всѣхъ за службу подъ его командой, за тѣ благодарности, которыя онъ получалъ за полкъ, сказавъ, что лучшей наградой онъ считаетъ мундиръ полка, который пожаловалъ ему Государь Императоръ и съ которымъ онъ никогда не разстанется. Ген. Эттеръ былъ взволнованъ; офицеры его окружали, онъ жалъ намъ руки, желая скораго возвращенія домой, а мы въ свою очередь желали ему всего хорошаго. Ген. Эттеръ обошелъ квартиры офицеровъ, зашелъ и въ столовую, дѣлая прощальные визиты.

Командующій полкомъ остался полковникъ Пилсудскій.

Невдалекѣ отъ Нифаса, на берегу Мраморнаго моря, раскинулся приморскій городокъ Санъ-Стефано, гдѣ сосредоточилась теперь жизнь, возбужденная присутствіемъ главной квартиры.

Часто мы ѣздили туда «гулять» какъ говорилось. Тамъ уже открылись кабачки, гостиницы, кафе-шантаны, которые мы называли «кафе-шайтанами», и много другихъ увеселительныхъ заведеній.

Дорога изъ Нифаса въ Санъ-Стефано шла равниной вдоль демаркаціонной линіи. Въ одномъ мѣстѣ не широкій, но быстрый ручей, протекая въ высокихъ берегахъ, пересѣкалъ дорогу и чрезъ него былъ перекинутъ каменный горбатый мостъ. Такіе высокіе мосты необходимы, потому что эти небольшія рѣчки-ручьи превращаются въ дождливое время въ бурные непроходимые потоки, уничтожающіе все на своемъ пути. Около этого моста стоялъ Турецкій караулъ съ офицеромъ, а на самомъ мосту часовой, который при проѣздѣ нашихъ офицеровъ дѣлалъ ружьемъ на караулъ.

По другую сторону моста, шагахъ въ тридцати, вправо отъ дороги, былъ каменный колодезь-фонтанъ, у котораго расположился нашъ пѣхотный караулъ.

Часто, проѣзжая мимо, мы видѣли нашихъ и Турецкихъ солдатъ, мирно бесѣдовавшими у колодца или купавшимися въ этомъ ручейкѣ, оживленно разговаривая каждый на своемъ языкѣ. Иногда спросимъ: «о чемъ вы говорите?» — «Да все про войну разговариваемъ, какъ у насъ воевали, а онъ разсказываетъ, какъ у нихъ». — «Да вѣдь вы другъ друга не понимаете, о чемъ говорите?» — «Ему-то, конечно, гдѣ же понять», отвѣчаетъ нашъ солдатъ. «Ну, а ты-то его понимаешь?» — «Какъ же, онъ разсказываетъ, какъ султанъ свойный съ женами своими живетъ

и про всякую домашность». Наши ухитрялись, ловя подходящія созвучія своихъ словъ съ Турецкими, составлять изъ нихъ фразы, а тамъ выходилъ и цѣлый разсказъ. Такимъ образомъ велись разговоры нашихъ солдатъ съ Турками, и тѣ и другіе оставались довольны, въ сущности не понимая ни единаго слова, но наговорившись вдоволь.

Вообще непониманіе Русскаго языка приводило нашихъ солдатъ въ недоумѣніе, такъ что, придя еще въ Румынію и видя, что ихъ не понимаютъ, они старались кричать, твердо выговаривая слова, предполагая, что тѣ не разслышали,—глухіе или безтолковые. Но, видя, что это не помогаетъ, они удивленно говорили: «да какъ же это я ему по русски говорю, а онъ не понимаетъ?» Кончилось тѣмъ, что они стали ихъ считать просто дураками и заучивать Румынскія слова, а выучивъ нѣсколько такихъ словъ и, конечно, коверкая ихъ по своему, и къ нимъ еще коверкая Русскія слова, увѣряли, что выучились говорить по румынски и отправлялись разговаривать, при чемъ сильно жестикулировали руками и кричали. Понятное дѣло, что туземецъ не понималъ ихъ, и это сердило нашихъ и, чтобы вразумить безтолковаго дурака, наши указывали пальцами на то, что̀ требовалось и достигали цѣли.

Этотъ горбатый мостъ памятенъ намъ потерей одного изъ нашихъ товарищей. Это случилось такъ. Отправились какъ-то мы цѣлой компаніей въ Санъ-Стефано и, проболтавшись день по разнымъ увеселительнымъ мѣстамъ, вечеромъ собирались ѣхать домой. Между прочимъ стали набѣгать тучи и накрапывать дождь, а немного спустя, разразилась страшная южная гроза. Вѣтеръ завывалъ, дождь лилъ какъ изъ ведра, молнія сверкала, громъ потрясалъ зданія, и темнота была, какъ говорится, хоть глазъ коли. Мы сидѣли въ одномъ изъ излюбленныхъ кабачковъ, отложивъ возвращеніе домой до слѣдующаго утра.

Вдругъ корнетъ Брамсъ объявилъ, что онъ сейчасъ ѣдетъ въ полкъ. Мы удивились такой поспѣшности. «Что̀ за фантазія тебѣ ѣхать въ такую погоду?» говорили мы, представляя всѣ доводы противъ поѣздки; но, не смотря на ихъ очевидность, онъ настоялъ на своемъ и, простившись, уѣхалъ. Къ утру буря утихла, взошло солнце, и вся наша компанія отправилась домой въ Нифасъ. Подъѣзжая къ этому горбатому мосту, мы замѣтили группу всадниковъ, приближавшихся также къ мосту со стороны Нифаса. Вглядѣвшись, мы узнали, что это всѣ наши офицеры. «Что̀ это такое? Куда они ѣдутъ?» удивлялись мы. Впереди ѣхалъ штабъ-ротмистръ ханъ Нахичеванскій. Я поскакалъ къ нему, онъ также. Смотрю, лицо у него грустное, озабоченное. «Такъ ты живъ! Я думалъ, что это ты утонулъ», сказалъ онъ мнѣ. Я вытаращилъ на него глаза. «Кто утонулъ?» спрашиваю въ свою очередь. Тогда онъ

мнѣ объяснилъ, что Турки донесли, что кто-то изъ нашихъ офицеровъ утонулъ. Въ это время подъѣхали остальные офицеры, лица у всѣхъ были озабоченныя. Присоединившись къ своимъ, мы переѣхали мостъ и поѣхали берегомъ ручья, на которомъ стоялъ нашъ караулъ, и шагахъ въ 30 отъ моста, у самаго берега увидали лежащаго навзничь нашего корнета Брамса. Мы сошли съ лошадей, сняли фуражки и перекрестились, потомъ приступили къ осмотру. Замѣчательно, что онъ сохранилъ посадку: какъ сидѣлъ на конѣ и держалъ поводья, такъ и лежалъ теперь на землѣ. Подошелъ Турецкій офицеръ и началъ разсказывать, какъ они нашли его. Ханъ, умѣвшій говорить по турецки, переводилъ. Офицеръ сказалъ, что лошадь Брамса у нихъ. Оказалось, что онъ ѣхалъ на Турецкой лошаденкѣ.

Недалеко отъ мѣста, гдѣ лежалъ корнетъ Брамсъ, берегъ нѣсколько вдавался въ материкъ и образовывалъ обрывъ, у края котораго при осмотрѣ мы замѣтили слѣды подковъ. Послѣ долгихъ разсужденій и догадокъ и по словамъ Турецкаго офицера, мы рѣшили, что корн. Брамсъ во время бури, въ темнотѣ, сбился съ дороги, и не попавъ на мостъ, оборвался съ берега, упалъ въ потокъ и, не могши справиться съ сильнымъ его теченіемъ, одѣтый въ пальто, утонулъ.

Невесело было смотрѣть на такого молодца, сдѣлавшаго весь походъ, оставшагося цѣлымъ и невредимымъ и теперь, почти наканунѣ возвращенія домой, утонуть въ такой дрянной рѣченкѣ, которую въ обыкновенное время и курица перейдетъ въ бродъ! Отнесли мы корн. Брамса въ Нифасъ на его квартиру. Доктора и мы осматривали; знаковъ насилія не оказалось, но и сабли въ ножкахъ тоже не оказалось, хотя она была надѣта подъ пальто, застегнутое на всѣ пуговицы и очень туго вынималась изъ ноженъ.

Это обстоятельство наводило насъ на сомнѣніе, что не Турки ли это, пользуясь темнотой и шумомъ бури и потока, при проѣздѣ корн. Брамса черезъ мостъ, сбросили его съ моста въ потокъ; но нашъ караулъ увѣрялъ, что ничего подозрительнаго не слыхалъ.

Вѣстовой, провожавшій корн. Брамса, исчезъ и, спустя довольно времени, былъ найденъ въ этомъ же ручьѣ, но по другую сторону моста. Его снесло теченіемъ, а лошадь его пропала и, какъ говорили потомъ, какъ будто видѣли ее у Турокъ въ лагерѣ. Вѣстового торжественно похоронили въ Нифасѣ у церкви. Корн. Брамса вынесли въ Греческую церковь, гдѣ нашъ протоіерей Смѣловъ служилъ панихиды, на которыхъ присутствовалъ весь полкъ. Хлопотали о гробѣ и объ отсылкѣ покойнаго домой, такъ какъ при выступленіи полка офицерами

было постановлено всѣхъ убитыхъ или умершихъ офицеровъ отправлять въ Россію.

Все было приготовлено. Поручикъ баронъ Будбергъ былъ назначенъ сопровождать тѣло въ Крымъ, гдѣ жила старушка, мать Брамса. Утромъ собрались всѣ офицеры въ церковь, передъ которой выстроился взводъ перваго эскадрона подъ командой корнета Медвѣдева и трубачи.

Когда кончилось отпѣваніе, офицеры вынесли гробъ и поставили на артельныя дроги, взводъ отдалъ честь, трубачи заиграли похоронный маршъ, и печальная процессія тронулась по дорогѣ къ Санъ-Стефано въ сопровожденіи всѣхъ офицеровъ верхами. Когда проѣзжали мостъ, Турецкій караулъ выстроился и отдалъ честь. Въ Санъ-Стефано гробъ поставили на пароходъ, отходившій въ Россію.

Всѣ произведенныя разслѣдованія не привели ни къ чему, и смерть корн. Брамса осталась тайной навсегда.

Мало по малу волненіе, произведенное этой печальной потерей товарища, улеглось, и жизнь наша опять вошла въ обычную колею. Поѣздки въ Санъ-Стефано или прогулки въ окрестностяхъ деревни, ничего интереснаго не представлявшихъ, кромѣ Турецкихъ часовыхъ; они охотно съ нами разговаривали, и когда мы имъ давали деньги, то они почему-то не брали. Смѣшны они бывали, когда накрапывалъ дождикъ, въ своихъ синихъ длинныхъ, безъ сборокъ сзади, шинеляхъ, съ такимъ же колпакомъ на головѣ, пришитомъ къ вороту шинели. Въ этомъ нарядѣ они напоминали намъ сахарныя головы.

Наступалъ Великій постъ, начали поговаривать о говѣніи и рѣшили говѣть такъ же, какъ и въ Россіи, но не стѣсняясь пищей, такъ какъ постный столъ Вакаро почему-то не брался держать. Но вотъ опять наше однообразіе было нарушено. Какъ-то передъ обѣдомъ слышимъ Турецкіе рожки; вышли посмотрѣть и видимъ, что на Турецкой сторонѣ оврага появилась Турецкая пѣхота и производитъ какіе-то маневры; мы всѣ высыпали смотрѣть, что будетъ дальше. Пѣхота появилась по всей линіи отдѣльными частями, забѣлѣли палатки, устраивали лагерь. Это насъ удивило. До сихъ поръ Турецкія войска близко не подходили къ намъ, и такое внезапное появленіе ихъ, да еще съ палатками, было новостью. Разбивъ лагерь, Турки продолжали что то въ немъ суетиться. Наступила темнота, а сигнальные рожки продолжали играть. Всѣ наши догадки не приводили ни къ чему; всю ночь сигнальные рожки не давали намъ покоя, и мы недоумѣвали, что они

тамъ дѣлаютъ. Цѣпь наша была усилена, и всѣмъ приказано быть наготовѣ. Каково же было наше удивленіе, когда утромъ мы увидали новорожденные редуты, выведенные въ одну ночь, по всей линіи, аршина на два, если не больше, и продолжавшіяся работы по ихъ возведенію!

Такая лихорадочная поспѣшность насъ поразила. «Не вышло ли какихъ нибудь осложненій?» думали мы, «не война ли опять начнется, вмѣсто возвращенія домой?». Немедленно поскакали въ главную квартиру донести о случившемся. Оттуда прислали офицера генеральнаго штаба; онъ съ различными предосторожностями осмотрѣлъ Турецкія позиціи и, сохраняя тайну своихъ соображеній, уѣхалъ обратно, поручивъ намъ наблюдать за всѣмъ, что будетъ происходить у Турокъ. Наблюдательный постъ устроился въ домѣ, гдѣ помѣщался штабъ полка, въ одномъ изъ оконъ котораго постоянно кто нибудь наблюдалъ въ бинокль. Турки изумляли насъ своей быстротой: въ нѣсколько дней передъ нами выросли сильныя укрѣпленія и начали вооружаться. Весь этотъ переполохъ устроилъ, какъ потомъ разсказывали, Османъ-паша, выпущенный изъ плѣна и прибывшій въ Константинополь, гдѣ былъ торжественно встрѣченъ Султаномъ и народомъ и пожалованъ отъ Султана титуломъ «Гази» т. е. непобѣдимаго. Увѣряли, что Султанъ поручилъ Осману-пашѣ командованіе войсками, расположенными подъ Константинополемъ и что это по его мысли возводились теперь укрѣпленія. Изъ главной квартиры дѣлали запросъ и будто бы получили отвѣтъ, что это лагери и упражненіе войскъ саперными работами. Такъ или иначе, а укрѣпленія выросли и вооружились.

Къ намъ пріѣхалъ Турецкій бимъ-баша (чинъ, соотвѣтствующій нашему маіору) въ гости. Мы его приняли очень радушно, пригласили въ столовую и угощали, пока не напоили совсѣмъ. Такимъ образомъ у насъ завязалось знакомство съ Турками. Часто приходили ихъ офицеры, но рѣдко заходили къ намъ, а больше въ солдатскій кабачокъ, гдѣ напивались и возвращались домой. Нерѣдко они приходили съ своими солдатами, съ которыми вмѣстѣ и пили. Намъ это казалось страннымъ. Бимъ-баша сталъ часто посѣщать нашу столовую; онъ говорилъ по-французски, и мы свободно могли съ нимъ объясниться. Онъ очень удивлялся нашимъ товарищескимъ отношеніямъ старшихъ офицеровъ съ младшими. У нихъ этого не допускалось.

Мы распрашивали его объ офицерахъ ихъ войскъ, о степени ихъ образованія, и выражали свое недоумѣніе по поводу того, что они рѣдко посѣщаютъ нашу столовую, а идутъ къ солдатамъ. Бимъ-баша объяснилъ, что образованія большею частью никто изъ нихъ не по-

лучилъ, и что они мало чѣмъ отличаются отъ рядовыхъ и что высшее начальство обращается съ ними очень строго; при этомъ онъ крикнулъ на сидѣвшихъ тутъ же за столомъ своихъ офицеровъ. Тѣ, какъ шальные, повскакали съ мѣстъ и вытянулись. Покричавъ немного, онъ имъ опять разрѣшилъ сѣсть и, обращаясь къ намъ, сказалъ: «Вы видите, какая это дрянь», при чемъ тыкалъ въ нихъ безъ церемоніи пальцами, и тѣ, видимо, находились въ страхѣ. Солдатъ Турецкихъ онъ хвалилъ и говорилъ, что если бы имъ дать нашихъ офицеровъ, то никогда бы ихъ не побѣдили. Подобный отзывъ приходилось намъ также слышать и отъ самихъ Турецкихъ солдатъ, которые были недовольны своими офицерами, не пользовавшихся у нихъ уваженіемъ. Каждый разъ бимъ-баша, нагрузившись изрядно марсалой или жженкой, отправлялся домой, подъ наблюденіемъ двухъ нашихъ уланъ изъ Татаръ, до Турецкой цѣпи; тамъ они его сдавали съ рукъ на руки Туркамъ и возвращались домой.

Эти провожатые разсказывали, что бимъ-баша ихъ звалъ перейти въ Турецкое войско, но они ему объяснили, что присягѣ своей не измѣнятъ, хотя и единовѣрцы съ ними. Вскорѣ какъ-то вечеромъ къ намъ въ столовую вошелъ Черкесъ изъ конвоя Султана и объявилъ чрезъ нашего шт.-ротм. хана Нахичеванскаго, что желаетъ перейти въ Русскую службу, что онъ самъ уроженецъ Кавказа и желаетъ вернуться домой.

Форма его настолько похожа съ нашимъ конвоемъ, что мы сразу его приняли за своего; разница только та, что на папахѣ полумѣсяцъ и газыри красныя бархатныя, а у нашихъ синія бархатныя. Онъ у насъ переночевалъ, а утромъ мы его проводили въ главную квартиру, а оттуда отправили его въ Россію.

Бимъ-баша, хотя самъ и часто пріѣзжалъ къ намъ, но насъ къ себѣ не звалъ, и на намеки о нашемъ желаніи какъ-нибудь посѣтить его отвѣчалъ какъ-то уклончиво. Намъ же очень хотѣлось узнать, чтò тамъ скрывается за линіей Турецкихъ укрѣпленій. Интересовались этимъ всѣ, но почему-то деликатничали съ Турками.

Какъ-то разъ вечеромъ намъ, съ шт.-ротм. ханомъ Нахичеванскимъ, пришла мысль сдѣлать рекогносцировку Турецкаго расположенія. Долго не думая и не говоря никому ни слова, мы приказали сѣдлать и, взявъ съ собой своихъ вѣстовыхъ, вчетверомъ выѣхали за деревню къ Турецкой цѣпи. Ночь была темная, и мы такъ тихо проѣхали, что аванпосты Турокъ насъ не замѣтили.

Радуясь успѣху и забравшись уже въ ихъ расположеніе, мы высматривали все, чтò позволяла намъ темнота. Намъ хотѣлось главнымъ

образомъ осмотрѣть за укрѣпленіемъ, какія части стоятъ и въ какомъ порядкѣ, потому что нѣсколько разъ насъ предупреждали, что Турки готовятся сдѣлать внезапное нападеніе ночью. Пробираясь ощупью тихо, все дальше и дальше, мы подъѣхали къ какой-то деревнѣ, осмотрѣли ее и въѣхали въ улицу.

На правой сторонѣ тянулись длинные сараи, освѣщенные внутри, а у дверей стояли дремавшіе часовые, не замѣчавшіе насъ; въ сараяхъ стояли подсѣдланныя Черкесскія лошади. Мы подвигались впередъ, надѣясь, что насъ такъ и не замѣтятъ; но при выѣздѣ изъ деревни часовые не дремали. Ихъ было два. Они подставили штыки и крикнули: «дуръ», что̀ значитъ стой. Шт.-ротм. Нахичеванскій, зная по-турецки, началъ переговоры съ ними; но часовые все-таки не пропускали насъ.

Разбудили офицера рядомъ въ домѣ. Онъ высунулся изъ окна, и ханъ повелъ съ нимъ переговоры. Оба они возвышали голосъ, и я видѣлъ, что что-то у нихъ начинается неладное, а въ темнотѣ мы не знали, далеко ли заѣхали отъ своей цѣпи и въ какой сторонѣ находится эта деревня.

Офицеръ изъ окошка крикнулъ что-то, часовые подхватили, а дальше отозвались, и поднялась тревога. Шт.-ротм. ханъ Нахичеванскій повернулъ коня налѣво кругомъ, сказавъ намъ скакать за нимъ, и мы карьеромъ вынеслись обратно изъ деревни и пустились прямо въ темноту. Сзади слышались крики и конскій топотъ. Мы наскочили въ потемкахъ на оврагъ и чуть было съ разлета не покатились кубаремъ на дно, но во̀ время поддержанныя лошади перенесли насъ на другую сторону, гдѣ мы наткнулись на какую-то рощу, въ ней сейчасъ же въ чащѣ и остановились, притаившись.

Конскій топотъ погони пронесся мимо и заглохъ вдали. Ханъ сказалъ, какъ оказалось, Турецкому офицеру, что мы пріѣхали въ гости къ бимъ-башѣ и чтобы насъ пропустили дальше къ Константинополю. Офицеръ сказалъ, что бимъ-баши нѣтъ, а когда ханъ настаивалъ на своемъ, то офицеръ сказалъ, что не вѣритъ намъ и, разсердившись за споръ, крикнулъ, чтобы насъ ловили; но Черкесы въ темнотѣ, не видя, куда мы ускакали, погнались наудачу и прозѣвали насъ.

Когда кругомъ все затихло, мы выѣхали изъ кустовъ и, чтобы не произвести тревоги по всей линіи, направились домой, надѣясь пробраться опять незамѣтно чрезъ Турецкую цѣпь. Намъ приходилось держаться теперь на огни, потому что мы совсѣмъ сбились съ дороги. Мы заспорили: я указывалъ на одни огни, увѣряя, что это наши, а

ханъ находилъ, что другіе наши. Рѣшили ѣхать такъ, какъ говорилъ ханъ; но не успѣли мы доѣхать ни до тѣхъ, ни до другихъ огней, какъ были окружены Турецкою пѣхотой, и опять раздалось «дуръ, дуръ!» Это случилось такъ неожиданно, что мы сочли за лучшее остановиться и разсказать имъ, что ѣхали домой изъ Константинополя въ Санъ-Стефано и, заблудившись въ потемкахъ, не знаемъ куда попали.

Оказалось, что мы попали въ главный караулъ Турокъ; но это было уже около нашей цѣпи, и штабъ-ротм. Нахичеванскій, разсказавъ имъ цѣлую исторію, какъ мы заблудились, просилъ проводить насъ домой. Турки, повидимому, повѣрили, но вѣроятно больше отъ близости нашихъ аванпостовъ, которые услыхали бы наши выстрѣлы и могли бы поднять тревогу.

Немедленно дали намъ провожатаго, который вывелъ насъ за цѣпь, и мы благополучно вернулись домой.

Всѣ были удивлены нашему разсказу на другое утро о произведенныхъ нами развѣдкахъ въ Турецкомъ расположеніи, и хотя то, что мы видѣли, было не лишено интереса, т.-е., что Турки не дремлютъ и стоятъ на чеку и что кавалерія, Черкесы, стоитъ недалеко въ деревнѣ, а лошади подсѣдланы и т. д., но все-таки на будущее время велѣно прекратить эти развѣдки, чтобы не вышло какихъ-нибудь недоразумѣній съ Турками.

Всѣ въ полку почти уже отговѣли. Подошла Страстная недѣля; въ церкви службы отправляли по очереди нашъ священникъ съ Греческимъ. Здѣсь пришлось намъ наблюдать Греческіе народные религіозные обычаи. Такъ, въ Вербное Воскресенье толпа ребятишекъ цѣлый день ходила по улицамъ съ вербой, украшенной цвѣтами и лентами, при чемъ они пѣли псалмы или молитвы.

Когда наступила Страстная недѣля, то на смѣну являлся другой обычай съ Іудой. Тѣже ребятишки дѣлаютъ изъ тряпокъ чучело, изображающее Іуду Искаріотскаго. Чучело это они носятъ по улицамъ, сопровождая пѣніемъ. Затѣмъ, кажется, въ Пятницу или въ Субботу, это чучело вѣшаютъ на дерево около церкви и бросаютъ въ него камнями, стараясь какъ можно больше нанести ему вреда, послѣ чего снимаютъ и рѣжутъ на мелкіе кусочки, которые еще долго валяются потомъ.

Приближался праздникъ Пасхи, и намъ хотѣлось встрѣтить его какъ можно торжественнѣе и чтобы столъ убрать, какъ убираютъ его у насъ дома, въ Россіи. Это было не легко, такъ какъ многое было трудно достать. Мы сказали Вокару, чтобы онъ гдѣ хочетъ, а досталъ

бы намъ все. Написали списки необходимаго, составили рецепты, по которымъ дѣлать пасху и куличи, и всѣ съ увлеченіемъ принялись за приготовленіе различныхъ украшеній. Всякій дѣлалъ что̀ могъ. Ротм. Сафоновъ, какъ скульпторъ, лѣпилъ изъ масла барана съ золотыми рогами и, какъ художнику, ему была поручена декоративная часть.

Рѣшено было, чтобы всякое явство было украшено какимъ-нибудь національнымъ флагомъ. Русскіе были всѣ исполнены превосходно, въ особенности замѣчателенъ былъ флагъ съ Русскимъ орломъ и Св. Георгіемъ въ серединѣ. Георгій, конечно, былъ микроскопиченъ, но всѣ части его одежды были вырѣзаны изъ соотвѣтственнаго цвѣта бумаги и наклеены. Вышла бумажная мозаика. Турецкій и Англійскій флаги были общимъ совѣтомъ изгнаны. Столъ устраивали въ комнатѣ, занимаемой офицерами третьяго эскадрона, какъ самой большой. Всѣ офицеры тащили все, что̀ было у нихъ лучшаго и что̀ могло служить украшеніемъ. Появились ковры, тюфяки, для устройства дивановъ. У меня была матерія красная съ бѣлыми разводами, которая, вмѣстѣ съ матеріей поручика Гордѣева, украшала стѣны и закрывала окна. По всѣмъ стѣнамъ красовались арматуры изъ оружія и аммуниціи, очень красиво развѣшанные. Столъ поставили покоемъ вдоль дивановъ, не забыто было и освѣщеніе. Хлопотъ было пропасть. Вокаръ ѣздилъ въ Константинополь и досталъ все, что̀ было ему поручено. Телѣгу съ покупками поджидали съ минуты на минуту, пора было убирать столъ. Но вотъ приходитъ человѣкъ, сопровождавшій нашъ пасхальный провіантъ, и объявляетъ, что Турецкая цѣпь не пропускаетъ телѣгу и что ее задержали. Такое извѣстіе насъ немало огорчило. Вѣдь пока пойдутъ переговоры, время можетъ уйти. Немедленно отправили шт.-ротм. Нахичеванскаго выручать телѣгу. Немало труда стоило ему убѣдить Турокъ не затѣвать исторіи о пропускѣ. Турки сознали всю глупость своего поступка, и телѣга была пропущена. Весело разгружали мы телѣгу и убирали столъ. Уже смерклось, когда все было готово. Насколько было можно, одѣлись почище и получше и отправились въ церковь. Церковь, залитая огнями внутри и иллюминованная снаружи, вырисовывалась красиво на темномъ фонѣ ночи. Служилъ нашъ полковой священникъ, отецъ Смѣловъ.

Биткомъ набилась церковь молящимися уланами и Греками. Пѣли наши полковые пѣвчіе. Хоть и далеко мы были отъ родины, гдѣ привыкли встрѣчать этотъ праздникъ въ кругу родныхъ и друзей, все-таки лица у всѣхъ были веселыя. Раздалось «Христосъ воскресъ». Мы начали христосоваться. Шт.-ротм. ханъ Нахичеванскій, хотя и былъ

Магометанинъ, но увлеченный общей радостью, тоже христосовался со всѣми, и всѣмъ было весело.

Отошла обѣдня, и мы отправились въ столовую, надъ дверью которой красовалась надпись «Христосъ воскресъ». Дверь была затворена; мы весело толпились передъ ней, ожидая батюшку, который еще убирался въ церкви. Пришелъ нашъ батюшка, проговорилъ благословеніе, дверь отворилась, и онъ, вступивъ въ комнату первый, благословилъ приготовленное. Комната, блистая огнями и убранствомъ, казалась еще красивѣе. Размѣстившись за столами, начались разгавливаніе. Пасха и куличи вышли на славу. Выпили по рюмкѣ настоящей Русской водки, выписанной изъ Россіи къ этому дню, и Шампанское полилось рѣкой. Вокаръ былъ также приглашенъ къ намъ и тоже сіялъ радостью. Провозглашались тосты за родныхъ и друзей, оставшихся далеко на родинѣ, и много другихъ. Долго мы пировали; уже разсвѣтало, когда начали расходиться. Шт.-ротм. ханъ Нахичеванскій, я и корн. Θедоровъ оставались: намъ не хотѣлось спать. Утромъ надо было ѣхать въ Санъ-Стефано, къ Великому Князю христосоваться. Вокаръ насъ не покидалъ и, увлеченный общимъ веселіемъ, принесъ двѣ бутылки Шампанскаго, прося принять ихъ отъ него. Мы старались отклонить этотъ подарокъ, но Вокаръ настоялъ на своемъ; да ему и не грѣшно было сдѣлать намъ подарокъ: подушныя онъ съ насъ собиралъ хорошія.

Утромъ всѣ офицеры полка поѣхали къ Великому Князю. Насъ провели отдѣльно отъ всѣхъ въ садъ, куда немного погодя вышелъ Великій Князь, въ уланскомъ сюртукѣ, съ Георгіевской звѣздой на груди и Георгіевскимъ крестомъ на шеѣ. Со всѣми по очереди христосовался шефъ; я былъ моложе всѣхъ, а потому подошелъ въ концѣ. Похристосовавшись, Великій Князь обратился къ полковнику Пилсудскому и спросилъ, указывая на меня: «Какъ онъ себя ведетъ?» Пока тотъ собирался отвѣтить, я самъ отвѣтилъ: «Отлично, Ваше Императорское Высочество». Великій Князь разсмѣялся, говоря: «Гречневая каша сама себя хвалитъ».

Поговоривъ и пошутивъ съ нами еще, онъ отпустилъ насъ. Отсюда мы пошли къ Евгенію Максиміліановичу, герцогу Лейхтенбергскому, похристосовавшись съ которымъ, разошлись и разъѣхались, кто домой, а кто тутъ же по знакомымъ и кабачкамъ. Повсюду былъ праздничный веселый видъ, всѣ встрѣчались и христосовались; всѣ, казалось, какъ будто одѣты въ новое, тогда какъ одѣты были все въ тѣже изношенные мундиры.

Прошли праздники, и мы стали готовиться къ параду. Великій Князь уѣзжалъ въ Россію и передъ отъѣздомъ желалъ проститься съ войсками. Наступили жары, днемъ сильно пекло, уже нѣсколько дней стояла въ воздухѣ какая-то духота и тишина, что-то было томительное въ этой тишинѣ, всѣ чего-то ждали, и оказалось, не напрасно.

Какъ-то послѣ обѣда сидимъ мы съ корн. Ѳедоровымъ въ буфетѣ, попиваемъ пиво, за стойкой сидитъ братъ Вокара и что-то разсказываетъ намъ. Въ комнатѣ третьяго эскадрона большая компанія, въ облегченныхъ, по случаю жары, костюмахъ, играетъ въ карты. Вдругъ на полкахъ задребезжали бутылки; мы переглянулись. «Что̀ это значитъ?» спрашиваемъ Вокара; но въ это время весь домъ затрясся и заколыхался, а Вокаръ уже бѣжалъ внизъ, на улицу; мы, не понимая что̀ случилось, бросились за нимъ.

Игравшіе въ карты тоже бѣжали внизъ. Всѣ мы бѣжали, нагнувши головы, какъ бы ожидая, что что-то должно на насъ обрушиться сверху. Когда мы выскочили наружу, то улицы были уже полны перепуганными и недоумѣвающими людьми, выскочившими изъ другихъ домовъ. Все какъ будто было на своемъ мѣстѣ; но, между прочимъ, что-то случилось. Жители подняли вопль, а мы, оглядываясь во всѣ стороны, повторяли одни и тѣже вопросы: «что̀ это такое, что̀ случилось?», но намъ никто не отвѣчалъ, всѣ о чемъ-то галдѣли. Наконецъ, ошалѣвшій Вокаръ пришелъ въ себя и объяснилъ намъ, что это было не что иное, какъ землетрясеніе и что оно уже кончилось.

Успокоившись, мы только тогда замѣтили, въ какихъ разнообразныхъ и даже непристойныхъ костюмахъ всѣ расхаживали по улицѣ. Всеобщій хохотъ овладѣлъ нами, когда мы увидѣли себя въ живописномъ безпорядкѣ. Нѣкоторые были совсѣмъ раздѣты и не замѣчали этого въ общей суматохѣ; нѣкоторые были съ картами въ рукахъ, а кто со стаканомъ воды и т. д. Кто-то разсказывалъ, какъ старшій Лёвстремъ, поручикъ, въ попыхахъ забылъ свою толщину и, желая скорѣй достигнуть двери, при общемъ бѣгствѣ, прыгнулъ черезъ столъ; но тяжеловѣсность напомнила о себѣ, и онъ, зацѣпившись за край стола, кубаремъ уже долетѣлъ до двери.

Долго острили и потѣшались надъ этимъ переполохомъ за жженкой, которую было рѣшено тотчасъ же варить, въ память перваго испытаннаго нами землетрясенія. У насъ это землетрясеніе прошло благополучно, хотя считалось жителями, уже испытавшими его не разъ, сильнымъ. Разрушилась только какая-то каменная стѣнка забора; съ людьми несчастій не было.

Въ Константинополѣ, какъ мы слышали, тоже что-то разрушилось, а въ Бруссѣ, на Азiатскомъ берегу, землетрясенiе было гораздо сильнѣе и много разрушило зданiй и повалило минаретовъ, которые, благодаря своей тонкости, при большой высотѣ, постоянно страдаютъ въ этихъ случаяхъ, ломаясь иногда на нѣсколько частей. Жители намъ объяснили, что каменныя постройки болѣе подвержены разрушенiю, въ сравненiи съ деревянными, для которыхъ, благодаря ихъ упругости, надо очень сильное колебанiе земли, чтобы разрушиться.

Часовой, стоявшiй въ домѣ штаба полка, у штандарта, не смотря на всеобщее бѣгство и смятенiе, остался на посту, за что немедленно былъ награжденъ деньгами и благодарностью. Другой же, стоявшiй на площадкѣ у денежнаго ящика, былъ изумленъ, когда заколебалась земля подъ его ногами, и ящикъ самъ собою поѣхалъ впередъ.

Впослѣдствiи какъ-то еще разъ было землетрясенiе, но слабѣе и уже обошлось безъ всякихъ курьезовъ. Третiй разъ мы ждали, но не дождались. Былъ очень душный вечеръ, и намъ сказали, что духота признакъ землетрясенiя.

Наступило 21 Апрѣля, день, въ который Великiй Князь сдѣлалъ прощальный парадъ войскамъ, и уѣхалъ въ Россiю. Утромъ полки выстроились за Санъ-Стефано, на равнинѣ и ждали Великаго Князя. Вскорѣ показался главнокомандующiй во главѣ блестящей свиты, въ которой виднѣлись красныя фески Турокъ и нѣсколько иностранцевъ. За нимъ Донской казакъ везъ его походное знамя, изображенiе лика Спасителя на длинномъ древкѣ, увѣнчанномъ восьмиконечнымъ золотымъ крестомъ.

Стройно прошли полки, удостоенные похвалы Великаго Князя, въ томъ числѣ и нашъ уланскiй полкъ съ новыми бамбуковыми Турецкими пиками, пожалованными Государемъ Императоромъ полку за отличiе.

Послѣ парада и завтрака Великiй Князь поѣхалъ на пароходѣ «Ливадiя», ожидавшемъ его передъ Санъ-Стефано. Мы всѣ поѣхали на паровыхъ катерахъ на пароходъ «Константинъ». Тотъ и другой пароходы изъ мирныхъ были обращены въ военные крейсеры на время войны. «Константинъ» подъ командой своего лихого командира капитана Макарова отличался въ эту кампанiю на Черномъ морѣ.

По всходѣ на палубу, насъ встрѣтилъ у трапа дежурный офицеръ, которому мы всѣ по очереди представились, а затѣмъ перезнакомились со всей каютъ-компанiей. Моряки были чрезвычайно любезны и предупредительны, показывали намъ машину и другiя интересовавшiя насъ вещи, а также военный флагъ, украшавшiй корму «Константина», сшитый изъ шелка и поднесенный Макарову Одесскими дамами.

«Ливадія» шла впереди, за ней «Константинъ». Подходя къ Босфору, «Константинъ» прибавилъ ходу и обошелъ «Ливадію». Матросы влѣзли на ванты и на реи, расположившись въ извѣстномъ порядкѣ. «Константинъ» убавилъ ходу, а «Ливадія» начала обгонять его. Великій Князь сидѣлъ на кормѣ, разговаривая съ окружающими. Матросы на «Ливадіи», такъ же какъ на «Константинѣ», стали по реямъ и лѣстницамъ; это дѣлалось у нихъ очень быстро.

Раздалось ура матросовъ, подхваченное нами; съ «Ливадіи» отвѣчали.

Она тихо проходила мимо насъ. Великій Князь всталъ и, снявъ фуражку, кланялся намъ; свита также.

Матросы, держась одной рукой за снасти, другой махали фуражками, продолжая кричать ура; мы тоже махали фуражками и кричали ура. «Ливадія» обогнала насъ и пошла дальше въ Россію, а мы повернули назадъ въ Санъ-Стефано. Намъ тоже хотѣлось продолжать идти за «Ливадіей»; но не настало еще для насъ это блаженное время. Мы только полюбовались видомъ съ моря на Константинополь. Онъ восхитителенъ, озаренный яркими лучами южнаго солнца, подъ которыми высятся стройные минареты и блеститъ полумѣсяцъ надъ куполомъ знаменитой святой Софіи.

Погода измѣнилась, пошли дожди и поднялись бури, продолжавшіяся не долго, но все-таки лишившія насъ многихъ и безъ того скудныхъ развлеченій. Дома̀ во время бурь наводили на насъ страхъ, въ особенности ночью: верхніе этажи, большею частью плетневые, обмазанные глиной снаружи и оштукатуренные внутри, чувствительно шатались, слышался скрипъ; одинъ старый домъ даже снесло.

VII. Санъ-Стефано.

Близость Санъ-Стефано со всей его безшабашной жизнью, при нашей бездѣятельности, тянула насъ къ себѣ. Иногда по нѣскольку разъ въ день мы навѣдывались туда.

Всѣ лучшія дома Санъ-Стефано занимались нашимм главноначальствующими и ихъ штабами, въ нѣкоторыхъ жили и сами хозяева. Санъ-Стефано все улучшалось въ смыслѣ прибавленія кабачковъ и другихъ увеселительныхъ заведеній. Кафе-шантаны процвѣтали, наполняясь каждый вечеръ офицерствомъ всѣхъ чиновъ и родовъ оружія, безъ церемоніи составлявшемъ одну общую компанію знакомыхъ и незнакомыхъ; большею частью всѣ были знакомы.

Въ только что открывшейся «конкордіи» большая комната передъ сценой была заставлена круглыми съ мраморными досками столами, за которыми сидѣвшіе зрители пили пиво, подаваемое въ кружкахъ на каменныхъ поддонникахъ, курили и разговаривали, а въ это время на сценѣ пѣлъ хоръ или отдѣльныя пѣвицы соло. Была одна излюбленная пѣвица, почему-то прозванная «прачка», которая, когда ее вызывали, запѣвала: «вдоль по улицѣ метелица мететъ», а дальше уже подхватывала публика хоромъ; потомъ опять прачка запѣвала, а хоръ опять подхватывалъ, и всѣ были очень довольны.

Замѣчательно, что никогда не было никакихъ недоразумѣній, ни между посѣтителями, ни съ исполнителями, а если и возникали какія, то сейчасъ же и получали мирный исходъ.

Успѣвшіе помѣститься у самой сцены нисколько не стѣснялись потрогать и погладить ножку пѣвицы, если таковая кому-нибудь нравилась, и это нисколько не удивляло пѣвицу, продолжавшую, не смущаясь, выводить рулады и трели. Иногда кто нибудь, недовольный пѣніемъ или музыкой, отправлялся на сцену и поправлялъ исполнителей, иногда и самъ исполнялъ за него. Если же что-нибудь не нравилось, начинали пускать волчкомъ поддонники изъ подъ кружекъ, и они, кончая вертѣться, трещали по столу; этотъ трескъ заглушалъ всякую музыку и пѣніе, и артисты на сценѣ умолкали, выжидая тишины, и затѣмъ «заводили», какъ тогда говорилось, новую.

Полицію изображали и въ Санъ-Стефано наши гвардейскіе полевые жандармы и Турки, нѣсколько человѣкъ низама при офицерѣ, который сидѣлъ всегда въ кафе или въ конкордіи и, не смотря на запретъ Магомета, исправно пилъ, а мы старательно напаивали его, и къ вечеру онъ уже лежалъ пластомъ. Помимо этихъ кафе, были трактирчики съ женской прислугой, которая подавала кушанія и любезничала въ отдѣльныхъ комнатахъ съ посѣтителями. Со всѣмъ этимъ людомъ объяснились мы на ломанномъ Французскомъ языкѣ или мимикой, а главную роль при разговорахъ играли желтички и франки.

Была въ Санъ-Стефано и гостиница - трактиръ того же наименованія. Стояла она на набережной моря у самой пароходной пристани, довольно чистая и съ хорошей кухней. Здѣсь можно было заказывать завтраки, обѣды и ужины, а также были и номера для пріѣзжихъ. Кромѣ того пропасть кабачковъ ютилось повсюду съ большимъ количествомъ вина и съ прескверной провизіей, кромѣ омаровъ и рыбы, получаемыхъ свѣжими изъ моря. Лучшіе изъ кабачковъ помѣщались на площади, и шутники окрестили ихъ всевозможными названіями, что̀ и было

начертано надъ дверьми каждаго углемъ. Тутъ были и Смуровъ, и Осетровъ, и Елисѣевъ, и много другихъ Петербургскихъ фирмъ; были взяты названія трактировъ и кабачковъ и изъ Французскихъ романовъ; но всѣ они ни по наружному, ни по внутреннему своему благоустройству ничего общаго не имѣли съ своими тезками.

Самый симпатичный кабачекъ находился на берегу моря, такъ что балконъ его, выступая въ море, омывался волнами его. Онъ былъ небольшой и очень чистенькій. Мы любили сидѣть въ жару на балкончикѣ, въ тѣни его навѣса, наслаждаясь морской прохладой.

Прекрасный полъ также не оставлялъ насъ своимъ вниманіемъ. Искательницы приключеній и любви заполняли всѣ свободные дома; тутъ были и Гречанки, и Армянки, и Француженки, и Нѣмки, и другія національности, и все это былъ молодой народъ, отъ 15 до 25 лѣтъ; всѣ онѣ задались благою цѣлью не дать намъ, заброшеннымъ судьбой далеко отъ родины, огрубѣть и пропасть со скуки.

Вообще Санъ-Стефано городокъ очень порядочный: широкія, мощеныя улицы. Набережная представляла естественный берегъ моря. Дома каменные, хорошей архитектуры, большинство Европейской, въ нѣсколько этажей, съ садами; были, конечно, и деревянные. Улицы и набережная обсажены деревьями, но фонарей по улицамъ не было, и потому желающіе въ темную ночь пройти благополучно ходили со своими фонарями. По выходѣ, по окончаніи представленія, изъ увеселительныхъ заведеній, насъ встрѣчала цѣлая команда съ фонарями различныхъ фасоновъ: это денщики и вѣстовые пришли за своими господами. Затѣмъ по всѣмъ направленіямъ двигались огоньки, мелькая въ темнотѣ, что было очень красиво.

Жителей осталось очень мало, и изъ важныхъ остался только князь Дадіанъ. Была даже фотографія близъ пристани, въ которой мы снимались. У пристаней качались рыбачьи и прогулочныя лодки, на рейдѣ стояли наши пароходы, приходившіе изъ Россіи; дальше разстилалось Мраморное море, по которому сновали лодки подъ парусами, и изрѣдка виднѣлись проходившіе вдали Англійскіе мониторы, а на горизонтѣ синѣли Принцевы острова.

У пристани раздавались свистки приходившихъ и отходившихъ пароходовъ изъ Константинополя и Родоста. Часто выходили мы прогуляться на набережную, поджидая коммерческаго парохода изъ Россіи. Эти пароходы насъ сильно интересовали, потому что на нихъ привозили Русскую водку, икру и черный хлѣбъ; можно было закусить и

пообѣдать въ Русскомъ вкусѣ, чего нигдѣ нельзя было найти на берегу, при всей нашей изобрѣтательности.

При появленіи нашего парохода въ виду Санъ-Стефано, немедленно мы бѣжали къ лодкамъ всевозможныхъ фасоновъ, отдававшихся намъ Греками за небольшую плату, спѣшили навстрѣчу парохода и сновали около него, пока бросался якорь и опускались трапы. Тогда мы взбирались наверхъ и спрашивали у капитана позволенія заказать закуску или обѣдъ. Капитаны всегда принимали насъ радушно и давали свое согласіе. Иногда въ столовой, иногда на палубѣ подавали намъ все, что́ требовалось, и мы наслаждались. Сначала за это взималась плата бумажками, а потомъ почему-то стали брать золотомъ. Это намъ не особенно нравилось, и казалось, что своимъ-то, пожалуй, и стыдно бы брать лишнее; ну да платили: дѣлать было нечего.

Такимъ образомъ, пока запасы не истощались и пока пароходъ разгружался, онъ превращался въ клубъ съ утра до ночи, набитый офицерами. Нѣкоторые до того увлекались родной закуской, что матросы помогали имъ вылѣзать изъ каюты и спускаться въ лодки. На военныхъ пароходахъ у насъ также было знакомство, но тамъ ничего не продавали, а принимали насъ какъ гостей, потому и посѣщенія были только по приглашенію.

Санъ-Стефано шелъ дальше въ своемъ улучшеніи: появились извощики и театръ. По городу почти не ѣздили на нихъ, а брали прокатиться куда-нибудь за городъ пару въ дышло небольшихъ лошадокъ, въ коляскѣ съ высокими козлами, на которыхъ возсѣдалъ Грекъ въ своемъ національномъ костюмѣ и съ длиннымъ бичемъ въ рукахъ, покрикивая на прохожихъ «гетъ, гетъ», равносильное нашему: берегись. Этими извощиками мы забавлялись, какъ давно невиданной игрушкой. Кромѣ того, на площади появилась толпа мальчишекъ, встрѣчавшая пріѣзжихъ. Какъ только мы сходили съ коней, они чистили насъ отъ пыли, а коня брали подъ свое покровительство на все время нашего пребыванія. Если же мы пріѣзжали съ ночевкой, то сдавали лошадей въ свой караульный взводъ, стоявшій у ген. Рауха.

Театръ, выросшій въ видѣ большого ящика на площади Санъ-Стефано, былъ сколоченъ изъ досокъ, въ родѣ нашихъ балагановъ на Масляницѣ, и даже безъ пола. Въ немъ, какъ и въ настоящихъ театрахъ, былъ партеръ, но вмѣсто креселъ скамейки и стулья, ложи въ два яруса, только съ одной стороны, противоположной сценѣ.

Въ сильный вѣтеръ, свободно гулявшій внутри его, театръ трещалъ и пищалъ на всѣ лады, угрожая зрителямъ обрушиться. Играла какая-то Итальянская труппа, прибывшая изъ Константинополя. Театръ былъ каждый вечеръ полонъ. Голоса пѣвцовъ, хотя и оставляли желать много лучшаго, и дамскій персоналъ былъ уже не первой молодости, но мы и этимъ были довольны, памятуя, что на безрыбьи и ракъ рыба. Артисты передъ своими бенефисами нерѣдко разъѣзжали по полкамъ, предлагая билеты, которые, конечно, разбирались всѣ; а самихъ артистовъ старались угостить, что̀, впрочемъ, не всегда удавалось, такъ какъ они большей частью отказывались пить вино, ссылаясь на жару и горло, которое, по ихъ понятію, могло испортиться и издать не надлежащій звукъ.

Курить въ театрѣ запрещалось, но за то можно было спрашивать столикъ въ ложу, вина и закуску, такъ что сидимъ, бывало, въ ложѣ цѣлою компаніей, разговариваемъ, закусываемъ и въ тоже время слушаемъ Итальянское пѣніе, поощряя артистовъ аплодисментами. Если что казалось намъ не такъ, или фальшивилъ артистъ, то ему дѣлали замѣчаніе, и онъ старался исправиться; иногда давали совѣты на сцену, и ихъ принимали.

Послѣ спектакля общество раздѣлялось: кто шелъ домой, кто ужинать съ артистками, а кто еще что-нибудь придумывалъ.

Кромѣ Санъ-Стефанскихъ развлеченій, немалое развлеченіе представляли поѣздки въ Константинополь, съ переодѣваніями. Сначала ѣздили секретно, въ статскомъ платьѣ; затѣмъ разрѣшено было ѣздить въ мундирахъ, потомъ опять въ статскомъ, а иногда же совсѣмъ запрещалось ѣздить въ чемъ бы то ни было.

Намъ было все равно: мы ѣздили во всевозможныхъ костюмахъ и во всякое время гуляли по Константинополю, посѣщая всевозможные закоулки, подъ руководствомъ одного изъ братьевъ Вокаровъ, или брали мѣстнаго провожатаго. Для этихъ переодѣваній трудно было достать подходящіе костюмы; пробовали привозить изъ Константинополя или Санъ-Стефано на прокатъ платье, а всего чаще облекались въ платья нашихъ Вокаровъ. Поэтому неудивительно было, что въ такихъ сборныхъ костюмахъ, непремѣнно съ феской на головѣ, насъ всюду узнавали. Нѣкоторые даже снимались въ фотографіи въ Константинополѣ въ такихъ нарядахъ.

Большой интересъ возбуждали въ насъ выѣзды султана по Пятницамъ на богомолье въ мечеть, Селямликъ. Вдоль дороги отъ дворца

до мечети выстраивались во всемъ съ иголочки новенькомъ войска, привѣтствовавшія ѣхавшаго верхомъ, въ сопровожденіи блестящей свиты, султана Гамида.

Намъ было разрѣшено султаномъ становиться у воротъ дворца, когда мы были въ формѣ, и султанъ всегда любезно съ нами раскланивался. Когда же мы бывали въ статскомъ, то стояли гдѣ-нибудь въ толпѣ, но все-таки насъ замѣчали. Разсказывали, будто бы самъ Великій Князь въ статскомъ ѣздилъ въ Константинополь на это зрѣлище.

Наши посѣщали также загородное гуляніе, называемое «Сладкія Воды» (О Дусъ), гдѣ происходило катаніе Турецкихъ дамъ изъ гаремовъ султана и пашей, въ каретахъ парами, съ Англійской упряжью, съ кучеромъ въ жокейскомъ костюмѣ, съ неизмѣнной феской на головѣ. Кромѣ того, попадались разукрашенныя носилки, въ видѣ одномѣстной каретки, съ дверцами по бокамъ, несомой за выдающіяся сзади и спереди ея длинныя рукояти, двумя здоровыми носильщиками въ красивыхъ нарядахъ.

Тѣ и другіе двигались не торопясь, сопровождаемые одѣтыми въ живописные костюмы слугами, которые шли съ боковъ экипажей у дверецъ.

Дамы-Турчанки, съ закрытыми чадрами лицами, занимали эти изящныя помѣщенія, устремляя сквозь раскрытыя окна свои быстрые, полные огня, глаза на гуляющихъ. Всякое соприкосновеніе съ ними мужчины, чуть ли даже не мысленное, могло надѣлать большихъ непріятностей тѣмъ и другимъ, хотя сами дамы были не прочь обмѣняться любезностями съ гуляющими молодыми людьми, и у большинства изъ нихъ, конечно молодыхъ, покрывала были такъ прозрачны что можно было свободно разглядѣть красивыя, молодыя личики, а рядомъ съ ними нерѣдко старыя физіономіи провожатыхъ, въ качествѣ родныхъ, смотрительницъ или служанокъ. Эти почтенныя дамы не стараются закрывать свои непривлекательныя лица покрывалами, но строго наблюдаютъ за исполненіемъ этого правила молодыми. Нерѣдко, впрочемъ, эти же старухи способствуютъ любовнымъ похожденіямъ молодежи, устраивая имъ тайныя свиданія и передачи посланій, пользуясь полнымъ довѣріемъ своихъ повелителей.

Дамы султанскаго гарема отличались большею пышностью и конвоемъ изъ евнуховъ, вооруженныхъ кривыми, въ богатой оправѣ саблями, которыми они не задумаются снести голову увлеченному страстью ловеласу, забывшему границы восточнаго приличія.

Турки же располагались на коврахъ и подушкахъ по обѣ стороны дороги, подъ тѣнистыми деревьями, предаваясь кейфу; тутъ же ходили продавцы сластей, музыканты и т. п.

Наблюдая и знакомясь съ нравами и обычаями Константинополя, наши иногда по нѣскольку дней проживали тамъ, останавливаясь въ довольно порядочной гостиницѣ и пользуясь большею частью услугами факторовъ-иностранцевъ.

Они главнымъ образомъ водили насъ по кафе-шантанамъ и по различнымъ увеселительнымъ мѣстамъ, предлагая постоянно познакомить съ «унъ женъ фамъ Туркъ» т. е. молодою Турчанкою, но это былъ сущій вздоръ: съ Турчанками немыслимо было познакомиться, а вмѣсто нихъ всегда играли роль Армянки, поддѣланныя подъ Турчанокъ, и легковѣрные дорого платили фактору за такое знакомство, обставленное всегда великою таинственностію. Излюбленное мѣсто посѣщенія нашихъ было такъ называемые «Три Фонаря», названіе, данное дому отъ трехъ горѣвшихъ у входа фонарей.

Съ приходомъ Русскихъ появилась рулетка, которая также прилежно посѣщалась, и большею частью проигрывали тамъ. Говорили, что ее содержали какіе-то пріѣзжіе изъ Россіи аферисты; называли даже ихъ фимиліи. Не одни только увеселительныя заведенія насъ привлекали, но мы также осматривали и достопримѣчательности города. Побывали въ Св. Софіи, нынѣ мечети, а въ то время занятой войсками и какими-то складами и лазаретами.

Не обошлись наши посѣщенія и безъ проявленія фанатизма со стороны Турокъ. Такъ нашъ корнетъ Өедоровъ, хотя и одѣтый въ штатское, чуть было не подвергся увѣчью отъ фанатика, бросившаго изъ-за угла въ него большой камень, который, пролетѣвъ мимо, ударился объ стѣну, разбился на нѣсколько осколковъ и одинъ изъ нихъ попалъ въ корн. Өедорова, а бросившій скрылся.

VIII. Галатарія.

Главнокомандующимъ назначили генерала Тотлебена, который войскамъ сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣщенія, въ томъ числѣ и намъ.

Пятаго Мая нашъ полкъ перевели въ деревню Галатарію на мѣсто Семеновскаго полка, а Семеновскій на наше мѣсто въ дер. Нифасъ.

Чуткіе ко всякимъ мелочамъ, мы и на это передвиженіе посмотрѣли, какъ на что-то предвѣщавшее.

Небольшая деревня Галатарія находилась во второй линіи обложенія Константинополя (если можно такъ выразиться), недалеко отъ берега Мраморнаго моря и въ $1^1/_2$ верстахъ отъ Санъ-Стефано.

Жители ея—Греки, вообще не любившіе насъ, въ чемъ мы и убѣдились въ тотъ же день, отправившись отыскивать себѣ квартиру. Во многихъ домахъ еще лежали тифозные Семеновскаго полка; такіе дома приходилось тщательно избѣгать.

Подойдя къ одному изъ домовъ и желая осмотрѣть его, мы вошли въ сѣни. Навстрѣчу вышли старикъ-хозяинъ и его сынъ; старикъ объяснилъ, что квартира занята Русскимъ капитаномъ, а сынъ въ это время что-то кричалъ, не смотря на замѣчанія отца. Мы спросили Вокара, сопровождавшаго насъ въ качествѣ переводчика, что́ онъ кричитъ. Вокаръ хотѣлъ замять это; но мы настаивали, и онъ сказалъ, что Грекъ ругаетъ насъ, передавъ въ тоже время нѣкоторыя подробности. Это былъ не единственный случай, и вообще Греки здѣсь были не въ мѣру важны. Надо было ихъ привести въ порядокъ, и мы, сказавъ Греку черезъ Вокара, что за его невоздержанность онъ будетъ наказанъ, ушли. Рѣшено было всю деревню привести въ повиновеніе, чтобы никакихъ дерзостей больше не допускалось этими «грекондосами», какъ мы ихъ называли.

Черезъ домъ мы нашли нужную намъ квартиру, которую немедленно заняли. Вечеромъ послали позвать молодого Грека - ругателя, а если не пойдетъ, то привести. Грекъ волей-неволей явился; немедленно его разложили и выдрали на славу, а Вокару, тутъ же присутствовавшему, поручили передать Греку, что онъ высѣченъ за то, что позволилъ себѣ говорить намъ дерзости, что это называется Русской кашей, которая дѣйствуетъ очень благотворно на всякихъ и чтобы онъ предупредилъ своихъ соотечественниковъ, что ихъ всѣхъ передерутъ, если замѣтимъ малѣйшее неуваженіе. Послѣ этого порядокъ въ деревнѣ сразу былъ водворенъ, и на другое уже утро «грекондосы», при встрѣчѣ съ нами на улицѣ, издали останавливались, снимали шапки и почтительно кланялись.

Часть офицеровъ размѣстилась въ деревнѣ, а часть стала съ полкомъ бивуакомъ, невдалекѣ отъ деревни, въ сторону моря, гдѣ въ небольшомъ каменномъ сарайчикѣ помѣстился нашъ Вокаръ съ своимъ кабачкомъ; рядомъ въ деревянномъ домикѣ жилъ артиллерійскій офицеръ съ женой.

Послѣ перемирія многія жены офицеровъ пріѣхали навѣстить своихъ мужей и жили какъ бы на дачѣ. Къ кабачку прилегалъ неболь-

шой садикъ съ двумя-тремя тѣнистыми деревьями, подъ которыми мы часто въ жару попивали крюшоны, лежа на буркахъ или на травѣ. Недалеко отъ насъ стояла гв. Донская баттарея, а дальше къ Санъ-Стефано—пѣхота. На берегу моря раскинулась рощица, въ которой пріютился очень симпатичный трактирчикъ, посѣщавшійся тоже офицерами. Еще ближе къ берегу проходило полотно желѣзной дороги изъ Константинополя въ Андріанополь; поѣзда ходили теперь правильно.

Какъ ни живописна была мѣстность близъ нашего расположенія, но она была вся пропитана тифомъ. Въ деревнѣ, какъ я уже сказалъ, почти каждый домъ былъ занятъ больными, теперь увезенными съ ушедшимъ полкомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ вправо отъ бивуака находилось кладбище тифозныхъ; впереди палатки: лазаретъ съ больными, въ которомъ при насъ скончалась сестра милосердія, заразившись тифомъ. Ее похоронили очень торжественно, въ гробу обитомъ бѣлымъ глазетомъ и съ хоромъ музыки; а чрезъ нѣсколько дней и весь лазаретъ, перевозя куда-то больныхъ, снялся, оставивъ на мѣстѣ тюфяки, подушки и еще кое-что для уничтоженія. Все это оставленное мы зажгли и, сидя въ своемъ кабачкѣ, любовались, какъ пламя играло языками, охватывая зараженную рухлядь.

Греки нашей деревни на столько оказались алчны, что, забывъ всю опасность разнести заразу, бросились тушить и тащить тряпье къ себѣ. Мы прогнали Грековъ, зажгли снова лагерь и ушли къ Вокару. Греки, попрятавшись по близости и думая, что мы совсѣмъ успокоились, съ новой жадностью набросились на добычу изъ своихъ засадъ. Тогда мы рѣшили проучить ихъ хорошенько и, раздѣлившись на двѣ колонны, начали наступленіе на нихъ; одна пошла съ фронта, другая на пресѣченіе пути отступленія ихъ на деревню. Аттаковавши стремительно грекондосовъ съ фронта, мы начали вразумлять своими средствами, т. е. кулакомъ по шеѣ. Греки въ замѣшательствѣ обратились въ бѣгство на деревню; но тутъ ихъ встрѣтилъ обходный отрядъ и тѣми же средствами началъ внушать имъ, по выступавшимъ частямъ ихъ облика, всю несостоятельность ихъ поступка.

Отъ такого двойного внушенія Греки пришли въ замѣшательство и бросились вразсыпную, спасаясь, кто куда попалъ. Вернувшись изъ преслѣдованія, мы снова зажгли лагерь и возвратились побѣдоносно къ Вокару, гдѣ немало потѣшались надъ этимъ происшествіемъ за стаканами вина, провозглашая тосты въ честь наиболѣе отличившихся при пораженіи Грековъ при тифозномъ лагерѣ; а Греки, за которыми мы все-таки наблюдали, теперь только издали покачивали головами, сожалѣя, что пропадаетъ такое добро.

Такъ тянулись дни за днями. Лѣто было въ полномъ разгарѣ. Жары стояли невозможныя, только по вечерамъ наступала прохлада; тогда мы отдыхали и наслаждались до разсвѣта.

Изрѣдка Англичане, флотъ которыхъ стоялъ у Принцевыхъ острововъ, нарушали нашъ покой практической стрѣльбой своихъ мониторовъ. Отъ этого грохота, не смотря на дальность воднаго пространства, насъ раздѣлявшаго, дрожали окна не только въ Санъ-Стефано, но и у насъ въ Галатаріи. Къ этимъ мы въ гости не ѣздили, да и они къ намъ не показывались.

На эту стоянку пришелъ къ намъ маршевой эскадронъ, подъ начальствомъ ротмистра барона Роппа, а съ ними пришли корнетъ баронъ Корфъ, поручикъ Брунеманъ и корнетъ Сафоновъ. Эскадронъ былъ составленъ изъ старыхъ солдатъ, которыхъ и разобрали по дѣйствующимъ эскадронамъ. Въ третій эскадронъ попалъ унт.-оф. Махотько, учившійся у знаменитаго въ то время пѣсенника Молчанова хоровому пѣнію. Онъ такъ сумѣлъ устроить хоръ и разучить старыя солдатскія пѣсни, что было пріятно послушать. Явилось новое развлеченіе: мы стали часто по вечерамъ собирать пѣсенниковъ, платя имъ за пѣсни, вмѣсто денегъ, коньякомъ, который они дѣлили дома вмѣсто водки. Такой способъ вознагражденія признавался полезнымъ въ виду свирѣпствовавшаго повсюду тифа, отъ котораго немало умирали въ лазаретахъ. Мы же своихъ больныхъ лѣчили дома большею частью виномъ.

Приходитъ, бывало, къ намъ къ Вокару нашъ полковой лѣкарь Николай Матвѣевичъ Парамоновъ и объявляетъ, что такому-то больному нужно коньяку или шампанскаго, или еще чего-нибудь. Требуемое немедленно отпускалось и записывалось на счетъ офицеровъ того эскадрона, къ которому принадлежалъ больной.

Смертныхъ случаевъ у насъ не было; всѣ выздоравливали, одинъ только умеръ—это унтеръ-офицеръ 4-го эскадрона Стравинскій, котораго похоронили мы со всѣми почестями, подобающими Георгіевскому кавалеру.

Чутко мы прислушивались къ слухамъ, которые были до нельзя разнообразны. Сегодня разсказывали изъ достовѣрныхъ источниковъ, что уже назначено время посадки насъ на суда и что съ этой цѣлью строятъ новую пристань, которую на самомъ дѣлѣ, хотя и строили въ то время, но совсѣмъ съ другой цѣлью. Завтра тоже изъ достовѣрныхъ источниковъ разсказывали, что война съ Англіей рѣшена и будетъ объявлена на дняхъ. Всѣ эти слухи вскорѣ опровергались новыми.

Но что́ тамъ ни разсказывали, а мы все стояли на одномъ мѣстѣ, ровно ничего не дѣлая, и это неопредѣленное положеніе порядочно уже намъ надоѣло.

Какъ-то разъ подъ вечеръ дружеская бесѣда наша въ кабачкѣ Вокара была прервана раздавшимися выстрѣлами изъ орудій со стороны Константинополя, а затѣмъ послышалась довольно частая ружейная перестрѣлка. Мы не знали, что́ предположить. Конечно, могло произойти у насъ на линіи столкновеніе съ Турками, но выстрѣлы слышались изъ Константинополя или Санъ-Стефано. Рѣшивъ, что это тревога, сейчасъ же бросились одѣваться и приказали сѣдлать. Быстро былъ готовъ полкъ къ выступленію. Всѣ оживились, лица повеселѣли; но выступленіе отложили до возвращенія посланнаго корн. Медвѣдева въ Санъ-Стефано, узнать, въ чемъ дѣло.

Вернувшійся вскорѣ корн. Медвѣдевъ сказалъ: «успокойтесь, господа, никакой войны нѣтъ», и тутъ же объяснилъ, что въ Константинополѣ вспыхнулъ бунтъ. Партія сверженнаго султана Мурада, признаннаго сумасшедшимъ, возстала, желая освободить его изъ Чараганскаго дворца, въ которомъ онъ былъ заключенъ и, свергнувъ настоящаго султана Гамида, возвести на престолъ Мурада. Но это имъ не удалось Дѣло кончилось нѣсколькими убитыми и ранеными. Этотъ случай надѣлалъ переполохъ не только у насъ, но на всѣхъ бивуакахъ, да и въ самомъ Санъ-Стефано. Жители нашей Галатаріи тоже пришли въ немалое смущеніе, таща изъ домовъ все, что́ попало подъ руку, укладывали пожитки и навьючивали ими осликовъ, собираясь куда-то бѣжать, а хозяинъ нашего дома до того растерялся, что схватилъ мѣшокъ и началъ имъ колотить свою жену. Трактирчикъ нашъ или попросту «Вокара», какъ мы его на́зывали, походилъ теперь на собраніе дипломатовъ. Мы всѣ собрались тамъ и обсуждали со всѣхъ сторонъ, что́, могло произойти, если бы намъ пришлось столкнуться теперь съ Турками или воспользоваться ихъ настоящей неурядицей. Вокара также не былъ исключенъ изъ нашего общества; онъ намъ разъяснялъ отношенія обѣихъ партій въ Константинополѣ, о которыхъ мы до сихъ поръ не имѣли никакого представленія.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого къ намъ пріѣхалъ Болгарскій экзархъ и благословилъ выстроенный для этого полкъ иконой Божьей Матери. Онъ благословилъ иконами также полки, стоявшіе вблизи Константинополя.

Вскорѣ почему-то намъ прислали взамѣнъ нашихъ карабиновъ, по правдѣ сказать, мало удовлетворявшихъ своему назначенію, ружья системы Крынка, большею частью испорченныя и со штыками.

Долго мы думали, куда дѣть эти штыки, которые не нравились ни солдатамъ, ни офицерамъ, но такъ и не нашли имъ мѣста.

Полки пріодѣлись, изорванные кителя замѣнили бѣлыми рубашками съ красными погонами, что̀ всѣ одобрили. Службы немного прибавилось: приказано было ходить въ караулы конными взводами при офицерѣ въ Санъ-Стефано къ генералу Рауху, въ деревню Нифасъ къ принцу Ольденбургскому и еще куда-то, но туда былъ командированъ корнетъ Лееръ на все время, а взводъ мѣнялся. Пришла и моя очередь идти въ дер. Нифасъ. Выступивъ утромъ по знакомой дорогѣ, отправились мы на нашу прежнюю стоянку и только что я успѣлъ прибыть, какъ пришелъ посланный отъ принца Ольденбургскаго звать меня завтракать. Корнетъ баронъ Сталь, котораго я смѣнилъ, передалъ мнѣ, что смѣны не бываетъ, а прямо новый дежурный идетъ къ завтраку, а старый уходитъ домой, но, представившись принцу, нужно доложить, что прибылъ къ нему со взводомъ въ караулъ. Такъ я и сдѣлалъ. Его Высочество встрѣтилъ меня очень любезно; я доложилъ, что прибылъ въ караулъ, и принцъ, сказавъ, что съ дорожки надо выпить, сейчасъ же налилъ мнѣ добрую серебряную чарку Русской водки. За завтракомъ присутствовалъ начальникъ штаба Принца, капитанъ генеральнаго штаба Протопоповъ.

Благодаря радушію Принца и простому его обращенію, я сразу почувствовалъ себя хорошо и съ большимъ аппетитомъ уничтожилъ завтракъ изъ нѣсколькихъ прекрасно приготовленныхъ блюдъ, съ хорошимъ виномъ, которое радушный хозяинъ подливалъ въ изобиліи. Послѣ завтрака я отправился обозрѣвать наше прежнее пепелище, измѣнившее нѣсколько свой видъ.

Теперь здѣсь были выстроены вышки, на которыхъ стояли часовые Семеновскаго полка, наблюдая за передвиженіемъ и дѣйствіями Турокъ въ ихъ расположеніи на противоположной сторонѣ оврага, которая была нѣсколько выше нашей, что́ и вынудило поставить эти вышки, откуда видна была даже внутренность редутовъ. Жара загнала меня въ отведенный подъ нашъ караулъ домъ, рядомъ съ домомъ, занятымъ Принцемъ. Денщикъ уже устроилъ мнѣ постель, и я прилегъ отдохнуть.

Въ обѣденное время опять посланный Принца пришелъ меня звать къ обѣду, который, какъ и завтракъ, благодаря вниманію хозяина, прошелъ оживленно. Сдѣлавъ вечеромъ небольшую прогулку, осмотрѣвъ свой взводъ и отдавъ нужныя приказанія, я безмятежно заснулъ. Ночью меня разбудила пальба изъ орудій; я вскочилъ и выбѣжалъ къ

караулу узнать, въ чемъ дѣло. Люди тоже проснулись и, не зная еще, по какому случаю стрѣльба, приводили въ порядокъ себя и лошадей. Въ Семеновскомъ полку тоже закопошились. Взглянувъ въ сторону Константинополя, откуда доносились выстрѣлы, мы увидѣли большое зарево: то былъ пожаръ, но причины его мы не знали и потому стояли наготовѣ, ожидая приказаній.

У Турокъ въ укрѣпленіяхъ было все спокойно.

Немного погодя, Принцъ прислалъ сказать, что это просто пожаръ и ничего важнаго нѣтъ. Въ деревнѣ успокоились, а утромъ, сдавъ караулъ смѣнившему меня взводу, мы вернулись въ полкъ.

Слѣдующая моя очередь была идти съ карауломъ въ Санъ-Стефано къ генералу Рауху, который завтракать и обѣдать не звалъ; да, впрочемъ, и надобности въ этомъ не было: пріютъ былъ готовъ повсюду. Сказавъ на случай, гдѣ меня найти, я пошелъ прогуляться и встрѣтилъ полковника Левиса-офъ-Менора, командира Владикавказскаго полка. Мы обрадовались другъ другу, не видавшись съ самой Плевны. Много было кой-чего порасказать. Позавтракавъ, мы пошли гулять на набережную. Погода, какъ и всегда, была прекрасная. Гуляя, мы замѣтили пароходъ съ Русскимъ флагомъ, шедшій изъ Россіи, куда и отправились обѣдать.

Приближался нашъ полковой праздникъ. Мы рѣшили отпраздновать его на славу и этимъ вопросомъ занялись съ увлеченіемъ. Главнымъ распорядителемъ выбрали полковника Бобылева, а ротмистра Сафонова выбрали по художественной части, и еще нѣсколько офицеровъ помощниками и, кромѣ того, всѣ принимали участіе. Начались обычныя репетиціи церковнаго парада, а жара стояла невозможная. Мокрые насквозь, мы возвращались подъ сѣнь холщеваго навѣса въ кабачкѣ Вокара, который въ сильныя жары поливался водой, что охлаждало нѣсколько внутренность его. Мы разстегивались и на вѣтеркѣ-сквозникѣ приходили понемногу въ себя. Вѣроятно отъ этихъ охлажденій на сквознякѣ, или еще отъ чего, но вернувшись какъ-то разъ, за нѣсколько дней до праздника, изъ Санъ-Стефано (гдѣ я познакомился съ докторомъ Поповымъ, назначеннымъ въ нашъ полкъ), я почувствовалъ ознобъ и тотчасъ же началъ лѣченіе коньякомъ; но, несмотря на все стараніе, не могъ вызвать испарины. На другое утро я почувствовалъ сильную слабость и головную боль, такъ что не могъ встать съ постели, но, не придавъ большого значенія своей болѣзни, я послалъ къ нашему знаменитому эскулапу Парамонову просить хины. Денщикъ вернулся, сказавъ, что Парамоновъ хины не даетъ, а при-

детъ сейчасъ самъ. Вскорѣ пришелъ Николай Матвѣевичъ. «Ну что́, готовъ, испекся?» сказалъ онъ весело. «Ничего, пройдетъ», продолжалъ онъ, свидѣтельствуя меня и не находя ничего особеннаго, далъ хины и, сказавъ, что пришлетъ фельдшера чѣмъ-то обтереть, ушелъ, обѣщаясь зайти утромъ. Цѣлый день я пролежалъ, а утромъ почувствовалъ себя прекрасно, пилъ чай и курилъ. Когда пришелъ Николай Матвѣевичъ, я ему объявилъ, что здоровъ. Онъ подозрительно поглядѣлъ на меня и приступилъ къ осмотру; все было въ порядкѣ: пульсъ, языкъ, температура; но этого ему было мало, онъ продолжалъ дальше. «Э... поздравляю, у васъ сыпной тифъ», сказалъ онъ, взглянувъ на мою грудь, покрытую сыпью. Сразу это поздравленіе на меня произвело не особенно пріятное впечатлѣніе, и я немного призадумался; но вдругъ меня осѣнила блестящая мысль, и я просіялъ. «Такъ, стало быть, мнѣ теперь можно будетъ уѣхать въ Россію?» сказалъ я Парамонову, нимало не заботясь о ходѣ и окончаніи болѣзни. «Ну это еще того, погодите собираться въ Россію; надо сначала вылѣчиться», сказалъ, смѣясь, Парамоновъ. Немедленно же меня перевели въ другой домъ, въ отдѣльную комнату, которую занималъ нашъ полковой адъютантъ, штабсъ-ротмистръ Александръ Николаевичъ Трубниковъ для своей канцеляріи, и которую онъ любезно уступилъ мнѣ. Ко мнѣ былъ запрещенъ входъ, а мнѣ выходить. Не смотря на то, что я чувствовалъ себя прекрасно, меня остригли, въ ожиданіи безпамятства и другихъ осложненій болѣзни. Чѣмъ-то обтирали. На слѣдующій день съ Парамоновымъ пришелъ мой новый знакомый, докторъ В. Н. Поповъ; онъ сейчасъ же узналъ меня и удивился. «Да вѣдь я васъ третьяго дня видѣлъ въ Санъ-Стефано здоровымъ?» сказалъ онъ. «Что́ дѣлать», говорю, «былъ здоровъ, а теперь ваше счастье, испортился». Помѣрили они температуру и не повѣрили; помѣрили еще разъ, и тоже сомнѣніе, но по третьему разу пришлось повѣрить. Оказалось, что у меня было 41 градусъ жару, а наружныхъ признаковъ никакихъ, даже силы вернулись; я ходилъ, курилъ и съ аппетитомъ ѣлъ, а безпамятства и бреда и въ поминѣ не было. Такимъ образомъ просидѣлъ я недѣли двѣ, или лучше сказать проспалъ, потому что напивался ежедневно, благодаря способу лѣченія, которое состояло изъ небольшихъ пріемовъ внутрь хины и обильныхъ пріемовъ въ смѣшанномъ видѣ въ большой кружкѣ коньяку съ Шампанскимъ. Послѣднимъ я пользовался по своему усмотрѣнію, и когда мнѣ надоѣдало шагать по комнатѣ, я бралъ кружку, мѣшалъ въ разныхъ пропорціяхъ коньякъ съ Шампанскимъ, отыскивая составъ по вкусу, но, утомившись въ поискахъ, засыпалъ сномъ праведника и оставлялъ разрѣшеніе этой задачи до слѣдующаго раза. Такимъ порядкомъ къ концу двухъ недѣль я, безъ всякихъ особенныхъ ослож-

ній, значительно поправился, что́ немало удивляло докторовъ, не знавшихъ секрета моего лѣченія. Ко мнѣ уже допускали посѣтителей-товарищей, что́ внесло разнообразіе въ мою келью, и я устраивалъ завтраки и различные фоль-журне. Наконецъ, выпустили меня на свѣтъ Божій. Я изъ моего заключенія выѣхалъ торжественно: докторъ Поповъ, средняго роста, толстый, усѣлся на маленькую Турецкую сѣренькую лошадку, а меня посадилъ сзади сѣдла, и такимъ порядкомъ мы подъѣхали къ Вокаро, гдѣ товарищи сдѣлали намъ шумную встрѣчу. Воздухъ и моціонъ скоро меня привели въ порядокъ. Такъ и прозѣвалъ я со своей болѣзнью полковой праздникъ, про который мнѣ разсказывали товарищи, что въ большой лазаретной палаткѣ, убранной живописно снаружи и внутри матеріями, зеленью, флагами и оружіемъ, былъ сервированъ столъ для завтрака. Изъ Константинополя Вокаро привезъ провизію, сервизовъ, столовъ, офиціантовъ и все необходимое, Меню печаталось въ Константинополѣ по рисунку ротмистра Сафонова. Приглашенныхъ было много. Тутъ были ген.-адъют. Тотлебенъ, графъ Шуваловъ, ген. Дризенъ, получившій въ то время нашу дивизію; были командиры вблизи стоящихъ полковъ, были и Турецкіе представители. Послѣ обычнаго молебствія и парада, всѣ отправились въ разукрашенную палатку, гдѣ подъ звуки хора музыки, которые чередовались съ нашими пѣсенниками, начался завтракъ, продолжавшійся до сумерокъ. Много было говорено тостовъ, покрываемыхъ восторженнымъ ура. Гости разъѣхались, а свои еще гуляли, и чуть не до самой зари раздавались на бивуакѣ пѣсни и музыка, пока сонъ не смѣнилъ веселья.

Благодаря своей болѣзни, я прозѣвалъ также поѣздку офицеровъ всего полка на пароходѣ-крейсерѣ «Константинъ» на острова Принца. Разсказывали, что она вышла удачная и веселая. Съ хоромъ музыки отправились они утромъ на острова Принца (нѣчто въ родѣ нашихъ дачъ для Константинополя и другихъ прибрежныхъ мѣстъ). Тамъ съ мѣстными дачниками и княжнами Дадіанъ изъ Санъ-Стефано совершили они прогулку пѣшкомъ и верхомъ на ослахъ по острову и его живописнымъ горамъ; затѣмъ завтракали и вечеромъ танцовали на открытомъ воздухѣ, и уже въ темнотѣ вернулись домой.

Лишенный возможности, по болѣзни, участвовать въ этихъ двухъ празднествахъ, я хотѣлъ теперь, вслѣдствіе той же болѣзни, воспользоваться случаемъ поѣхать въ Россію на поправку здоровья. Поэтому я и корн. Лѣвстремъ, который былъ боленъ въ дер. Нифасѣ тоже тифомъ и помѣщался во время своей болѣзни въ стѣнномъ шкапу нашей бывшей комнаты за неимѣніемъ другого помѣщенія, помышляли о воз-

вращеніи въ Россію, какъ вдругъ произошли довольно серьезныя недоразумѣнія съ Турками.

Дѣло заключалось въ томъ, что Фуадъ-пашѣ, начальнику Турецкихъ передовыхъ линій, не понравились вышки въ нашей передовой линіи, съ которыхъ наши часовые наблюдали за дѣйствіями Турокъ. Фуадъ-паша прислалъ своего адъютанта въ дер. Нифасъ сказать, что начальникъ передовыхъ Турецкихъ линій требуетъ снять вышки. Ему отвѣтили, что вышекъ не снимутъ. Тогда Фуадъ-паша прислалъ сказать, что если не снимутъ вышки завтра къ девяти часамъ утра, то онъ ихъ сниметъ гранатами. О такомъ заносчивомъ требованіи Турокъ, конечно, сейчасъ же дано было знать главнокомандующему.

Все поднялось на ноги. Въ ночь были стянуты отовсюду изъ ближайшихъ мѣстъ войска къ Константинополю. Нѣкоторымъ пришлось сдѣлать порядочный переходъ, такъ что собралась довольно почтенная цифра нашихъ войскъ и, какъ говорили, до двухсотъ орудій. Утромъ Турки увидали себя окруженными нашими войсками, а въ виду Константинополя появились наши военныя суда. Турки, кажется, не ожидали отъ насъ такой прыти и присмирѣли, пустивъ въ ходъ дипломатовъ. Почти весь день, пока велись переговоры, мы стояли другъ противъ друга, въ ожиданіи, чѣмъ это все разрѣшится; намъ приказано было не стрѣлять, пока Турки не откроютъ сами огня.

Тифозныхъ отвозили дальше отъ мѣста дѣйствій. Все было въ напряженномъ состояніи. Всѣ ждали, что вотъ-вотъ раздастся выстрѣлъ, другой, третій, а тамъ и пошла писать по старому. Сильно точили зубы на Константинополь: обидно было остановиться не дойдя до цѣли, чувствовалось что-то недоконченное. Тишина, какъ у насъ, такъ и у Турокъ, ничѣмъ не нарушалась, какъ бы затишье передъ бурей. Солнце палило. Наконецъ, часа въ три, пришло приказаніе сойти съ позиціи на старыя мѣста. Турки сдались: они прислали извиниться за причиненное намъ безпокойство выходкою Фаудъ-паши, ссылаясь на его адъютанта, который будто бы былъ пьянъ и передалъ ошибочно слова паши, или даже самъ отъ себя затѣялъ это недоразумѣніе. Всѣ радовались этой тревогѣ, въ надеждѣ, что, покончивъ разомъ съ Турками взятіемъ Константинополя, мы съ болѣе выгодными условіями мира скорѣе вернемся домой. Но другіе предвидѣли затяжку военныхъ дѣйствій, въ виду заступничества Англіи, мониторы которой находились на стражѣ; они, говорятъ, готовились высадить въ Константинополь десантъ по первому выстрѣлу съ нашей или Турецкой стороны, чтобы воспрепятствовать занятію города нашими войсками; но все кончилось ничѣмъ, и мы разошлись по своимъ мѣстамъ, сидѣть у моря и ждать погоды.

IX. Возвращеніе.

Когда все поуспокоилось, мы, посовѣтовавшись съ нашимъ лекаремъ, Н. М. Парамоновымъ, поѣхали въ Санъ-Стефано, къ старшему доктору Энгофу, для освидѣтельствованія. Энгофъ и совѣтъ изъ нѣсколькихъ докторовъ насъ осмотрѣли и, найдя нужнымъ поправку нашего здоровья, разрѣшили намъ отпускъ въ Россію: мнѣ на шесть недѣль, а корн. Лёвстрему на четыре. Веселые мы вернулись въ полкъ и начали готовиться къ отъѣзду. Полкъ въ это время принялъ пріѣхавшій генералъ Струковъ.

Получивъ прогоны и билеты, мы отправились въ Санъ-Стефано, гдѣ надо было отыскать ген. Струкова для подписи билетовъ. Мы его нашли въ гостиницѣ Санъ-Стефано, за завтракомъ съ Мих. Дм. Скобелевымъ 2-мъ. Пароходъ уже стоялъ у пристани, мы послали доложить о себѣ. Сейчасъ же насъ приняли, билеты были подписаны, съ прибавкою намъ отпуска. М. Д. Скобелевъ узналъ меня и, любезно поздоровавшись, началъ вспоминать дѣйствія Кавказской бригады въ его отрядѣ и спросилъ: «Помните знаменитую атаку подъ Ловчей?» — «Конечно, помню», сказалъ я, и поговоривъ еще, Скобелевъ и Струковъ пожелали намъ скорѣе поправиться и повеселиться дома. Бѣгомъ пустились мы на пароходъ, боясь, что опоздаемъ и лишній часъ пробудемъ здѣсь.

Но вотъ мы на пароходѣ. Пароходъ свистнулъ и отчаливаетъ отъ берега. Передъ нами замелькали строенія Санъ-Стефано. До Константинополя пароходъ останавливался нѣсколько разъ у пристаней; пассажиры мѣнялись, одни уходили, другіе приходили, на пристаняхъ толпился народъ: Турки, Греки, въ національныхъ костюмахъ. солдаты, аскеры, Черкесы, офицеры и статскіе; появлялись и женщины. Близъ пристаней и вдоль берега мы замѣтили много кофеень, наполненныхъ посѣтителями, преимущественно Турками, которые въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ благодушествовали, попивая кофе, куря кальяны и трубки. Нѣкоторые сидѣли на краю набережной, свѣсивъ ноги, пуская клубы дыма въ пространство и не обращая, повидимому, ни малѣйшаго вниманія на окружающее.

На одной изъ пристаней къ намъ вошла Турчанка, въ сопровожденіи своей служанки; дама молоденькая, а служанка старая и, кажется, по цвѣту кожи уроженка Египта. Онѣ прошли въ кормовую часть парохода, за занавѣску. Мы сначала не обратили вниманія на эту занавѣску; но тутъ узнали мы, что такія занавѣски устроены

на всѣхъ пароходахъ, образуя дамское отдѣленіе, гдѣ женщины могутъ раскрывать лицо, не боясь любопытныхъ взглядовъ.

Солнце блестѣло на золоченомъ полумѣсяцѣ Св. Софіи, когда нашъ пароходъ, обогнувъ мраморныя ступени пристани, вошелъ въ Золотой Рогъ, гдѣ стояло много судовъ подъ разными флагами; между ними были и Турецкіе военные корабли, на красныхъ кормовыхъ флагахъ которыхъ выдѣлялся бѣлый полумѣсяцъ.

Золотой Рогъ и проливъ бороздили по всѣмъ направленіямъ «каюки»; это очень красивыя и оригинальныя лодки Константинополя. Пароходъ остановился у моста; мы высадились на берегъ и, взявъ билеты для дальнѣйшаго путешествія въ конторѣ, тутъ же на берегу, переправились на нашъ Русскій пароходъ «Цесаревна», который на слѣдующее утро долженъ былъ отправиться въ Россію. Сдавъ свой багажъ, мы рѣшили воспользоваться остаткомъ дня, побродить по городу, конечно безъ проводника. Пошли наудачу по улицамъ. Турецкая часть города Стамбулъ соединялась съ Европейской Галатой деревяннымъ мостомъ, перекинутымъ черезъ Золотой Рогъ, и за проѣздъ или проходъ черезъ него брали небольшую плату.

Стамбулъ грязенъ, съ узкими, кривыми улицами, съ фасадомъ домовъ почти безъ оконъ, такъ какъ вся жизнь Турокъ сосредоточивается внутри домовъ и во дворахъ съ садами, украшенными всякими причудами, обнесенными высокими стѣнами, во избѣжаніе любопытныхъ глазъ.

Галата мало отличается отъ Стамбула чистотой: масса лавочекъ съ разной дрянью, изъ которыхъ помои изъ дверей прямо выливались на улицу, а собаки бродили и лежали посреди улицы, не обращая вниманія на окружающую ихъ суматоху. Турецкіе солдаты и Черкесы, полураздѣтые отъ жары, ходили по улицамъ. Это намъ показалось страннымъ, въ сравненіи съ нашими порядками, гдѣ солдатъ не смѣетъ выйти на улицу раздѣтымъ. Мы были въ формѣ и потому обращали на себя вниманіе прохожихъ. Отсутствіе экипажей сразу бросилось намъ въ глаза; верховыхъ также было мало: всѣ двигаются пѣшкомъ. Гуляя такимъ образомъ, мы наткнулись на какое-то зданіе, въ родѣ маленькаго вокзала. Войдя внутрь его, мы увидали, что это и въ самомъ дѣлѣ былъ вокзалъ, у котораго стоялъ открытый небольшой вагончикъ. Намъ сказали, что этотъ вагончикъ ходитъ по тунелю изъ Галаты въ Перу. Это было очень удобно: иначе пришлось бы взбираться по довольно крутой улицѣ изъ Галаты, расположенной вдоль берега Золотаго Рога, въ Перу, уже настоящую

Европейскую часть города, раскинутую на верхнемъ уступѣ этого берега. Мы взяли билеты, стоившіе что-то очень дешево и, помѣстившись въ вагончикѣ, вскорѣ покатились по рельсамъ вверхъ. Навстрѣчу намъ сверху, по второму пути, катился такой же вагончикъ. Въ тунелѣ царствовалъ полумракъ. Вагончикъ нашъ остановился наверху, въ такомъ же вокзалѣ, какъ и нижній, надъ которымъ торчала каменная труба; тутъ былъ устроенъ паровикъ, который посредствомъ безконечной цѣпи таскалъ эти вагончики. Выйдя изъ вокзала на свѣтъ Божій, мы очутились въ Перѣ. Таже грязь и тѣже узкія улицы, съ посольскими домами, скрытыми въ глубинѣ дворовъ.

Побродивши немного здѣсь, мы тѣмъ же путемъ возвратились въ Галату, а затѣмъ на каюкѣ на пароходъ.

Уже смеркалось, когда мы вернулись, а нѣсколько минутъ спустя, выстрѣломъ изъ пушки возвѣстили зорю, и на всѣхъ судахъ спустили кормовые флаги.

Послѣдніе лучи заходящаго солнца освѣщали причудливый многовѣковой городъ, которымъ мы любовались, разговаривая съ капитаномъ и матросами. Насъ очень радовало, что всѣ говорятъ по-русски, какъ будто бы мы были уже дома, но все-таки еще побаивались: а вдругъ да какъ задержатъ!

Спать еще не хотѣлось, и мы пошли осматривать пароходъ. Пассажировъ, кромѣ насъ, никого не было. Пароходъ «Цесаревна» мы нашли великолѣпнымъ; столовая прекрасная, диваны, стулья и кресла все это обито голубымъ бархатомъ; тутъ же стояло фортепіано, была небольшая библіотека. Полы на пароходѣ мозаичные, вездѣ чистота и удивительная опрятность, въ особенности для насъ, отвыкшихъ отъ нея. Чай подавали намъ на подносахъ офиціанты во фракахъ; все это насъ очень забавляло.

Утомленные волненіемъ предстоящаго путешествія и ходьбой въ продолженіе дня, не окрѣпнувъ еще послѣ болѣзни, мы пошли внизъ въ каюту, куда уже были перенесены наши вещи. Давно уже мы не спали, какъ спятъ вообще порядочные люди, т.-е. на кроватяхъ съ чистымъ бѣльемъ; этого мы не видали съ переходомъ Дуная. Какое мы почувствовали блаженство, раздѣвшись и забравшись на мягкія постели съ пружинными матрасами! Мы лежали и уже въ дремотѣ все еще продолжали восхищаться своимъ положеніемъ; даже умывальникъ съ машинкою, и тотъ насъ радовалъ. Денщики наши были не менѣе довольны, что̀ и выражали, разсказывая намъ, какъ они хорошо устроились на пароходѣ; да, впрочемъ, намъ

казалось, что всѣ были довольны. Проспали мы, конечно, какъ убитые до утра и, проснувшись довольно поздно, возились долго со своимъ туалетомъ, чтобы, насколько возможно, привести его въ порядокъ. Когда мы вышли на палубу, то уже понемногу начали прибывать пассажиры, офицеры и дамы. Нѣкоторые въ военномъ платьѣ, нѣкоторые въ статскомъ. Мужья провожали женъ. Золотой Рогъ кишѣлъ народомъ, каюки сновали по всѣмъ направленіямъ. Нѣсколько каюковъ, качаясь на зыби залива, окружали пароходъ. На нихъ сидѣли статскіе въ фескахъ, подъ зонтиками, поджавши подъ себя ноги въ чулкахъ, а туфли стояли передъ ними. Это были таможенные чиновники, которые, завидя каюкъ, направлявшійся къ пароходу, устремлялись къ нему и, ловко причаливъ къ его борту, перепрыгивали туда, требуя осмотра вещей, который производился быстро, и чиновникъ опять перепрыгивалъ на свой каюкъ, торопясь къ слѣдующему. Налетѣлъ онъ и на нашихъ офицеровъ въ статскомъ, но, узнавъ, что это Русскіе, сейчасъ отъѣхалъ, сдѣлавши глубокій «чекъ-салямъ» (восточное привѣтствіе), такъ какъ нашъ багажъ былъ свободенъ и отъ чужого, и своего дозора.

Наша миноноска, съ приспущеннымъ кормовымъ флагомъ, подвезла къ намъ покойника, котораго сопровождалъ сынъ-офицеръ. Покойника почему-то не приняли на пароходъ; кажется потому, что это какая-то худая примѣта.

Наконецъ настало время отъѣзда. Провожающіе прощались и, отъѣзжая въ каюкахъ отъ парохода, махали платками и шляпами; съ парохода имъ отвѣчали тѣмъ же. Раздалась команда капитана съ мостика. Зашумѣли цѣпи, и пароходъ снялся съ якоря. Мы двинулись къ мосту и, описавъ по заливу кругъ, пошли по Босфору къ Черному морю. Что́ за живописныя мѣста по обоимъ берегамъ Босфора, какія великолѣпныя постройки! Все это проходило мимо насъ, и мы не могли налюбоваться; особенно эффектенъ Чараганскій дворецъ, весь мраморный, съ массой колонъ и всевозможныхъ вычурныхъ работъ, и не менѣе великолѣпенъ Долма-Балчи, съ мраморною лѣстницей. Все это въ зелени, между которой высятся пирамидальные тополи. Любовались всѣ, громко высказывая свое восхищеніе.

Тамъ, гдѣ живописно въ зелени раскинулась, сбѣгая по склону берега къ водѣ, лѣтняя резиденція нашего посла, Босфоръ расширяется, образуя заливъ, на которомъ стоялъ нашъ военный крейсеръ. Пароходъ остановился; отъ пристани посольства подошла къ намъ шлюпка и взяла съ парохода двухъ пассажировъ, вѣроятно ѣхавшихъ туда по дѣлу. Когда они вернулись, пароходъ пошелъ дальше. Проливъ

опять суживался, и по берегамъ кое-гдѣ виднѣлись батареи, защищавшія проливъ, а у выхода стоялъ на стражѣ стопушечный Турецкій деревянный фрегатъ. Дальше по берегамъ виднѣлись кое-гдѣ батареи, защищавшія проливъ, а у выхода въ Черное море на берегу высилось укрѣпленіе съ постройками, на валу котораго у орудій расхаживали часовые. Здѣсь нашъ пароходъ остановился, и помощникъ капитана отправился на берегъ за полученіемъ пропуска.

Когда онъ вернулся, мы, пройдя узкій заливъ, вышли въ открытое море, совершенно спокойное и гладкое, какъ зеркало. Солнце садилось, а берега мало-по-малу уходили вдаль, и мы любовались этой картиной воднаго пространства.

Первый разъ намъ приходилось быть въ морѣ. Накрыли столъ, и насъ пригласили обѣдать. Сервировка и кушанье были прекрасныя. Мы пообѣдали съ аппетитомъ и перезнакомились со всѣми пассажирами. Все были свои военные, постороннихъ было очень мало. Послѣ обѣда опять всѣ вышли на палубу, гдѣ разбились на небольшіе кружки, сидѣли и гуляли, весело болтая. Здѣсь же подавали намъ вечерній чай. Кто-то сѣлъ за рояль, кто-то пробовалъ пѣть. Поздно было, когда мы разошлись спать: не хотѣлось голубое небо съ миріадами звѣздъ мѣнять на душную каюту. На другое утро, когда мы вышли на палубу, глазамъ представилось одно безбрежное море, а Турецкаго берега какъ не бывало. Мнѣ еще не приходилось видѣть что-нибудь подобное. Лазурныя безоблачныя небеса на горизонтѣ тонули въ морѣ, на гладкой поверхности котораго отражалось солнце. Лучи его, яркими искорками играя, серебрили водную поверхность, взволнованную винтомъ парохода, широкою лентою, терявшеюся вдали. Недалеко отъ парохода появились дельфины, которые, играя, выскакивали изъ воды и, описывая полукругъ, ныряли. Это насъ забавляло. У кого нашлись Турецкія магазинки, тѣ начали стрѣлять въ этихъ рыбъ; но трудно было уловить моментъ прыжка, хотя рыба была громаднаго размѣра, и охота кончилась ничѣмъ.

День прошелъ незамѣтно. Какая-то очень миленькая барынька, оставивъ въ Константинополѣ своего мужа, возвращалась домой; она играла на рояли и пѣла; около нея образовался кружокъ. Къ вечеру поднялась небольшая зыбь и мало-по-малу усиливалась. Ложась спать, мы спросили, когда придемъ въ Одессу? Намъ объявили, что хотя мы придемъ и рано, т.-е. часа въ два утра, но будемъ ждать разсвѣта около сторожевого парохода «Соколъ», потому что фарватеръ и рейдъ заграждены торпедами. Проснувшись съ разсвѣтомъ отъ волновавшаго насъ чувства приближенія къ родинѣ и выйдя на палубу, мы увидали

Русскій берегъ. Пароходъ нашъ проходилъ между судовъ къ пристани. Пришелъ жандармскій офицеръ и, послѣ осмотра имъ нашихъ паспортовъ, мы сошли на берегъ. У воротъ таможенная стража хотѣла было задержать нашъ багажъ, но узнавъ, что мы изъ дѣйствующей арміи, сейчасъ же пропустила. Теперь мы, почувствовавъ себя дома, поздравили другъ друга съ благополучнымъ возвращеніемъ. На первомъ отходящемъ поѣздѣ мы отправились дальше, въ Петербургъ, желая скорѣе увидать родныхъ и друзей.

Пассажиры старались, конечно, съ нами познакомиться и приступить съ разспросами о войнѣ и настоящемъ положеніи дѣлъ. Имъ казалось, что бывшій въ Турціи долженъ все знать. Они предполагали, что дѣла рѣшаются на мѣстѣ дѣйствія, а не въ кабинетѣ дипломатовъ: Главные вопросы были: отчего произошла Плевна, почему не взяли Константинополя и что́ дѣлаетъ Скобелевъ?

Отъ одного изъ плѣнныхъ Турокъ, встрѣченныхъ мною на какой-то станціи, черезъ переводчика я узналъ, что онъ былъ при взятіи М. Д. Скобелевымъ Ловчи однимъ изъ защитниковъ ея и въ числѣ немногихъ спасся бѣгствомъ. Онъ увѣрялъ, что спаслось не болѣе $1\frac{1}{2}$ тысячъ изъ семи, защищавшихъ городъ; остальные пали при атакѣ укрѣпленій и порублены при преслѣдованіи Русскими Черкесами: такъ Турки и Болгары называли Кавказскую бригаду полковника Тутолмина.

Ротмистръ въ отставкѣ **Василій Васильевичъ Воейковъ.**

Тамбовъ
25 Мая 1899.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страницы.	*Строки.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
2	6 сверху	Взять его себѣ, какъ свой гусарскій полкъ въ конвой.	Взять его себѣ въ конвой, какъ Атаманскій Наслѣдника Цесаревича полкъ, который ушелъ Наслѣднику въ конвой.
14	5 снизу	Солдатики, Жидки изъ евреевъ.	Солдатики изъ Евреевъ.
16	13 „	ничь нема.	хичь нема.
17	9 „	измѣна такого то что пораженія.	измѣна, что такого пораженія.
17	11 „	Канказскую бригаду.	Кавказскую бригаду.
19	3 „	съ „шампуры“.	съ „шампура“.
26	8 „	сотня.	сотни.
29	2 „	что меня начала.	меня начала.
29	20 „	опять послали.	опять послалъ.
29	6 „	старается заѣхать меня.	старается заѣхать мнѣ.
39	1 „	мякость.	микоть.
42	17 „	выѣзжать.	вылезать.
49	11 „	вечеръ вездѣ былъ.	вечеръ былъ.
53	3 „	и снявъ съ нихъ.	и снявъ съ пикъ.
54	17 „	кто бурку, какъ пальто.	кто бурку, кто пальто.
54	2 „	Туркамъ пристрѣляться. Эти команды были учреждены въ каждомъ эскадронѣ незадолго передъ кампаніей. Собственно говоря, это была таже цѣль разъѣздовъ, только подъ другимъ названіемъ. Мы шли въ зводныхъ колонахъ, имѣя впереди наѣздниковъ, которымъ удалось тотчасъ же перервать телеграфную линію, соединявшую Горный Дубнякъ съ Телишемъ.	Туркамъ пристрѣляться. Мы шли въ взводныхъ колонахъ, имѣя впереди наѣздниковъ, которымъ удалось тотчасъ же перервать телеграфную линію, соединяющую Горный Дубнякъ съ Телишемъ. Эти команды были учреждены въ каждомъ эскадронѣ незадолго передъ кампаніей. Собственно говоря, это была таже цѣпь разъѣздовъ только подъ другимъ названіемъ.
58	12 „	въ одной изъ нихъ.	одной изъ нихъ.
59	1 „	крики: „Къ пѣшему строю слѣзай“.	крики: „Къ пѣшему строю.
61	21 „	аминъ, аманъ.	аманъ, аманъ.
62	5 „	Шервета-паши.	Шевкета-паши.
76	1 „	пушка; а наша.	ружье; а наша.
77	1 „	оттуда.	откуда.
78	5 „	за этими укрѣпленіями днемъ.	за этими укрѣпленіями.
80	1 „	а тотъ спустился.	а оттуда спустился.
86	17 „	Небольно залюбовался.	Невольно залюбовался.
86	7 „	не о нападеніи.	не о паденіи.
89	1 „	поѣхавшій.	поѣхавшаго.
90	10 „	Лепсаны.	Лежаны.
91	1 „	идутъ!“ стремительной.	идутъ!“ и стремительной.
91	20 „	и снова.	и мы снова.
91	13 „	пули ложились, въ главномъ караулѣ нѣсколько человѣкъ было ранено.	пули ложились въ главномъ караулѣ, гдѣ нѣсколько человѣкъ было ранено.
91	12 „	послушивали.	послушали.
94	8 „	не успѣхи.	не успѣли.
95	10 „	и стало.	и сталъ.
96	20 „	медленно.	немедленно.
96	15 „	мы во время.	вы во время.
102	17 „	былъ ею доволенъ.	былъ этимъ недоволенъ.
105	11 „	Имургагъ.	Имургачъ.
121	10 „	з г степріимство,	за гостепріимство.
121	17 „	выбойнями.	выбоинами.
122	5 „	свое недовольство.	ихъ недовольство.
125	17 „	говорилъ мнѣ.	говорили мнѣ.
134	15 „	за деревню озеромъ.	за деревню къ озерамъ.
134	7 „	но подпускали насъ.	но не подпускали.
137	3 „	со шкафомъ.	шкафомъ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страницы.	*Строки.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
2	6 сверху	Взять его себѣ, сарскій полкъ въ	ой, ка ый ой.
14	5 снизу	Солдатики, Жидки	
16	13 „	ничь нема.	
17	9 „	измѣна такого то нія.	ія.
17	11 „	Канказскую бриг	
19	3 „	съ „шампуры“.	
26	8 „	сотня.	
29	2 „	что меня начала	
29	20 „	опять послали.	
29	6 „	старается заѣхат	
39	1 „	мякость.	
42	17 „	выѣзжать.	
49	11 „	вечеръ вездѣ бы	
53	3 „	и снявъ съ нихъ	
54	17 „	кто бурку, какъ	
54	2 „	Туркамъ пристр команды были уч каждомъ эскадронѣ редъ кампаніей. С воря, это была таж ѣздовъ, только под званіемъ. Мы шли колонахъ, имѣя в никовъ, которымъ часъ же перервать линію, соединявш Дубнякъ съ Телищ	Мы къ, ко- пе- ю, къ ды мъ едъ ря, овъ ва-
58	12 „	въ одной изъ ни	
59	1 „	крики: „Къ пѣ слѣзай“.	
61	21 „	аминъ, аманъ.	
62	5 „	Шервета-паши.	
76	1 „	пушка; а наша.	
77	1 „	оттуда.	
78	5 „	за этими укрѣпл	
80	1 „	а тотъ спустился	
86	17 „	Небольно залюбо	
86	7 „	не о нападеніи.	
89	1 „	поѣхавшій.	
90	10 „	Лепсаны.	
91	1 „	идутъ!“ стремите	
91	20 „	и снова.	
91	13 „	пули ложились, караулѣ нѣсколь было ранено.	омъ ло-
91	12 „	послушивали.	
94	8 „	не успѣхи.	
95	10 „	и стало.	
96	20 „	медленно.	
96	15 „	мы во время.	
102	17 „	былъ ею доволе	
105	11 „	Имургагъ.	
121	10 „	з г степріимство	
121	17 „	выбойнями.	
122	5 „	свое недовольст	
125	17 „	говорилъ мнѣ.	
134	15 „	за деревню озер	
134	7 „	но подпускали в	
137	3 „	со шкафомъ.	

1500218721

2 —
N 2147

65